

Т 7.014
3

Эристави, Р. Д.

Заметки о Сванетии.

Р. Д. КН. ЭРИСТОВЪ.

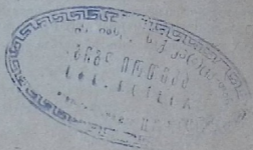
(47.93)39

Э 775

10
ЗАМѢТКИ

0

СВАНЕТИИ.

ТИФЛИСЬ
Типографія М. Шарадзе и К°.
1898 г.

Handwritten text, possibly a title or author's name, written in a cursive script.

Перепечатано по постановленію Распорядительнаго Комитета Кавказскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества изъ XIX кн. Записокъ того-же Отдѣла.

T 7.014
3

ЗАМѢТКИ О СВАНЕТИИ

Вн. Рафаила Давидовича Эристова.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ВЪ СВАНЕТИИ ВООБЩЕ И ВЪ ВОЛЬНОЙ—ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Связь нѣсколькихъ селеній между собою составляло въ Сванетіи общину, или волость „абуасдъ“. Жители мужскаго пола выше 20-лѣтняго возраста въ обществѣ составляли *собраніе*—„лузоръ“, или *сходъ*—„лухоръ“. Вообще-же каждый совершеннолѣтній, мужскаго пола, членъ двора, могъ выражать волю, имѣлъ голосъ въ сельскомъ сходѣ. Въ частности-же, женскій полъ могъ и имѣлъ право бывать въ сходѣ, въ особенности, когда въ немъ, по какимъ либо причинамъ, не могъ участвовать изъ ея дома представитель мужскаго пола и тѣмъ болѣе, если она слыла за женщину умную и болѣе дѣльную, чѣмъ мужчина изъ того дома. Словомъ, право участія въ общественныхъ сходкахъ имѣли оба пола, съ нѣкоторыми ограниченіями или измѣненіями. Волостное собраніе было высшею инстанціею въ сванетскомъ юридическомъ установленіи и оно окончательно рѣшало общественныя дѣла, ни кому не давая въ томъ отчета и ни предъ кѣмъ не неся въ томъ отвѣтственности.

Собраніе имѣло широкія права. Оно, подъ предѣлательствомъ „махви“ (старшины) выселяло дворъ, извѣстную семью или нѣсколько дворовъ съ мѣста жительства, выжигало ихъ усадьбы, изгоняло изъ общества вредныхъ лицъ и казнило смертью, того, кто могъ быть замѣченъ въ дѣяніи—подчинить свое общество (отдать въ кабалу) какому нибудь князю, ради личныхъ своихъ интересовъ, словомъ, какъ говоритъ народъ—„вѣри мукдени“—*ვარი მუკდენი*,—измѣнника страны, а равно—святотата. Если собраніе усматривало смягчающія обстоятельства въ двухъ выше помянутыхъ предступленіяхъ, тогда оно смертную казнь замѣняло выселеніемъ съ семьею изъ края, изгнаніемъ изъ своего общества.

Нужно при этомъ замѣтить, что насколько исчисленные наказанія были строги, на столько и самыя преступленія, вызвав-

шія эти мѣры, бывали рѣдки. Правда теперешнее поколѣніе не было свидѣтелемъ смертной казни кого бы то ни было, по приговору общества, но оно (поколѣніе) вполне убѣждено и вѣрить преданію о совершенныхъ двухъ казняхъ. Эти событія, какъ передаетъ народъ, имѣли мѣсто въ Вольной Сванетіи—Ипарскомъ и Ушгультскомъ обществахъ. Житель Ипарскаго общества Гиво Гулбани пріютилъ у себя азнаура Гела Девдоріани, который имѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ ипарцевъ. Общество, узнавъ объ этомъ, схватило Гулбани и посадило его на колъ. Преданіе объ этомъ подтверждается еще пѣснію, распѣваемой народомъ во время пировъ, въ видѣ „многая лѣта“. Вотъ эта пѣсня.

„Да зальется смолой Гиво Гулбани, за то, что онъ привелъ Гелу въ Богреші.*).

Такое-же преданіе осталось въ Ушгультскомъ обществѣ, относительно двухъ братьевъ Ратіани, ограбившихъ мѣстную церковь. Они были казнены по приговору общества, на мѣстѣ преступленія**); выпотрошены пиккою, вынесенною изъ той-же церкви.

Въ Сванетіи и теперь услышите въ народѣ, относительно нарушителей обычнаго и общественнаго порядка, выраженія: такой-то (преступникъ) „леикгре-ли“ (ლეიკგრელი)—*достойнъ кола*; „лешумпури-ли“ (ლესუმპურილი)—*достойнъ вертела* (насажденія на вертелѣ); „лешеби-ли“—*достойнъ пикки*. Выраженія эти должны имѣть связь съ пріемами или орудіями, практиковавшимися когда-то въ Сванетіи, при наказаніяхъ преступниковъ.

Волостному собранію подвѣдомы были дѣла: а) рѣшеніе вопроса о набѣгѣ на сосѣднія страны, преимущественно на Терскія и Кубанскія общества; б) наложеніе на нихъ дани, или заключеніе съ ними мира; в) заключеніе союза съ разными обществами, когда въ томъ предстояла необходимость, и г) распределеніе между жителями подворной подати, если представлялась въ томъ надобность. Напримѣръ, если какой нибудь членъ общества убивалъ общаго, посторонняго врага и общество считало себя обязаннымъ удовлетворить родственниковъ убитаго за кровь— „тцоръ“ (წორ.), по равномерной, подворной раскладкѣ, или, если нужно было выкупить, на счетъ общества, члена этого общества, попавшагося въ плѣнъ къ общему врагу, и, наконецъ, если само общество брало выкупъ съ попавшагося къ нему въ плѣнъ обща-

*) Богреші—селеніе въ Ипарскомъ обществѣ.

***) На мѣсто казни и теперь указываютъ.

го врага. Волостное собраніе наказывало за кражи, въ особенности если тоже преступленіе повторилось однимъ и тѣмъ-же лицомъ. За кражу налагалось взысканіе „либаръ“—(ლიბარ), въ пользу общества и потерпѣвшаго.*)

Размѣръ взысканія опредѣлялся собраніемъ, по своему усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами дѣла и съ матеріальнымъ состояніемъ виновнаго.

Собраніе налагало также взысканіе съ членовъ своего общества, нарушавшихъ дѣдовскіе, обычные порядки, наприм., кто позволялъ роженицѣ выходить изъ дому ранѣе опредѣленнаго срока (?), кто работалъ въ праздничные дни и т. д.

Собранію подчинялось и мѣстное духовенство—„папы“.

За участіе въ ссорѣ духовнаго лица, его лишали сана: а) *на всегда*, если духовное лицо убивало, или ранило кого (не зависимо лишенія сана, собраніе подвергало дѣяніе его обсужденію и обычному разрѣшенію мѣстнаго суда), и б) *временно*, если духовное лицо было замѣчено въ прелюбодѣяніи. За пьянство же подвергали штрафу.

На обязанности собранія лежало наблюденіе за сохраненіемъ нравственности. Особенное вниманіе было обращено на незамужнихъ дѣвицъ. За прелюбодѣяніе ихъ и прижитіе незаконно ребенка, собраніе отбирало отъ родителей ея, а за не имѣніемъ таковыхъ—отъ попечителей, родственниковъ виновницы въ штрафъ пахатное поле, покосъ, или лѣсъ, въ однодневное паханье, что и поступало въ вѣчное владѣніе и распоряженіе селенія, какъ статья общественнаго дохода. Виновницѣ-же и прижитому ею ребенку воспрещалось бывать въ церкви и на храмовыхъ праздникахъ, а послѣ смерти воспрещалось хоронить ихъ въ освященной землѣ. Вообще прелюбодѣйка лишалась права приносить Богу жертву.

Собраніе наказывало виновныхъ въ кровосмѣшеніи штрафомъ, а въ особенности строго преслѣдовало виновныхъ, осквернившихъ духовное родство.

Собраніе же разрѣшало сомнительные вопросы, при желаніи дальнихъ родичей вступить между собою въ бракъ.

*) Въ 1880 г. житель Кальскаго общества, Микель Маргвеліани укралъ у сосѣда барана. Общество узнавъ объ этомъ, созвало сходъ и собраніе взыскало съ виновнаго два барана и быка. Бараны отданы потерпѣвшему, а быкъ былъ зарѣзанъ и съѣденъ народомъ, получившимъ за это самоволіе отъ администраціи нагоняй...

Воспрещено вступать въ бракъ до десятой степени родства, а родичамъ одного поколѣнія—во все, безъ ограниченія степеней родства.

Таковы были обычныя права волостнаго собранія. Союзъ между собою всѣхъ сванетскихъ обществъ, такимъ образомъ устроенныхъ, составлялъ „хеобъ“*), нѣчто въ видѣ федеративной республики. Союзъ имѣлъ слѣдующія назначенныя мѣста для собранія: сел. Лалавери, бывшее въ нынѣшней Княжеской Сванетіи**) по срединѣ Лахамульскаго и Парскаго обществъ; въ Ипарскомъ обществѣ, на полянѣ, извѣстной, подъ называніемъ „Свимонъ“ у сел. Ушгули. На этихъ мѣстахъ собирався народъ, со всего Ингурскаго ущелья, когда подлежало разрѣшить вопросъ, касающійся всего ущелья, какъ напр., когда какая нибудь княжеская фамилія грозила подчинить ихъ себѣ, или когда сами жители собирались сдѣлать набѣгъ на сосѣднія, враждебныя имъ племена, изъ за мести и т. п.

На такихъ великихъ собраніяхъ являлись отъ каждаго общества „махвши“ (старшины) и по нѣсколько депутатовъ, а въ исключительныхъ случаяхъ—по одному человѣку отъ каждаго двора. Такое собраніе было созвано въ Вольной Сванетіи въ 1875 году,—въ годъ возстанія ихъ.

Ма х в ш и.

„Махвши“ значитъ старшій, старшина, „мамасахлисъ“.

„Махвши“ у сванетовъ бывалъ предѣдателемъ волостнаго собранія, что-то въродѣ президента республики. Онъ избирался народомъ безсрочно и если оказывался достойнымъ и соотвѣтствовалъ мѣсту, то оставался въ должности до глубокой старости. Негоднаго махвши смѣняли во всякое время. Право голоса, въ выборахъ махвши, имѣли всѣ совершеннолѣтніе, хотя бы въ семьѣ нашлось таковыхъ 30 душъ. Женскому полу были предоставлены тѣже права, хотя ихъ бывало на собраніяхъ мѣнѣе мужчинъ. Избираемый въ „махвши“ долженъ былъ быть пожилой, храбрый, опытный, честный, разумный и преданный обществу.

Избранное для выборовъ мѣсто носило, въ разныхъ обществахъ, различныя названія: „лалхоръ“, „скишь“, (ᄃᄃᄃ) и „са-

*) „Хеобъ“, въ буквальноймъ переводѣ, ущелье.

**) Селенія этого уже не существуетъ.

хевъ“ *) (въ Дадіановской Сванетіи), что означало для народнаго собранія, въ родѣ греческаго „агого“ или римскаго— „Fogum“. Тутъ и собирались сванеты для сказанной цѣли; сюда-же стекались они для разрѣшенія сходомъ общественныхъ вопросовъ. Народъ созывался однимъ изъ членовъ общества, трубившимъ изъ предлинной мѣдной „буки“. Услышавъ звуки трубы, всё торопились нарядиться въ лучшія праздничныя платья и, вооружившись, спѣшили на созываемое мѣсто. Бывало, соберется народъ, на лицахъ у всѣхъ печать веселья; идетъ у нихъ говоръ и славное воспоминаніе о бывшемъ, честно потрудившемся на пользу общую, достойномъ „махвши“. Вотъ вывели впередъ и новую личность— кандидата въ „махвши“ **). Пауза. Народъ и кандидатъ въ „махвши“ осматриваютъ другъ друга, какъ будто впервые знакомятся.

Наконецъ, изъ среди толпы выступалъ впередъ одинъ изъ ораторовъ и обратившись къ избираемому въ махвши, держалъ такого рода рѣчь: „Славный Есакъ! (имя избираемаго). Со времени „Ива-Адамунъ-го“— *Евы-Адама*, памятни намъ твои предки съ хорошей стороны, они были у насъ въ почетѣ, достигали славы. Отнынѣ и ты будешь такимъ же. Не чужды твоему роду почетъ и величіе, оказанные ему народомъ. Это такъ. Нечего говорить неправду (утаивать), что нынѣ мы оказываемъ и тебѣ большой почетъ; тебя, одного изъ нашихъ, дѣлаемъ старшиною надъ нами (возводимъ въ старшины) и на сколько великъ, оказываемый нами тебѣ почетъ, во сто тысячъ кратъ должны превосходить его твоя любовь къ намъ и самоотверженная преданность. Отнынѣ, ты нашъ отецъ, мы—твои дѣти. Помни это. Мы, довѣрившись твоему славному, честному имени, надѣемся, что ты исполнишь свой долгъ, исполнишь наше порученіе при обязанностяхъ „махвши“, каковую должность, мы, сегодня передали тебѣ въ руки“...

За тѣмъ ораторъ поминалъ и перечислялъ, поименно всѣхъ бывшихъ въ должностяхъ „махвши“, не только того общества, но и всѣхъ обществъ Сванетіи и молилъ Бога о помощи, заслужить

*) *Saxev*—ущельное, для сбора жителей всего ущелья.

***) Нужно замѣтить что кандидатъ въ махвши бывалъ намѣчаемъ народомъ еще при жизни прежняго и если народъ собирался на выборы, то чтобы, такъ сказать, оформить, узаконить самые выборы и публично подтвердить выборъ избираемаго въ должность.

„махвши“ такое же имя, какое заслужили перечисленные имени-
тые „махвши“, во времена коихъ благоденствовалъ народъ!...
„Да позавидуютъ тебѣ, продолжалъ ораторъ, обращаясь къ из-
бираемому,—если ты исполнишь твердо все, какъ того требуютъ
обычныя наши установленія, порядокъ“.

Въ заключеніе, ораторъ, снявъ шапку, становился на колѣ-
на и возведя руки къ небу, произносилъ: „слава тебѣ, Всевыш-
ній Боже! Молимъ Тя, услышь молитву нашу: если когда либо,
въ Сванетскомъ ущельи выборъ „махвши“ бывалъ къ добру и
счастью, то и вторично (и нынѣ) избраннаго нами „махвши“
направь къ добру и счастью!“

„Аминь!“ восклицалъ единогласно народъ отъ мала до вели-
ка и эхо вторило ему, оглашая ущелье глухимъ раскатомъ!..
Послѣ этого, вновь избранный въ махвши, поблагодаривъ народъ
за выборъ его и довѣріе къ нему, произносилъ громогласно:
„Слава Тебѣ, создавшему человѣка, Боже! Услышь молитву мою;
дай мнѣ возможность постигнуть постижимое; отклони меня отъ
ошибокъ; дай мнѣ умъ, разумъ, память; окажи мнѣ помощь и, будь
покровителемъ во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ и дѣлахъ; удали
отъ меня лѣснаго и дьявола; дай мнѣ возможность достойно слу-
жить обществу; не ввергни меня и моихъ дѣтей и потомковъ въ
безысходный стыдъ и срамъ, подай же мнѣ силы исполнить до
моей смерти обязанности „махвши“ честно, къ добру общества и
чтобы было чѣмъ гордиться мнѣ!..“ Этимъ кончались выборы
„махвши“, народъ расходился и вновь избранное лицо вступало
въ отправление своихъ великихъ обязанностей, въ свои права. Не
бывало, не только основанія, но и тѣни въ предположеніи, чтобы
выборы въ махвши, могли быть заподозрѣны, когда либо и кѣмъ
либо, въ незаконности; ни кто не смѣлъ даже шепнуть кому ни-
будь о своей кандидатурѣ въ „махвши“, не говоря уже о томъ,
что пріобрѣтеніе для этого, въ свою пользу, шаровъ и образова-
ніе партіи, не имѣли здѣсь мѣста. Подкупы были чужды сване-
тамъ. Въ „махвши“, какъ мы уже сказали выше, было зара-
нѣе намѣчено народомъ лицо, соединявшее въ себѣ всѣ не-
обходимыя для того качества и оказавшее обществу дѣйстви-
тельныя заслуги.

„Махвши“ не получали содержанія. Они выше всего стави-
ли вниманіе къ себѣ народа и этимъ они гордились и были без-
смертны въ народѣ. Вотъ и вся награда имъ!.. Многосторонни бы-

ли обязанности махши, но и права были обширны, какъ бы неограниченныя, хотя онъ ничего не рѣшалъ безъ народнаго собранія, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ. Всякаго рода дѣла были ему подвѣдомы, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, важныя и маловажныя. Безъ собранія, помимо воли народа, махши не разрѣшалъ общественныхъ вопросовъ, а если онъ, въ крайнихъ, рѣдкихъ случаяхъ, бралъ на свою отвѣтственность разрѣшеніе ихъ, то это бывало, когда онъ несомнѣнно убѣждался въ выгоды того рѣшенія въ пользу своего общества, что интересы послѣдняго сохранены и что общество одобритъ его дѣйствіе.

Махши, по вопросамъ общественнымъ, прежде всего держалъ совѣтъ съ опытными, заслуживающими довѣрія лицами, а за тѣмъ представлялъ эти вопросы на разрѣшеніе собранія, доживъ при этомъ, объ обстоятельствахъ дѣла и высказавъ, какъ свой взглядъ на дѣло, такъ и мнѣніе къ разрѣшенію его. Собраніе, или соглашалось съ мнѣніемъ махши вполнѣ, или въ части, или отвергало его совсѣмъ.

Во время народныхъ праздниковъ, какъ бы они продолжительны не были, „махши“ имѣлъ власть обезоруживать народъ, въ предупрежденіе и отвращеніе параненій и убійствъ въ ссорахъ, при попойкѣ. Онъ охранялъ между членами общества тишину и спокойствіе; мирилъ ссорящихся и враждующихъ между собою. „Махши“ былъ особенно озабоченъ и смотрѣлъ въ оба, когда между двумя родами его общества возникалъ поводъ къ кровомщенію, кипѣли страсти. Тогда онъ цѣлые сутки проводилъ, то у одного изъ враждующихъ, то у другого, дѣйствуя внушеніями увѣщеваніями и успокоивая раздраженныхъ, склоняя ихъ къ примиренію. Но если этимъ путемъ онъ не достигалъ цѣли, тогда принужденъ бывалъ дѣйствовать энергически: созывалъ народное собраніе, которое останавливало враждующихъ силою. И рѣдко, когда старанія махши въ этомъ смыслѣ не увѣнчивались успѣхомъ. Въ противномъ же случаѣ враждующій и ослупившійся родъ ихъ заслуживалъ неудовольствіе и гнѣвъ какъ махши, такъ и всего общества. Если же враждующихъ склоняли къ миру, то тогда же выбирали посредниковъ, а предсѣдателемъ такого суда все же бывалъ махши. Махши имѣли право участвовать въ частныхъ и домашнихъ дѣлахъ членовъ общества, также какъ и въ общественныхъ дѣлахъ, напр. при раздѣлѣ братьевъ между

собою, отца съ дѣтьми, при спорахъ и ссорахъ братьевъ и супруговъ между собою. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ принималъ дѣятельное, примиряющее участіе.

О вліяніи махвши, о правахъ ихъ и участіи ихъ въ дѣлахъ судебныхъ, будетъ сказано въ отдѣлѣ „о судопроизводствѣ въ Сванетіи“. Повторяемъ: чѣмъ вознаграждались махвши за безкорыстные, дѣятельные и честные труды ихъ? Почетомъ, оказываемымъ всемъ родомъ, оцѣнкой ихъ службы и *вычною* славой, заслуженною ими въ должности! Бывали однако случаи, хотя и рѣдкіе, когда народъ приходилъ на помощь (жать, косить) къ махвши, которые за многосложными и многосторонними своими обязанностями, не имѣли времени заняться своими дѣлами. Имена любимыхъ „махвши“, живутъ и по нынѣ въ памяти народной, какъ и имена славныхъ героевъ другихъ народовъ. Въ этомъ убѣдится каждый, кто вникаетъ въ жизнь сванетцевъ, но не мимолетный путешественникъ, непонимающій языка этого народа. Должности махвши упразднили въ 1869 году, когда въ Сванетіи введено было правительственное сельское управленіе, съ назначеніемъ сельскихъ старшинъ—*мамасахлисовъ*.

Въ началѣ появленія въ Сванетіи представителя русскаго управленія—пристава князя Ал. Микеладзе, махвши составляли его свиту и при ихъ содѣйствіи онъ вводилъ въ краѣ русскіе законы. Въ 1859 году полковникъ Барталомей, извѣстный археологъ и нумизматъ, приводилъ къ присягѣ на поданнство Россіи, при содѣйствіи махвши Аби Парджіани (აბიჯიანი) два общества Вольной Сванетіи.

Послѣ Микеладзе назначается приставъ кн. Семень Амираджиби; при немъ махвши всей Сванетіи переименовываются въ мдиванъ-беги *) съ назначеніемъ каждому изъ нихъ въ годъ отъ 150 до 300 р. содержанія.

Пристава Амираджиби замѣнилъ И. Мамацевъ, а послѣдняго—кн. З. Джорджадзе. При нихъ махвши (переименованные въ мдиванбеги) исподоволь теряютъ первоначальное свое значеніе, а въ 1869 году, какъ упомянуто выше, упраздняется и мдиванбегство.

Трудно усвоиваются новые съ 1869 года порядки махвшами и народомъ, чужды имъ эти порядки, происходятъ замѣшатель-

*) *Мдиванбеги*—членъ совѣта, но въ сущности, по должности,—въ роѣ участковаго начальника.

ства, но мало по малу народъ свыкается съ новыми порядками, и все улаживается.

М о р в а р ь .

„Морварь“, въ переводѣ—судья, посредникъ, въ родѣ медиатора, а судъ изъ нихъ напоминаетъ, отчасти, судъ третейскій. Въ Сванетіи морваромъ могъ быть каждый членъ общества; морварь не считался должностнымъ лицомъ, ни постояннымъ ни на срокъ, а былъ выбираемъ на время тяжбы или процесса. Избраніе морваровъ зависѣло отъ выбора и воли тяжущихся, поровну съ каждой стороны, не менѣ двухъ и не болѣ двѣнадцати; болѣе же двѣнадцати допускалось въ рѣдкихъ, исключительно важныхъ, случаяхъ и при томъ всѣ морвары избирались тяжущимися или изъ числа своихъ родственниковъ, или изъ постороннихъ лицъ, въ отклоненіе сомнѣнія въ пристрастіи судей, хотя этого пристрастія никогда не подозрѣваль и не допускалъ въ нихъ народъ. На морваровъ съ благоговѣніемъ смотрѣли сванеты, называя ихъ „божьими созданіями“.

Морварь цѣнилъ довѣріе къ нему народа и такъ чисто сердечно и усердно служилъ дѣлу, что не было ни какой возможности набросить на все даже тѣнь въ лицепрятіи. Онъ и безъ того смущался и тужилъ говоря: а что если я, своимъ невѣжествомъ, непониманіемъ сути дѣла, уклонился отъ правильнаго сужденія и запятналъ, осквернилъ присягу.—Сванеть чрезвычайно остерегается „своей обычной присяги“ *), бѣжить отъ нея!.. Онъ убѣжденъ, что если онъ былъ невольно вовлеченъ въ ложную присягу, не подрѣвая лживости обстоятельства, по которому присягалъ, то неминуемо навлечетъ гнѣвъ Божій, не только на себя лично, но и на домъ свой, и на домочадцевъ и потомковъ своихъ!.. Не освободиться ему отъ этого, не выдти изъ подъ гнета присяги. По этому чрезвычайно трудно было достать въ Сванетіи морвара. Каждый, узнавши, что онъ намѣченъ къмъ либо въ мор-

*) Форму присяги, принятую въ нашихъ судахъ, они не считаютъ присягою, или, по крайней мѣрѣ присягою неодинаковой силы съ *своею* и потому какъ они, такъ и другіе жители Закавказья, православнаго исповѣданія, въ особенности шавы, хевсурь, мингрельцы и другіе, считаютъ болѣе дѣйствительною присягу, принятую на извѣстныхъ мѣстныхъ образахъ, считаемыхъ ими чудотворными, карающими лжецовъ. А морвары присягали передъ объявленіемъ постановленнаго ими рѣшенія, или приговора, въ правильности и добросовѣстности его.

вары, остерегался, скрывался отъ павшаго на него выбора!.. Однако сванеты находили средство заставить уклоняющихся лишь принять на себя обязанность морвара. Стоило только добыть какую нибудь вещь, принадлежащую мѣстной церкви, напр. хоть замокъ отъ дверей храма. Тогда, отыскивающій намѣченнаго имъ въ морвары, слѣдилъ за послѣднимъ и застигнувъ его въ чьемъ либо домѣ, старался чтобы онъ коснулся рукою того замка. Последъ этого не было возможности отказаться отъ обязанности быть морваромъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

Морварамъ были подвѣдомы всякаго рода дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, о коихъ будетъ сказано далѣе. Мы говорили, что стороны выбирали морваровъ, отъ 2-хъ до 12-ти; между тѣмъ сванеты большею частью ограничивались 6-тью морварами. Когда же избирали не болѣе четырехъ, то, бывали случаи, что къ нимъ присоединяли еще *одного съ общаго согласія и выбора тяжущихся*. Однако до выбора морваровъ, президентъ—„махвши“ и нѣсколько постороннихъ лицъ дѣлали попытку примирить между собою враждующихъ. На случай неуспѣха въ этомъ, истецъ или жалобщикъ наименовывалъ своихъ морваровъ и чрезъ „махвши“ увѣдомлялъ объ этомъ отвѣтника или обвиняемаго; тотъ, въ свою очередь, и тѣмъ же путемъ, сообщалъ истцу, или жалобщику имена назначенныхъ имъ морваровъ. Наконецъ всѣ собирались въ одномъ мѣстѣ. Положимъ дѣло, подлежащее разсмотрѣнію морваровъ, было уголовнаго свойства.—Жалобщикъ, первый былъ обязанъ угостить у себя въ домѣ морваровъ и президента—„махвши“, при чемъ обвиняемый не присутствовалъ; угощеніе обязательно бывало необыкновенно обильное, сытное. И вотъ какъ это происходило.

Къ жалобщику, приготовившему угощеніе, приходили морвары и махвши и сѣдѣли на скамьяхъ, а во главѣ ихъ самъ жалобщикъ. Ставили предъ ними столы, уставленные хлѣбами, мясомъ, сыромъ. Тутъ жалобщикъ, коснувшись рукою хлѣба, вставалъ и, обращаясь къ морварамъ, говорилъ: „моя благодать да будетъ вамъ, моимъ милостивымъ помощителямъ; дай-то Богъ не видѣтъ мнѣ, подобнаго моему, случаи въ вашихъ очагахъ дома; да воздастъ вамъ Богъ взамѣнъ трудовъ, какіе понесете вы, ради меня!“ Тутъ онъ приступалъ къ трапезѣ. Морвары отвѣчали ему: „да прекратитъ Богъ, отнынѣ въ твоёмъ домѣ подобныя расходы; желаемъ, чтобы мы бывали у тебя въ будущемъ, лишь

на веселыхъ трапезахъ“. За этимъ начиналось угощеніе. Виночерпій наливалъ водку *) въ рогъ и подавалъ прежде всего домашояину-жалобцику, а потомъ всѣмъ остальнымъ. Это повторялось три раза, послѣ чего гости переставали вдругъ кушать и смотрѣли, обратившись къ обвинителю. Тотъ вставалъ, снималъ шапку и подойдя къ морварамъ, съ наполненнымъ водкою рогомъ въ рукѣ, прежде всего призывалъ Бога, какъ справедливаго судью, а за тѣмъ обращаясь къ морварамъ, упрашивалъ ихъ: „такъ какъ вы приняли на себя трудъ, вступить въ благодать мою“ (разобрать дѣло его), то и прошу постараться рѣшить дѣло по совѣсти“. Послѣ такого вступленія, онъ начиналъ излагать обстоятельства дѣла своего, а морвары, съ наполненными рогами въ рукахъ, внимательно слушали его и въ особенности двое изъ нихъ, такъ какъ они были обязаны, слово въ слово передать обвиняемому содержаніе жалобы. По окончаніи рассказа, обвинитель вновь просилъ морваровъ не обидѣть его несправедливостью и выпивалъ водку. Морвары обнадеживали его, что они такъ окончатъ дѣло, что будетъ пріятно и Богу и враждующимъ между собою сторонамъ,—и въ свою очередь, выпивали водку и продолжали кушать, а по окончаніи трапезы, расходились по домамъ. На другой день, послѣ этого, морвары отправлялись къ обвиняемому, который заранѣе былъ предувѣдомленъ о приходѣ къ нему судей и былъ приготовленъ принять и угостить ихъ. Тутъ повторялась та же исторія, т. е. троекратная выпивка водки изъ роговъ и послѣ того передача морварами обвиняемому содержанія жалобы. Что забывалось передававшими морварами изъ этого содержанія, то дополнялось остальными морварами, вспоминаяшими подробности обстоятельствъ дѣла. Обвиняемый, выслушавъ обвиненіе, излагалъ морварамъ свои возраженія, съ тѣми же формальностями или церемоніями; трапеза закончивалась и возраженія эти передавались на другой день потерпѣвшему, тѣмъ-же порядкомъ.

За возраженіями могли послѣдовать, съ обѣихъ сторонъ, и опроверженія, и во всѣхъ этихъ случаяхъ морвары излагали каждой сторонѣ все высказанное противникомъ въ такихъ мягкихъ выраженіяхъ и такъ человѣчно-добросовѣстно, какъ-бы, каждая изъ нихъ, добываясь истины, желала-бы лишь разсѣять свое сомнѣніе, недоумѣніе, за ранѣе извиняясь, что причиняетъ против-

*) Въ Дадіановской Сванетіи бываетъ и виноградное вино.

нику неудовольствіе, тревожить его и вовлекаетъ въ напрасные расходы.

Такимъ образомъ морвары подготовляли дѣло къ благопріятному исходу, успокоивали страсти, склоняли враждующихъ къ любовной сдѣлкѣ, къ миру. Бывали случаи, когда обстоятельства дѣла, по давности своей, требовали разъясненія свидѣтельскими показаніями, а подобные случаи бывали весьма рѣдки, потому что сванеты никогда не скрывали своего проступка, или преступленія. Не въ природѣ сванета скрывать свой поступокъ. Но если онъ дѣлалъ кому либо зло, гадилъ ему, то это для того чтобъ смыть съ себя позоръ, навлеченный на него противникомъ и этимъ путемъ возстановить свою честь, чтобъ противникъ не могъ похвастаться, дескать „я такому то надѣлалъ то-то!..“

Свидѣтелей вообще допрашивали *непрерывно подѣ присягою, въ оградѣ* церковной, передъ вынесеннымъ изъ той церкви образомъ. По окончаніи всего этого, оставалось взвѣсить доводы и возраженія сторонъ, принять во вниманіе показанія свидѣтелей, (если они были допрошены) и за тѣмъ уже постановить приговоръ. Для постановленія приговора *) судьи удалялись въ какое нибудь безлюдное мѣсто, на краю селенія, если благопріятствовала къ тому погода. Въ противномъ случаѣ—въ какой нибудь необитаемый домъ, чтобы ни кто не могъ подслушать ихъ. Тогда морвары просили „махвши“ *первому* произнести свое мнѣніе по дѣлу и опредѣлить размѣръ вознагражденія потерпѣвшему. Въ этомъ случаѣ махвши былъ обязанъ вновь рассказать, въ подробности, обстоятельства дѣла (такъ сказать доложить суду), повторить все и указать на существенные доводы сторонъ, напомнить судьямъ объ обычныхъ законоположеніяхъ, соотвѣтствующихъ данному случаю, указать на аналогичные, съ разрѣшаемымъ дѣломъ, случаи въ прошедшемъ и высказать свое послѣднее слово, суть приговора. Послѣ „махвши“ отбиралось мнѣніе отъ судьи, старшаго по лѣтамъ, за нимъ—съ слѣдующаго и т. д., до послѣдняго морвары. Наконецъ, всѣ приходили къ согласному заключенію. Разногласія между судьями, почти никогда не бывало, потому что, каждый изъ нихъ очень хорошо зналъ, какое наказаніе, или взыскаіііе, влечетъ за собою извѣстное преступленіе. Напримѣръ, положимъ, что Эсавъ жа-

---

*) Или рѣшенія, когда обсуждалось дѣло гражданское.

лается на Баби, что этот причинилъ ему увѣчые, а извѣстно морвару, что за подобное преступленіе полагается взысканіе съ виновнаго, въ пользу потерпѣвшаго, — *половина*, опредѣленнаго за *кровь* (тцоръ). Это — безспорно. Положимъ также, что Эсавъ, въ свою очередь, до причиненія ему увѣчья, или *послѣ* того ошорочилъ, какимъ нибудь образомъ, имя Баби. За это слѣдуетъ съ Эсава взыскать 12 „аццишъ“ — (равняющійся 6 рублямъ) — 72 руб. Сумма эта должна быть исключена изъ присуждаемой Эсаву за увѣчые. *) Наконецъ предположимъ, что Эсавъ, кромѣ того, оскорбилъ Баби на словахъ. Слѣдуемое за это вознагражденіе тоже должно быть вычтено изъ суммы, присуждаемой Эсаву и, въ концѣ-концовъ, останется размѣръ взысканія, которое и опредѣлится приговоромъ въ пользу Эсава.

Такимъ образомъ приговоръ состоялся. Чтобы оформить, закрѣпить и, такъ сказать, осязательно узаконить этотъ словесный приговоръ, у сванетовъ служилъ обрядъ „бача-лилджени“, заключающійся въ слѣдующемъ: одинъ изъ участвовавшихъ судей беретъ камушекъ „бача-лилджени“ и закапываетъ его тамъ-же, въ землю, въ присутствіи товарищей. Зарытіе въ землю камешка, имѣло еще то значеніе, что содержаніе приговора, до объявленія его сторонамъ, должно было оставаться въ секретѣ и ни одинъ судья не имѣлъ права оглашать его. Если до формальнаго объявленія приговора, обвинитель, или обвиняемый узнавали о содержаніи его, то каждый изъ нихъ, въ случаѣ неудовольствія, имѣлъ право протестовать, и не подчиниться этому приговору. Поэтому, судьи были очень осторожны и держали содержаніе приговора въ величайшей тайнѣ, хотя и бывали случаи, что до объявленія приговора проходили мѣсяцы и годы. По постановленіи приговора, но *до* объявленія его, „морвары“ получали за труды по одной „леркваша“ (ლერკვაშა) (какая нибудь вещь, трехъ рублевой стоимости). Судьи, учувивъ время для объявленія приговора, отправлялись въ ограду мѣстной церкви, извѣстивъ потерпѣвшаго и обвиняемаго явиться къ нимъ туда, *для принятія присяги въ вѣрности и преданности другъ къ другу!* Извѣщенные обвинитель и обвиняемый являлись къ судьямъ по обыкновенно вооруженными. Тогда, приглашенный для этого случая, папа вы-

*) Деньгами, или по раздѣнкѣ — скотомъ, вещами, оружіемъ, живностью.

носилъ изъ церкви образъ *). На случай отсутствія *папы*, его замѣнялъ самъ обвинитель. Обрядъ этотъ совершался такимъ образомъ. На одной сторонѣ, передъ образомъ, становились судьи, рядомъ, снявъ шапки, а на другой сторонѣ, въ томъ же порядкѣ, — жалобщикъ и обвиняемый, поотдавъ другъ отъ друга, со всѣми членами мужскаго пола, изъ ихъ семействъ. Не много погодя, выступалъ впередъ обвинитель и произносилъ: „Слава тебѣ и благодать, Христе **) Создатель! Взываю къ тебѣ, услышь мольбу мою... Если избранныя мною судьи, и по собраннымъ ими, добросовѣстно, обстоятельствамъ дѣла, обидѣли меня, не присудили мнѣ того, что мнѣ даетъ нашъ обычный справедливый законъ; если они унизили меня, возвысивъ лишь моего противника, — тогда, Всевышній Боже, пока они (указывая на судей) не приведутъ къ Тебѣ въ жертву столько златорогихъ быковъ, сколько съ неба падаетъ снѣгу и дождя, сколько на землѣ травъ, а въ море песку, до тѣхъ поръ, ихъ (судей) дѣтямъ и потомкамъ не дай исхода, уничтожь въ корень и зародышъ ихъ; не даждь имъ и ихъ дому, ничего, кромѣ болѣзней и неожиданно-несчастныхъ приключеній!...—Это одно, о, Великій Боже!.. Второе: если эти судьи не удовлетворили меня тѣмъ вознагражденіемъ, тѣмъ каждый изъ нихъ удовлетворился-бы (въ подобномъ случаѣ) и не уравнилъ меня съ собою, — тогда, услыши, Боже! — пока они (судьи) не упрелятъ Иисуса Христа служить имъ обѣдную соборнѣ съ 12-ю апостолами, пока не испекутъ просфору изъ муки, привезенной изъ Іерусалима и не добудутъ отъ туда церковнаго вина для Св. таинства, — до тѣхъ поръ не даждь имъ ничего, кромѣ падучей болѣзни, тогда прокляни ихъ такъ, чтобъ ихъ невѣсты и дочери рождали однѣхъ змѣй и лягушекъ!..“ Окончивъ это дикое проклятiе и эту молитву, произнесенную вовсе не въ духъ христіанскомъ, потерпѣвшій нагибался, срывалъ горсть травы, развѣвалъ ее по воздуху и становился на свое мѣсто. Послѣ этого выступалъ впередъ обвиняемый, одну руку простиралъ впередъ къ образу, другую — къ судьямъ и произносилъ: „Всевышній Боже! Ты ниспосылаешь правильный судъ, Ты еси въ мірѣ. Если судьи присудили съ меня жалобщнику болѣе законнаго, тогда прокляни ихъ и“... Тутъ онъ повторялъ тоже

*) Не полагалось выносить крестъ: имъ ни въ какомъ случаѣ не замѣнялся образъ.

**) Или имя того святого, чей образъ выносился для присяги.

самое и въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, какъ и обвинитель, но съ нѣкоторыми подходящими измѣненіями.

„*Присяга равенства*“.—По окончаніи послѣднимъ, всѣхъ предыдущихъ формальностей, за нимъ выступалъ „махвши“ для принятія вмѣстѣ съ судьями присяги равенства и, обратившись къ сторонамъ, произносилъ: „Эсавъ и Баби! (имена тяжущихся). Клянусь благодатью этого образа (простирая руку къ образу), что сколько могли, употребили всѣ усилія, рѣшить ваше дѣло справедливо: взвѣсили доводы, жалобы, отвѣты, возраженія и опроверженія, подвели къ нимъ требованія установленія и постановили такой приговоръ, которымъ каждый изъ насъ удовольствовался бы, если-бъ мы были на вашемъ мѣстѣ“. Остальные судьи произносили: „Согласно переданному намъ и мы клянемся, что на сколько мы достигли (дѣло)—прошли по истинному рѣшенію“ (рѣшили справедливо).

Въ заключеніе, махвши предлагалъ жалобщику и обвиняемому выполнить „*присягу преданности*“ и стороны тутъ же исполняли это предложеніе.

„*Присяга преданности*“.—Прежде всего потерпѣвшій выступалъ и съ благоговѣніемъ произносилъ (указывая на образъ) „Клянусь благодатью его, что если ты (обращаясь къ обвиняемому) будешь мнѣ вѣренъ, преданъ, то и я буду преданъ тебѣ, буду вѣренъ и искрененъ; клянусь, что ни я, ни мои дѣти и потомки, не напомнимъ тебѣ о нынѣшнемъ дѣлѣ“ (не возобновимъ его).

Тѣмъ же порядкомъ въ томъ же смыслѣ присягали обвиняемый, бывшему своему противнику и, за тѣмъ, стороны, расходившись по своимъ домамъ, куда за нимъ слѣдовали и судьи, раздѣлившись на равное число и тамъ лишь объявляли имъ о содержаніи рѣшенія по дѣлу. Выслушавъ приговоръ, стороны не имѣли уже права отрицать его и безропотно подчинялись ему. Приведеніе же приговора въ исполненіе, не лежало на обязанности морваровъ. Самое существенное и затруднительное было—постановленіе рѣшенія; что же касается уплаты наложеннаго приговоромъ взыскація, то отъ этого ни кто и никогда не уклонялся: обвиненный, въ самое короткое время, удовлетворялъ потерпевшаго, посылая ему присужденное чрезъ „махвши“, или чрезъ одного изъ своихъ родственниковъ.

У сванетовъ существовали и другія формы судопроизводства,

клонившіеся къ полюбовной сдѣлкѣ враждующихъ, или вообще къ разрѣшенію вопросовъ, имѣвшихъ предметами: обиды, оскорбленія, ущербъ, убытки и т. п. претензіи.

Формы эти группировались въ отдѣлахъ, подъ слѣдующими рубриками: 1-е, *Входъ потерпѣвшаго въ домъ виновнаго, съ „лупхулами“* (ლუფხულები)—*присяжными **); 2-е, *входъ еяже, и туда же, безъ „лупхуловъ“, но съ своими родственниками*, и 3-е, *присяга*.

Формы судопроизводства, подъ вышеприведенными двумя послѣдними рубриками практиковались въ дѣлахъ маловажныхъ.

1-е. *Входъ потерпѣвшаго въ домъ виновнаго съ лупхулами.*

Кончить дѣло чрезъ лупхуловъ, значило вызвать противника на добровольную, полюбовную сдѣлку и по полученіи на это согласія его послать къ нему въ домъ лупхуловъ, въ видѣ посредниковъ, а потому, когда потерпѣвшій посылалъ сказать обвиняемому, покончить съ нимъ дѣло, посредствомъ „лупхуловъ“, то виновный не могъ отказаться отъ предложенія, въ особенности когда онъ безъ всякаго основанія и повода, нанесъ обвинителю тяжкое оскорбленіе, и не имѣлъ выставить оправдывающія поступокъ мотивы. Число лицъ, избираемыхъ въ лупхулы, доходило до двадцати, но это количество принималось въ дѣлахъ болѣе важныхъ, серьезныхъ.

Намѣтить, избрать, лупхуловъ и указать на нихъ—было *право* потерпѣвшаго, а уговорить ихъ принять на себя трудъ и отвѣтственность лупхула, пригласить ихъ для этого,—лежало на обязанности обвиняемаго, какъ и вознагражденіе ихъ за труды, выдачею, каждому изъ нихъ, по одному „ацшишъ“ (равняющемуся 6 рублямъ) или вещами, на ту же сумму, по соразмѣрной ихъ стоимости. Независимо этого, виновный, во все время производства дѣла, обязанъ былъ кормить лупхуловъ. Уговорить сванета быть лупхуломъ было еще труднѣе, чѣмъ уговорить его принять обязанность „морвара“. Когда избранные лупхулы выслушали жалобу потерпѣвшаго, тогда они, подъ предводительствомъ „махвши“, приходили прямо въ домъ обвиняемаго. Виновный, по обычаю, немедленно, уступалъ имъ, временно, домъ, а самъ съ семьей уходилъ въ другую хату, или къ сосѣду. Тогда начинались переговоры, между обвиняемымъ и *лупхулами*, чрезъ

*) Лупхуль, или „лупхвилъ“—въ переводѣ означаетъ, избраннаго *пальцемъ* (პალეც—*палецъ*—*ფეხულე*) лица, предназначеннаго присягать, т. е., —указаннаго, намѣченнаго соприисагателя.

Б. В. В. К. Г. Е. Р.
Историческое общество
С. П. Б.

Махши и постороннихъ лицъ. Ему говорили: тебѣ хорошо извѣстно, въ чемъ ты провинился передъ потерпѣвшимъ; знаемъ и то, сколько ему слѣдуетъ (вознагражденія), принимая во вниманіе твой поступокъ, прими все это въ соображеніе и увѣдомь: сколько ты долженъ уплатить ему? (за безчестіе). Виновный заранѣе обсудилъ отвѣтъ, такъ какъ онъ зналъ, что лупхулы предлагать ему подобный вопросъ и потому у него былъ опредѣленъ размѣръ вознагражденія потерпѣвшаго. Онъ отвѣчалъ чрезъ посредниковъ, опредѣляя количество платы: оружіемъ, пашнею, участкомъ лѣса и проч., добавивъ, что „болѣе этого онъ не въ состояніи выслать, да и не слѣдуетъ“. Выслушавъ отвѣтъ, лупхулы, если, по соображенію, находили, что этого мало, то вновь посылали тѣхъ же посредниковъ, прося виновнаго еще надбавить что нибудь, и тотъ надбавлялъ.

Такимъ образомъ переговоры эти длились, пока переговаривавшіе не приходили окончательно къ добровольному соглашенію. Тогда виновный, возвращался къ лупхуламъ, а эти увѣдомляли жалобщика, что дѣло его окончено и чтобы онъ ждалъ у церкви, куда приведутъ и обвиняемаго для принятія ими обоими „присяги преданности“. По приходѣ въ ограду церковную, прежде всего лупхулы принимали „присягу равенства“, а за тѣмъ потерпѣвшій и виновный— „присягу преданности“, въ той же формѣ и съ тѣми же обрядностями, какъ это было выполняемо при судопроизводствѣ „морваровъ“. Тутъ, уже, махши объявляли потерпѣвшему о количествѣ присужденнаго ему съ виновнаго вознагражденія. Тогда потерпѣвшій возвращался къ себѣ—домой, а махши и лупхулы—въ домъ обвиняемаго, гдѣ имъ вручалось вознагражденіе и присужденное потерпѣвшему, или тогда же, если таковое заключалось въ движимости и скотѣ, или въ непродолжительномъ времени передавалось таковое чрезъ махши.

2-е. *Входъ потерпѣвшаго въ домъ виновнаго, съ родственниками.*

Обрядъ входа потерпѣвшаго въ домъ виновнаго съ своими родственниками заключался въ слѣдующемъ:

Обвиняемый просилъ потерпѣвшаго чрезъ „махши“, чтобы тотъ пожаловалъ къ нему въ домъ съ своими родичами или дальними родственниками. Это приглашеніе служило явнымъ признакомъ того, что провинившійся не отпустить гостя безъ соответствѣннаго его винѣ вознагражденія. Потерпѣвшіе въ рѣдкихъ случаяхъ отказывались отъ этой чести. Обвинитель, получивъ отъ

7.014
3

обвиняемаго приглашеніе, отправлялся къ нему въ домъ съ своими родственниками, предводимый президентомъ-махвши. Прийдя туда, хозяева тотчасъ ставили столы, клали на нихъ хлѣбы, сыръ, мясо... За тѣмъ раздавали всѣмъ рога въ водкою. Въ это время виновный выступалъ впередъ, съ наполненнымъ водкою рогомъ въ рукѣ и, ставъ на колѣни передъ махвши и жалобщикомъ, выражалъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ и объявлялъ о приготовленномъ имъ вознагражденіи для потерпѣвшаго, прося при этомъ примирѣнія. Если во взглядѣ жалобщика и его родственниковъ вознагражденіе это было недостаточное, то они не приступали къ трапезѣ. Этимъ давали понять виновному и тотъ дѣлалъ надбавку до размѣра удовлетворительнаго, иначе, при отказѣ, онъ, обвиняемый, наносилъ потерпѣвшему новое оскорбленіе, срамилъ его и тѣмъ увеличивалъ свою вину. Случалось и такъ, что виновный сперва же разу назначалъ жалобщику значительное вознагражденіе и потерпѣвшій не смѣлъ и пикнуть; да если-бы онъ и возразилъ, то махвши, не потерпѣлъ-бы этого и немедленно оставилъ-бы его.

Наконецъ, когда дѣло было слажено, потерпѣвшій позволялъ обвиняемому встать и враждовавшіе опорожнивали рога, обнимались, цѣловались и садились за столъ со всѣми присутствовавшими. По окончаніи трапезы, потерпѣшему тутъ-же вручали вознагражденіе, если таковое состояло изъ движимаго имущества, если же изъ недвижимаго, то—когда позволяло время и погода. На другой день, послѣ мировой, махвши приглашалъ примирившихся въ церковную ограду, для принятія ими „присяги преданности“. Эта форма примирѣнія очень нравится народу и самая желательная для сванета.

3-е. *Присяга*. Въ сванетскомъ обычномъ судебномъ установленіи существовали три слѣдующихъ формы присяги: а) присяга преданности, *) б) присяга равенства и в) присяга очистительная.

О *присягѣ преданности* мы уже говорили; о *присягѣ равенства* тоже было сказано, но существовала еще другая форма этой-же присяги, при другихъ обстоятельствахъ и дѣланіяхъ.

Присяга равенства въ другой формѣ.—Напримѣръ, положимъ двое обидѣли другъ друга, между тѣмъ каждый изъ нихъ

*) Въ важныхъ дѣлахъ давали присягающему пить воду, въ которой былъ обмывать образъ.

считаетъ себя болѣе оскорбленнымъ. Тогда, поссорившіеся кончали дѣло, чрезъ посредство махвиши, такимъ образомъ. Отправлялись въ ограду церковную и присягали другъ другу, передъ образомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ. Сперва говорилъ одинъ: „Георгій! (имя противника). Да поможетъ мнѣ благодать этого образа (указывая на образъ)“ на столько, на сколько я оскорбленъ тобою болѣе, чѣмъ ты“... За тѣмъ говорилъ другой: „Бадри! (имя противника). Клянусь благодатью этого образа (указывая на образъ), что, по моему мнѣнію, я болѣе обиженъ тобою, чѣмъ ты мною“. Послѣ этого враждовавшіе тутъ же принимали *присягу преданности* и тѣмъ кончалось дѣло примирѣнія. Это и называлось *присягою равенства*, въ другой формѣ и при другомъ случаѣ.

Очистительная присяга. Очистительная присяга практиковалась въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда возникалъ малоцѣнный споръ: поземельный, пограничный, или о движимости и б) когда на кого либо падало подозрѣніе въ кражѣ, или въ тайномъ причиненіи ущерба, убытка. Въ первомъ случаѣ принимали очистительную присягу или истецъ, или отвѣтчикъ, самолично, когда процессъ былъ маловажный, и съ соприсягателями, когда споръ былъ серьезный, болѣе цѣнный. Предметъ спора оставался за присягавшимъ, но не смотря на это, ни одинъ сванетъ не домогался принятія этой присяги, а на противъ, по возможности, отклонялъ ее отъ себя, говоря, что онъ и при выигрышѣ процесса—будетъ въ проигрышѣ, потому дескать—разсуждалъ онъ—что если спорный предметъ составлялъ его собственность, то онъ присягалъ напрасно, если же тутъ было недоумѣніе, ошибка съ его стороны, то онъ являлся лжеприсягателемъ, клятвopреступникомъ, а это уже большое горе и несчастіе для сванета!...

Во второмъ случаѣ, принималъ очистительную присягу за подозрѣнный самолично, при малоцѣнномъ ущербѣ, или съ соприсягателями—когда цѣнность ущерба была велика. Присягавшій долженъ былъ сказать: „клянусь благодатью этого образа (указывая на образъ), что въ проступкѣ, въ которомъ вы меня подозрѣваете,—я правъ“.

Болѣе характерная и поразительная по своей формѣ бывала очистительная присяга, такъ сказать повальная! Потерявшій скотину или вещь, но не подозрѣвая въ кражѣ ни кого, бралъ изъ церкви образъ (когда пропaja была велика), или замокъ отъ церковныхъ дверей, или наконецъ, какую нибудь церковную посуду

и съ ними обходилъ всю Сванетію (кромя своей общины), по-
дворно, заставляя всѣхъ принять очистительную присягу и каж-
дый, присягая, говорилъ: „клянусь благодатью этого образа (или
посуды, или замка церковнаго), что моему дому и моимъ домо-
чадцамъ ничего не извѣстно, о похищенной у тебя скотинѣ, вещи“ ..

Бывали случаи, что этимъ оригинальнымъ путемъ отыски-
вались пропажи. Замѣчательна вообще, относительно выполненія
у сванетовъ присяги, еще одна черта, что родственники могли
присягать одинъ за другаго, какъ напримѣръ—отець за сына
(выполнить присягу: преданности, очистительную и проч.), сынъ
—за отца и братъ—за брата!...

Обязанности обществъ.

Каждый сванеть обязанъ былъ защищать имя и честь сво-
его общества, преслѣдовать непріятеля и проч. и проч. Псгорѣль-
цу общество давало пособіе мелочью и сверхъ того, отъ каждаго
двора по „чабанугу“ съ урожая. Строющему домъ общество без-
платно подвозитъ матеріаль: лѣсъ, камень, известку, песокъ... а
при необходимости—оказываетъ и помощь всею общиною. Когда
представлялась необходимость удовлетворить общаго врага, тогда
общество собирало по равномерной раскладкѣ падшее на него
взысканіе. Общество сочувственно отзывается на просьбу нуж-
дающагося члена своей общины, чужой, или посторонняго лица.
Обязательно было для общества призрѣвать и заботиться о без-
родныхъ старикахъ, больныхъ и неимущихъ, и потому нѣтъ ни-
щенства въ Сванетіи. Всѣ общества вмѣстѣ слѣдили зорко другъ
за другомъ, чтобы сильное не обидѣло слабаго и тѣмъ на поко-
лебалось равновѣсіе и равноправность каждаго изъ нихъ. Обы-
женный членомъ другаго общества, обращаясь съ жалобою къ
махвиши того общества, гдѣ проживалъ обидчикъ и получалъ
матеріальное вознагражденіе. Если во время ссоры членовъ двухъ
разныхъ обществъ между собою, случится быть сочлену одного
изъ нихъ, онъ обязанъ оказать помощь члену своей общины,
хотя бы и находился съ нимъ въ враждебныхъ отношеніяхъ.

II. ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАНЯТІЯ СВАНЕТОВЪ.

1. Строенія, расположеніе комнатъ, домашняя утварь.

Въ Сванетіи строятъ каменные зданія на извести и въ рѣдкихъ случаяхъ не на цементъ. Для кладки стѣнъ употребляются: аспидныя, или шиферныя плиты, изрѣдко—гранитъ, между прочимъ и булыжный камень. Строенія изъ шифера, какъ мягкаго матеріала, прочнѣе на извести. Отъ времени и степени давленія, стѣны такія дѣлаются какъ цѣльныя, неразрушаемыя. Известь выжигается на мѣстѣ, тутъ-же подъ бокомъ. Строенія кроются аспидными досками, двускатно и не требуютъ другого ремонта какъ иногда выпрямить сдвинувшіяся съ мѣстъ плиты. Потребный строевой матеріалъ привозится въ с. Ушгулахъ съ разстоянія 25—30 верстъ изъ ущелья Цена—истока рѣки Цхенисцхали. Дома строятся четырехугольныя, двухэтажныя, имѣющія въ длину и ширину 12—20 саж. Къ дому всегда пристраиваются: передняя, гостиная „губанди“ и 8—9 этажная башня. Внутренность дома нижняго этажа—„мачубъ“ распределена такимъ образомъ: къ *двумъ стѣнамъ* комнаты пристроены деревянные стѣны обь одной двери и образуютъ „гвали“ (стойло), куда загоняется крупная скотина и привязывается къ яслямъ. „Гвали“, или конюшня имѣетъ окно, обращенное во дворъ въ которое ежедневно выбрасывается навозъ, сгребаемый съ пола, устланнаго плитнякомъ. У третьей стѣны устроены нары, гдѣ почиваетъ семья; передъ нарами—столбы, къ которымъ привѣржены крючья, для вѣшанія оружія. Къ четвертой стѣнѣ, сохраняемой весьма опрятно, приставлена цѣльная плита, „боджаръ“, въ 2—3 саж. длины и болѣе аршина ширины. На этой плитѣ установлена вся посуда, употребляемая для печенія хлѣба: квашня, сита и проч. Передъ этою плитою обыкновенно разводится огонь, вокругъ котораго и сидитъ вся семья. Для вентиляции и прохода дыма есть отверстіе въ крышѣ. На огнѣ обыкновенно стоитъ о четырехъ ножкахъ желѣзная „керія“, прикрываемая каменною плитой, на которой и пекутъ хлѣбъ. Этажи дома разделены поломъ, поддерживаемымъ двумя толстыми столбами. Ниже пола, отдѣляющаго верхній этажъ отъ нижняго, устроенъ другой деревянный полъ, надъ оча-

гомя, для задержанія искръ и для защиты верхняго пола отъ пожара; отъ центра другаго пола, надъ огнемъ, спущена желѣзная цѣпь съ крючкомъ, или деревяшка—„патча“, на которой вѣшаютъ котель во время варки пищи.

Мебель сванетовъ состоитъ изъ „сакурцхвилъ“—кресло и „диргимъ“—диванъ. На послѣднемъ могутъ умѣститься 7—8 человѣкъ. Мѣсто, гдѣ обыкновенно сидитъ семья называется „квелпъ“. Полъ этой комнаты устланъ плитами, но особенно тщательно и искусно то мѣсто въ ней, гдѣ сидитъ семья. Нижний этажъ, имѣя два-три маленькихъ окна, плохо освѣщается. Съ нижняго въ верхній этажъ устроенъ ходъ „лобъ“. Нужно присовокупить, для дополненія обзорѣнія нижняго этажа, что въ одномъ углу его сосредоточены всѣ принадлежности сыроваренія и выдѣлки его, а въ другомъ—посуда для воды. Съ нижняго въ верхній этажъ устроенъ ходъ—„лобъ“. Верхній этажъ, называемый „мажибъ“, или „дарбазъ“ прикрытъ плотно землею надъ перекладинами и законопаченъ мхомъ. Въ „дарбазъ“ обыкновенно стоятъ большіе деревянные сундуки и въ нихъ хранятся: въ одномъ—пшеница, а въ другомъ—мука. На лѣто вся семья перебирается въ дарбазы, а къ зимѣ снова спускается въ нижній этажъ и тогда верхній этажъ служитъ сѣноваломъ и для храненія соломы и мякицы для скота.

Уже было сказано, что къ дому сванета пристроена бываетъ 8—9-ти этажная башня. Она четырехугольная. Ширина башни снаружи 7—8 аршинъ у основанія ея, а къ верху постепенно уменьшается; внутренняя ширина башни у основанія— $5\frac{1}{2}$ аршина, а толщина стѣнъ $1\frac{1}{2}$ арш. Башня, какъ внутри, такъ и снаружи выбѣлена известкой; каждый этажъ состоитъ изъ одной комнаты на сводахъ и онѣ сообщаются между собою посредствомъ приставныхъ лѣсницъ, чрезъ внутреннія отверстія въ сводѣ. Нижняя комната въ башнѣ именуется „дилеги“—тюрьма. Значить, назначеніе ея понятное и употребленіе ея играло въ старину роль своего назначенія съ успѣхомъ. Во второмъ и третьемъ этажахъ башни найдете замуравленные большіе глиняные кувшины и деревянные сундуки. Въ старину, во время осады, въ этой посудѣ хранилась вода, а въ сункахъ—мука. Самый верхній этажъ заключалъ въ себѣ большой запасъ булыжныхъ камней, для бросанія ими на подступившаго къ стѣнѣ непріятеля, а въ остальныхъ этажахъ размѣщалась семья и мелкій скотъ во время осады. Каждая комната въ

башнѣ имѣтъ по одному окну, формы трапеціи, имѣющей въ вышину 10 вершковъ и въ ширину, у основанія около 5 вершковъ, въ верхней же части—около 4 вершковъ. Верхній-же этажъ имѣтъ обыкновенно по три бойницы, или амбразуры, а въ рѣдкихъ случаяхъ отъ 2-хъ до 4-хъ и всѣ онѣ заблиндрованы. Башни эти покрыты плитнякомъ на два ската. Постройку этихъ башенъ относятъ къ XIII столѣтію. Онѣ очень прочны. Это доказывается уже тѣмъ, что въ 1876 году, когда ходили наши войска наказать жителей сел. Халдэ, за ослушаніе, то горными единорогами не могли сбить и камня съ сванетской башни; не могли также взорвать ее миной, заложеной только у одной стѣны, пока мины не были пущены въ ходъ у всѣхъ четырехъ стѣнъ и тогда, только башня, не разрушившись, опрокинулась и легла на землю цѣлая. Видно ей измѣнилъ только грунтъ земли. Одна башня, подвергшаяся подобной участи и теперь лежитъ цѣлая, у дороги, близъ сел. Зардлаши Мулахскаго общества.

Конечно башни эти служили сванетамъ, въ старину, для защиты отъ непріятеля, но и теперь, какъ и тогда, оказывали владѣльцамъ ихъ и другую услугу: тамъ хранился у нихъ разный скарбъ, аракъ, початки, ветчина, сыръ и лѣтомъ—мясо. Неимѣющей башни сванеть, очень стѣсненъ въ своемъ хозяйствѣ. Одна подобная башня цѣнится наравнѣ съ однодневнымъ паханьемъ земли („налджами“), или въ треть стоимости дома.

Дома въ Сванетіи очень близко построены одинъ отъ другаго и въ рѣдкихъ случаяхъ на разстояніи одной сажени и подобные интервалы образуютъ кривыя улицы, переполненные навозомъ! Добро еще, что „золото“ это ежегодно вывозится на пахатныя поля для ихъ удобренія.

2. Скотоводство.

Въ строгомъ смыслѣ—пѣтъ здѣсь скотоводства. Продолжительная зима не позволяетъ имѣть здѣсь въ большомъ количествѣ скотъ. Самый зажиточный сванеть принужденъ ограничить количество своего скота, не имѣя средствъ дѣлать для него большіе запасы фуража на зиму. Состоятельный сванеть обыкновенно держитъ: 10—12 коровъ, столько-же воловъ, 2—3 лошади, 30 овецъ и 15—20 свиней, а бѣднѣйшій изъ нихъ—пару воловъ, одну корову и 3—4 овцы и свинью. Безъ этаго сванеть не можетъ жить отдѣльной семьей, самостоятельно. Крупный скотъ

здѣсь красивъ, выносливъ и мясо его очень вкусное. Дойная корова даетъ до полуведра молока въ сутки. Она могла бы давать и болѣе, еслибъ имѣла лучшій уходъ. Кожи крупнаго скота идутъ на обувь, или обмѣниваются въ Лечхумѣ на ситцы, а отъ мелкаго скота—на тулупы.

Изъ домашнихъ птицъ здѣсь, кромѣ куръ, не найдете ничего, да и тѣхъ весьма и весьма въ ограниченномъ количествѣ. Насѣдка изъ 20 яицъ выводитъ здѣсь 6—10 цыплятъ!

3. Пахатныя поля сорта засѣваемаго хлѣба и огородничество.

Въ Сванетіи вообще весьма мало пахотныхъ полей, да и тѣ болшею частію каменистыя, тощія и безъ уваживанія—чрезъ каждое трехлѣтіе, ничего не производятъ. Есть дворы, которые имѣютъ земли на 4 дня паханья*), и болѣе 12 кцевъ**) земли ни кто тамъ не имѣетъ. Въ Ушгулахъ не бываетъ озимыхъ посѣвовъ. Здѣсь всѣ хлѣба яровыя. Сѣютъ пшеницу, рожь, ячмень и мелкіе бобы (яцэнь гэдэръ). Преимущественно сѣютъ ячмень. Если у сванета 10 кцевъ земли, то онъ распредѣляетъ ее такимъ образомъ. На одной кцевѣ засѣваетъ пшеницу, на одной—бобы, на двухъ—рожь и на остальныхъ шести кцевахъ—ячмень.

Здѣсь, по обыкновенію, начинаютъ пахать съ 21-го марта и закончиваютъ къ 7-му іюня. Если ячмень засѣванъ въ мартѣ, то онъ посѣвается и его жнутъ къ 15 августу. Вообще же жатва часто продолжается до 15 октября.

На одной „наджоми“***) засѣвается три „легвляки“****) Ячмень здѣсь даетъ самъ 13-ть, рожь—самъ 8-мъ, а яровая пшеница самъ 8-мъ. Ячмень здѣшний, по виѣшней формѣ—четыреугольный, съ толстою шелухой и потому оставляетъ много отрубей, и именно $\frac{1}{4}$. Молотятъ ячмень на току, слѣдующимъ способомъ: загоняютъ связанныхъ между собой быковъ на гумно и водятъ кругомъ по разосланнымъ сноцамъ, а рабочіе постепенно

*) Дневное паханье заключаетъ въ себѣ 1295 кв. саж.

**) Въ кцевѣ 900 кв. саж.

***) „Наджоми“—мѣра земли, не много менѣ одной „кцеры“, то есть 900 кв. саж., но и эта мѣра не во всѣхъ обществахъ одинакова. Такъ, въ Ушгульск., Калык., Епарск. и Местійск. равняется 1 кцевѣ, въ Ленджерск. и Латальск.— $\frac{1}{4}$ кцеры.

****) „Легвлякъ“—мѣра сыпучихъ тѣлъ= $1\frac{1}{2}$ пуда.

переворачивают вытоптаные колосья и когда замѣтятъ, что зерна всѣ выбиты, сгребаютъ солому, а зерна отвѣвають отъ мякины.

Пшеницу-же и бобы молотятъ гарманами, т. е. досками, съ вбитыми въ нихъ кремнями, на которыхъ, запряженныхъ быками, разѣзжаютъ по гумну по снопамъ, до тѣхъ поръ, пока смолотятъ ихъ. Самая же молотба происходитъ позднею осенью и продолжается зимою. Многіе находятъ удобнымъ молотить хлѣба на сѣнокосныхъ лугахъ низко скошенныхъ и задернутыхъ льдомъ. Съ подобвѣкъ мѣстъ предварительно отбирается снѣгъ, для сказанной цѣли.

Зимою мелево высушивается надъ огнемъ, на каменныхъ плитнякахъ.

Огородничество здѣсь самое примитивное и ограниченное вслѣдствіе суровости климата. Сванеты сѣютъ лукъ-шарлотъ, бураки и чеснокъ. Недавно они ввели у себѣ посѣвъ картофеля. У нихъ родится бакунъ (сортъ табаку) самаго низшаго качества.

4. Пища, прокормъ скота.

Къ обѣду и ужьну во всей Сванетіи раздается по одному хлѣбу на каждого въ домѣ; въ обществѣ-же Ушгульскомъ и въ Дадіановской Сванетіи по три малыхъ хлѣба на душу, въ каждый разъ; хлѣбы эти называются въ Ушгулахъ „шветъ“, а въ Дадіановской Сванетіи „шабать“. Кромѣ опредѣленнаго количества „шабать“, въ Дадіановской Сванетіи выдаютъ по одному „шабать“ на душу, во время закуски и полудника, если годъ не изъ неурожайныхъ. Вообще въ Ушгулахъ шерды не хлѣбъ; они скорѣе откажутъ себѣ въ чемъ, но не въ хлѣбѣ: онъ долженъ быть въ обиліи, иначе они сочтутъ за стыдъ, если даже псы у нихъ не откормлены.

На прокормъ скота зимою, сванету, имѣющему 20 штукъ крупной скотины, одну лошадь, 25 овецъ и 8—10 козь, трубуется 130 санокъ сѣна и 65 санокъ самау и соломы.

5. Лѣса.

По близости селеній нѣтъ крупныхъ лѣсовъ, а потому для топлива служить мелкій березнякъ и приземистый альпійскій рододендронъ. Подлѣчный и строевой лѣсъ возятъ жители Ушгульскаго общества съ разстоянія 25—30 верстъ изъ ущелья Цена—одного изъ истоковъ Цхенискальскаго ущелья. Для строенія жителями предпочитается Кавказская ель. Срубленный березнякъ мо-

жетъ подрости не ранѣ 30 лѣтъ и потому здѣсь очень экономно расходуютъ топливо: даже вѣтки не пропадаютъ у нихъ, а лѣсъ строго охраняютъ отъ порубокъ. Кору березы употребляютъ, какъ освѣтительный матеріалъ. Рощицы близъ церквей—завѣтны, священны и ихъ никто не посмѣетъ срубить. Состоятельный сванетъ расходуетъ ежегодно 100—160 санокъ топлива. Лѣсной участокъ цѣнится, по размѣру, одинаково съ пахатой.

6. Пастбища.

Въ верховьяхъ рѣчки Ласдили замѣчательныя пастбища, могущія прокормить десятки тысячъ скота въ теченіи года. Восточный склонъ сѣдловинной горы „Накъ-Загаръ“ богатъ растительностью: у вершины—густая и высокая трава, въ поясѣ—кусты рододендронъ, а въ низменной части—березнякъ. Въ Ушгульской общинѣ напр. пастбищъ и сѣнокошныхъ луговъ *въ 6 разъ* болѣе пахатныхъ полей и *въ 4 раза* болѣе лѣсовъ. Пастбища эти находятся на такомъ разстояніи отъ селеній, что въ день можно сдѣлать три рейса. Травы до того обильны на нихъ, что одна кцева (900 кв. саж.) можетъ дать десять санокъ сѣна, а одинъ человекъ можетъ свободно скосить въ день 4 такихъ санокъ сѣна. Покосы здѣсь начинаются съ перваго понедѣльника послѣ 15-го іюля.

Въ Сванетіи славятся пастбища, въ особенности ушгульскія, расположенныя по правому берегу р. Ингура, называемыя „Шхари“ (колотыя). А славятся—по сочности травъ и потому, что тутъ находятся до 10 углекислыхъ и соляныхъ источниковъ, весьма любимыхъ скотиною; поэтому, со многихъ мѣстъ Сванетіи присылаютъ сюда на пастьбу скоть, платя ушгульскимъ пастухамъ отъ 1 руб. 40 коп. до 2 руб. отъ каждой скотины за прісмотръ во все лѣто. Въ народѣ существуетъ легендарная пѣсня, гласящая, что одинъ ушгулецъ будто до того разбогатѣлъ поборами за пастьбу скота, что пожелалъ построить изъ *молокъ* мостъ, отъ хребта одного отрога до другаго, окаймляющихъ Ингуръ: „Ахаши бахаши несга багарха дэги нескгемишъ“.—„Между хребтами строилъ мостъ изъ иголокъ“.

III. ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ СВАНЕТОВЪ.

1. Обрученіе, вѣнчаніе.

Недостатокъ въ женскомъ полѣ въ Сванетіи, заставляетъ жителей обручать дѣвочекъ еще въ люлькѣ. Какъ это не странно, но обыкновеніе это установилось вѣками; оно практиковалось и въ Грузіи. Сванеть когда узнаетъ, что у сельчанина его, или въ сосѣдней деревнѣ родилась дѣвочка, спѣшитъ туда, чтобъ опередить другихъ, и просить руки „дѣвицы“ для сына или племянника и т. д. Если ему откажутъ, онъ грозитъ убійствомъ и настаиваетъ на своемъ, такъ какъ онъ *первый* проситъ объ этомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, дѣло кончается въ пользу сонска-теля руки младенца. Тогда зятюшка приноситъ родителямъ невѣсты что нибудь, стоимостью въ рубль, въ знакъ обрученія, при чемъ его угощаютъ на славу. Послѣ этого, зять приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты, угощаетъ ихъ и при возвращеніи домой, даритъ имъ одного быка. По достиженіи дѣвочкою возраста, когда можно ее вѣнчать, зять выплачиваетъ родителямъ невѣсты „натчвлаши“ (въ родѣ калыма) скотомъ, стоимостью въ 20-ть „ацени“ *) и уводитъ невѣсту къ себѣ домой, гдѣ приглашаютъ „папа“ для совершенія таинства брака. Папа сажаетъ молодыхъ вмѣстѣ, закрѣпивъ полы ихъ платья иглою, и этимъ начинается вѣнчаніе. При этомъ, отказъ невѣсты не принимается въ соображеніе. Папа надѣваетъ на головы молодыхъ вѣнцы, состояшіе изъ обручей виноградныхъ лозъ, съ таковыми-же крестами и читаетъ изъ устава церковнаго молитвы, съ пропусками и извращеніями. Послѣ этого обряда, причащаетъ молодыхъ хлѣбомъ, разведеннымъ на водѣ.

2. Похищеніе дѣвушекъ въ Сванетіи.

Въ Сванетіи похищеніе дѣвушекъ и даже женщинъ вообще, съ цѣлью вступленія съ ними въ бракъ, весьма обыденное произшествіе. По крайней мѣрѣ четвертая часть жителей имѣетъ сво-

*) Каждый „ацени“ равняется 6 руб., слѣдовательно въ „натчвлаши“ выплачивается скотомъ на 120 рублей, а дворянское сословіе платитъ взаимно „натчвлаши“—вдвое противъ крестьянъ.

ими женами дѣвиць и женщинъ, путемъ похищенія. Главными причинами, служащими основаніемъ подобному дикому произволу служатъ: 1) слишкомъ малая, сравнительно съ мужскимъ, численность женскаго пола и 2) что для сванета невозможны домашнее хозяйство и жизнь безъ жены. Малый процентъ женскаго здѣсь пола, есть результатъ одного дикаго и безчеловѣчнаго обычая, хотя и въ значительной степени исчезающаго: умерщвляютъ грудныхъ дѣвочекъ, почти вездѣ за появленіемъ ихъ на свѣтъ Божій. Изъ статистическихъ свѣдѣній оказывается, что въ Сванетіи мужскій полъ, по численности своей, болѣе женскаго на 780 душъ. Число родившихся въ 1878, 1879 и 1880 годахъ мальчиковъ превосходитъ дѣвочекъ на 104 души, значить въ годъ около 35 душъ. Такимъ образомъ, многимъ парнямъ нельзя достать себѣ женъ дома и трудно извнѣ, если принять въ соображеніе изолированность Сванетіи отъ сосѣдей, по ея географическому положенію. Въ этомъ безысходномъ положеніи, сванети рѣшается на похищеніе дѣвушки или женщины. А этотъ шагъ влечетъ за собою убійства, увѣчья, пораненія и другія невзгоды.

Мы выше упомянули, что сванету безъ жены жизнь не въ жизнь. Что это такъ, можно видѣть изъ того, какое значеніе имѣетъ тутъ женщина какъ супруга и какъ работница. Женщина въ Сванетіи для мужа болѣе чѣмъ правая рука его; она — все въ хозяйствѣ; все дѣлается ею непосредственно, да въ добавокъ она работаетъ в рядомъ съ мужемъ. Вотъ и доказательства: мужъ идетъ съ косой — косить сѣно, жена слѣдуетъ за нимъ съ граблями, собираетъ и везетъ домой на быкахъ; мужъ идетъ съ сохой, а жена за нимъ съ мотыгой; мужъ рубитъ въ лѣсу дрова, а жена приноситъ домой; жена жнетъ пиву, мужъ вяжетъ снопы. Хлѣбъ молотятъ они вмѣстѣ. А представилась необходимость сразиться съ врагомъ, сванетка и тутъ не отступитъ — сумѣетъ справиться и съ оружіемъ.

Изъ этого нагляднаго образчика можно вывести то заключеніе, что жена несетъ по хозяйству не только одинаковые труды съ мужемъ, но она исполняетъ и такія обязанности по дому, которыя мужу и недоступны, или непринято дѣлать мужчиной. Напримѣръ, женщина здѣсь ткеть холстъ и сукно, шьетъ на всѣхъ домашнихъ бѣлье, хохи, шаравары, ноговицы, шапки,

вязеть чулки (пачичеби), носки, убираеть домъ, отправляется на мельницу молоть пшеницу, приносить домой муку, печеть хлѣбъ, выгоняеть на пастбу скоть, пригоняеть его обратно, доить коровъ, приготавлиаеть масло, сыръ и проч., и проч. Лишите всего этого сванета и вы увидите каково будетъ житье его, безъ жены.

Теперь кстати сказать о похищеніи *женъ*. Существовалъ, да и теперь практикуется обычай — обручать дѣтей, еще въ люльгѣ. Обрученные считались „супругами“. Подростаеть дѣвочка, она добровольно выходитъ за другаго за мужъ, или ее похищаютъ. Тутъ первый „мужъ“ заступається за свою честь — и пошли рубиться!

Прежніе, обычные законы сванетовъ, были драконовски строги, для даннаго случая. Похитителю женщины или дѣвицы грозили, со стороны обиженнаго, смерть или тяжкое пораненіе и възисканіе въ его-же пользу 500 р. А какъ жизнь сладка, смерть горька, а штрафъ тяжель, то это и обуздывало заносчивыхъ ловеласовъ. Нынѣ — другія времена: женщинѣ даны просторъ и свобода выбора; между тѣмъ сванеть воспитанъ въ дѣдовскихъ традиціяхъ; столѣтіями выработанные обычные законы вошли у него въ кровь и плоть и его не увѣрите, что виновный будетъ наказанъ и чтобы онъ, ожидая сюда, смотрѣлъ на врага сложа руки, бездѣйствовалъ и не мстилъ. Онъ увѣрентъ, что за это будетъ наказанъ, но тяжелье наказанія, какъ отнятіе жены, нѣтъ для него. Болѣе слабые или благоразумные, обращаются нынѣ съ просьбами, по подсудности, о возвращеніи имъ женъ и суды переполнены ихъ жалобами, но все таки убійства и пораненія по этому поводу, явленія здѣсь обыкновенныя и будутъ ежедневными, пока не уравниваются по возможности, численность обоихъ половъ и воспитаніе не возьметъ верхъ надъ невѣжествомъ... Только время сдѣлаеть свое.

3. Домашній бытъ супруговъ; ихъ отношенія между собою.

Мужъ и жена одинаково несутъ труды въ домѣ; супруга исполняеть работы женскія, супругъ — мужскія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, жена беретса и за работы, лежація на обязанности мужа. Мужъ обязанъ одѣть и обуь жену, а жена — мужа и дѣтей. Все приобрѣтенное и приобрѣтаемое супругами, движимое и недвижимое, составляетъ ихъ общую принадлежность, но, не зависимо этого, жена въ правѣ разводитъ скоть и имѣть дви-

жимое имущество у своих родителей, или родственниковъ, что и составляетъ ея исключительную собственность. Доходами, какъ и самую собственностью, пользуется она произвольно и по своей волѣ, какъ ей заблагоразсудится. Все прибрѣтенное женою и доставленное въ домъ мужа, извѣтъ (отъ родителей, родственниковъ и т. д.), дѣлается общою собственностью всего дома.

Жена, за нанесеніе ей мужемъ побоевъ, можетъ оскорбиться (лигвие) этимъ, или нѣтъ—это ея дѣло. Въ первомъ случаѣ, она отправляется къ родителямъ (а если ихъ у нея нѣтъ, то къ родственникамъ), какъ замужняя (мугври) и пока мужъ не извинится передъ нею и предъ родителями (или родственниками, когда нѣтъ у нея родителей), до тѣхъ поръ она не возвращается въ домъ мужа, хотя бы подобная размолвка продолжалась мѣсяцы, годы. Бывали случаи, когда, побитая мужемъ невинная жена и ея родители требовали отъ виновнаго *прислу* за *безчестіе* („залгигвирь—магвра“), *) за *невѣжество*, т. е. онъ долженъ былъ оправдаться присягою, что онъ жену побилъ не безъ основанія, что она провинилась. Въ послѣднемъ лишь случаѣ родители понуждали дочь возвратиться къ мужу.

Самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ (вообще для женщинъ и въ особенности для жены) считалось въ Сванетіи, когда срывали у нихъ съ головы *лечаки* (головной вуаль)**) или срѣзывали у нихъ косы. Мужъ не имѣлъ права ни убить жену, ни поранить ее. Въ первомъ случаѣ, родители убитой, братья, или ближайшіе родственники ея, платили тою-же монетою, или взыскивали съ виновнаго за кровь, а въ дѣлахъ по пораненіямъ, они судились обычнымъ, судомъ, какъ и всѣ посторонніе. Во время побоевъ, жена не въ правѣ, отвѣтить мужу тѣмъ-же. Мужъ, снисходительно смотритъ на нѣкоторыя недостатки жены, а въ случаѣ легкаго поведенія ея, извѣщаетъ ея родителей, чтобы они наставили дочь и направили ее на путь истинный. Послѣ же подобнаго предупрежденія, мужъ дѣлается полнымъ господиномъ въ принятіи

*) Шгвирь—въ переводѣ—стыдъ, позоръ; общій-же смыслъ словъ: „салъ шгвирь магвра“—пена за оскорбленіе, за „невѣжество“

***) Вообще головное покрывало въ костюмѣ сванетокъ. Снять *лечаки* считалось позоромъ, какъ бы синонимомъ брани: обозвать кого либо проституткой. Въ древности въ Грузіи наказывали женщину легкаго поведенія такъ: снявъ съ нее вуаль и подрѣзавъ косы, сажали на осла лицомъ къ хвосту животнаго.

мѣръ къ исправленію своей жены.—Виновный въ оставленіи помолвленной невѣсты и въ изгнаніи жены или подвергался опасности быть убитымъ, или пораненнымъ, со стороны ихъ родственниковъ, или подлежалъ, обычнымъ судомъ, взысканію штрафа („нацвріемъ“).

Такимъ-же образомъ, не имѣли права оставить ни помолвленная невѣста—жениха, ни жена—мужа; въ противномъ случаѣ, похититель невѣсты и ближайшіе родственники ея и жены, ушедшей отъ мужа, подвергались тѣмъ-же послѣдствіямъ, какимъ подвергался женихъ, оставившій невѣсту и мужъ, прогнавшій жену. Сванеты имѣютъ по одной женѣ, но если супруга оказывается бездѣтною, или рождаетъ только дѣвочекъ, тогда сванеть, съ согласія своей жены и ея родителей, женится на другой и съ момента прихода послѣдней, всѣ супружескія отношенія съ первою женою прекращаются, хотя она и продолжаетъ жить въ домѣ мужа. Правда, случаи двоеженства, весьма рѣдки въ Сванетіи, но это практиковалось въ видахъ продленія рода по мужеской линіи, такъ какъ прекращеніе рода, одно изъ величайшихъ бѣдствій для сванета.

Въ Сванетіи родной братъ могъ жениться на вдовѣ своего брата; вдова, въ свою очередь, могла войти за мужъ за ближайшаго родственника мужа, оставаясь въ томъ же домѣ и при его имуществѣ. Это отступленіе отъ догматовъ церковныхъ, вытекало, вѣроятно, изъ причинъ недостатка женскаго пола въ Сванетіи. Вдова, вышедшая за мужъ въ сторонѣ, получала только благопріобрѣтенное, въ видѣ приданнаго.

4. Р а з в о д ъ.

Разводы въ Сванетіи допускались: 1) на случай неспособности къ брачному сожитію; 2) съ взаимнаго согласія супруговъ, и 3) когда мужъ убивалъ кого либо изъ ближайшихъ родственниковъ жены, или причинялъ ей самой увѣчье. Когда основаніемъ въ разводу служила причина неспособности мужа къ супружескому сожитію, тогда мужъ отпускалъ жену, подаривъ ей не менѣе двухъ быковъ, да и то, въ томъ случаѣ, если они не огласила о неспособности мужа, ранѣе его самаго. „Нагданури“ и „Наджвлаши“ „ნაგდანური“ и „ნაქვლანი“, выплаченные мужемъ дѣлались, собственностью родителей жены. Бывали и такіе случаи, когда нѣкоторые лица упорствовали сознаться въ неспособности

къ супружеской жизни. Тогда, по желанію жены и ея ближнихъ, требовалась отъ упорствующаго, въ оправданіе свое, присяга съ 12 родственниками соприсягателями. Въ числѣ ихъ должны были находиться преимущественно: отецъ присягающаго, родные и двоюродные братья его же, дяди, родственники по матери и по сторонніе. Они должны были присягнуть, что сынъ ихъ, братъ, ... не лишенъ способности къ брачному сожитію и тогда жена обязана была возвратиться и оставаться навсегда съ мужемъ. Въ противномъ-же случаѣ—разводъ считался состоявшимся.

Мѣстные обычныя установленія потому назначали незнававшемуся въ мужскомъ безсиліи супругу въ соприсягатели его ближайшихъ родственниковъ, что послѣдніе, своимъ вліяніемъ, легче могли убѣдить упорствующаго, изъ за ложнаго стыда, сознаться въ своемъ недугѣ и тѣмъ не вводить ихъ въ клятвенное преступленіе, тѣмъ болѣе, что, по понятію сванетовъ, ложная присяга можетъ всею своею тяжестью лечь на присягнувшихъ и на ихъ домохадцевъ, истребить ихъ! И потому, ни одно лицо, не посмѣло-бы принять предложеніе о присягѣ, не будучи убѣждено въ своей супружеской способности. Нужно тутъ-же замѣтить, что въ Сванетіи распространено мѣвнѣ, будто существуетъ растеніе, которое, если присыпать въ кушанье мужу, то послѣдній теряетъ способность къ супружескому сожителству и что это средство есть секретъ мѣстныхъ дамъ. На этомъ основаніи, чувствующіе себя въ неспособности къ брачному сожитію, нѣкоторые сванеты, обвиняютъ своихъ женъ въ дачѣ имъ зелья съ цѣлью лишить ихъ этой способности, и тутъ, какъ въ дѣлѣ сомнительномъ, практиковалась подобной-же формы присяга, какъ и предыдущая. Если жена не выполняла эту присягу, она платила мужу половину „крови“.

5. О замужнихъ дочеряхъ.

По обычаю сванетовъ, вышедшая за мужъ дочь, получаетъ, въ каждый новый годъ, отъ родителей, въ подарокъ мелкую скотину, или быка, лошадь и т. п., по состоянію. Послѣ смерти ея, правомъ этимъ пользуются мужъ покойной и дѣти ея. Родители, а если ихъ нѣтъ, то ближніе, должны послѣ новаго года, принести замужней дочери, въ домъ ея мужа, бардакъ водки. *Первыя роды*, замужней дочери, обязательно происходятъ въ домѣ родителей. На одинъ пиръ, въ домѣ родителей, не долженъ моновать дочери.

7. Періодъ регуль. Роды. Умерщвленіе дѣвочекъ.

Во время регуль женскій полъ удаляется въ какую нибудь необитаемую лачужку на семь дней и тогда всё избѣгаютъ ту тропу, по которой ходитъ женщина, во время менструаціи; въ противномъ случаѣ, „лимзири“ (жертва) сванета пропадетъ, не будетъ принята Богомъ! Тоже самое случится, если кто либо посѣтитъ женщину, находящуюся на сносяхъ, когда она удалилась уже въ особое помѣщеніе для родовъ. А это „особое помѣщеніе“ бываетъ необитаемое и самое нечистое и загрязненное изъ всѣхъ лачугъ въ чертѣ усадьбы, гдѣ женщина, одинокая, ожидаетъ наступленія родовъ. Когда роженица разрѣшится отъ бремени, тогда немедленно призываютъ къ ней „папа, для освященія дома. Пока не vykрестятъ ребенка, все время караулятъ его по начамъ, поддерживая постоянный огонь, чтобы дьяволъ не подмѣнилъ новорожденнаго своимъ отродьемъ. Сванеты сильно убѣждены въ этомъ и, по мнѣнію ихъ, всё нѣмые, идіоты, уроды и помѣшанные— суть самыя скверныя и неудачныя чада чертей, подмѣненные ими на новорожденныхъ дѣтей. Новорожденнаго ребенка крестятъ сванеты чрезъ три дня, и вотъ какъ совершается у нихъ это таинство. „Папа“ снимаетъ поясъ и обувь съ правой ноги у лица, предназначеннаго въ крестные отцы; за тѣмъ они, оба, садятся на полу, не прикасаясь однако къ ребенку, котораго опускаетъ въ купель родная его мать. Въмѣсто муря папа употребляетъ копоть отъ дыма или сажу, разведенную на маслѣ, въ которую крестный отецъ обмакиваетъ приготовленныя для этого палочки и протягивая ихъ издали, смазываетъ ими сперва ребенка, потомъ мать дитяти, и за тѣмъ палочки брасаетъ въ огонь. Вотъ вамъ и весь обрядъ крещенія!

Кстати, нахожу нужнымъ упомянуть здѣсь объ исчезнувшемъ, весьма дикомъ, хотя и рѣдкомъ обыкновеніи сванетовъ умерщвлять новорожденныхъ женскаго пола. Дѣло въ томъ, что когда женщина разрѣшалась дѣвочкою, то къ роженицѣ приходили домашніе и родственники ея оплакивать это событіе, причитывая соболѣзнованіе, что не уродился мальчикъ, высказывая съ участіемъ: „да будетъ засмолено это недозрѣлое чадо“. За тѣмъ давали наставленіе матери поворожденной убить дитя, въ томъ пред-

положеніи, что можетъ быть уродится мальчикъ. Слабая, невѣжественная мать вѣрила подобнымъ внушеніямъ „доброжелателей“ и послѣдствіемъ этихъ подговоровъ бывало то, что родная мать бросала дитя на землю, не давая груди, прикрывъ его соломой, или корытомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не будучи въ состояніи выносить крики, плачь и стоны голодающаго ребенка, засыпала ротъ горячею золою, чтобъ покончить съ ребенкомъ разомъ и затѣмъ, жертва невѣжества хоронилась тамъ-же, въ наскоро вырытой ею ямѣ.

За убіеніе ребенка, мать подвергалась въ Сванетіи тяжкому наказанію, какъ мы увидимъ далѣе, и потому кажется страннымъ, какъ могли родные и родственники ея подговаривать роженицу совершать подобное преступленіе, зная о послѣдствіяхъ, если оно сдѣлается гласнымъ? Но мы видимъ примѣры жестокости родителей къ дѣтямъ и въ средѣ болѣе цивилизованной, гдѣ за подобныя дѣянія тоже не подносятъ букеты розъ, однако преступления дѣтубійства совершаются и нынѣ.

8. Наказанія дѣтубійць.

Мать, умертвившую свою дочь, народъ не хоронилъ на кладбищѣ, не пускалъ ее близъ церквей и молельнъ; не позволялъ ей присутствовать при приношеніяхъ жертвъ; она не въ правѣ была участвовать въ общественныхъ праздникахъ; не въ правѣ была, не только молиться, но и произнести имя Бога! Она была указываема народомъ пальцами, какъ дѣтубійць; ея дѣтямъ и потомкамъ передавалось вѣчнымъ укоромъ и позоромъ совершенное ею дѣяніе!

9. Домъ (жоръ), семья, очагъ.

Семья сванета всегда была и нынѣ—многочисленна; найдутся дворы, въ которыхъ насчитывается до 50 душъ обоюго пола. Причину этого вообще можно объяснить тѣмъ, что сванеты избѣгаютъ раздѣла. Если члены семьи вздумаютъ дѣлиться, сванеты говорятъ: „теперь нашъ“ „керіа“—очагъ обольется водою, потухнетъ, домъ гаснетъ, умалется, идетъ къ вымиранію!.. Они-же говорятъ: „Лучше лишиться нѣсколькихъ лицъ въ семьѣ, лучше, пусть чума постигнетъ домъ, чѣмъ дѣлиться членамъ его“!.. Но, къ сожаленію, время беретъ свое и съ лучами цивилизаціи, пат-

риархальные порядки слабѣють, домъ, очагъ сванета колеблется!

Въ прежнія времена, раздѣлы между братьями, при жизни отца, не допускались; онъ былъ невозможенъ; да и послѣ смерти родителя, удавалось это братьямъ,—изъ сотни—двоимъ. Бывало прежде, да и нынѣ встрѣтите, мѣстами, семьи, члены которыхъ на столько отдалились другъ отъ друга, въ степеняхъ родства, что они смѣло-бы могли вступить между собою въ бракъ, не нарушая, не только законовъ духовныхъ и общихъ, но и сванетскихъ, до абсурда строгихъ въ этомъ отношеніи.

Въ Сванетіи старшинство по лѣтамъ особенно въ почетѣ и уважается. Кромѣ этого, старшій по возрасту—и правами старшій въ домѣ. По этому дѣти обязательно и послушно повинуются родителямъ, а младшіе братья и сестры,—кромѣ того—и старшимъ братьямъ и сестрамъ... Непослушныя родителямъ дѣти, возражающія имъ, исключены изъ общества, осрамлены навсегда. Главенство въ домѣ, во всѣхъ случаяхъ, принадлежитъ отцу, какъ старѣйшинѣ очага. Онъ отвѣтчикъ и отвѣтственъ за домъ и домохадцевъ своихъ передъ Богомъ и людьми; его устами, всѣ домашніе возсылаютъ мольбы къ Богу, посылаютъ усопшимъ отпущеніе грѣховъ; *) его руками закалывается и приносится жертва Богу; онъ даетъ отвѣтъ другу и не другу, словомъ и дѣломъ, онъ указываетъ въ домѣ неурядокъ, распредѣляетъ между домашними работу, поощряетъ прилежныхъ, дѣлаетъ выговоры лѣнивымъ и невѣждамъ и т. д. Все, что зарабатывается мужчинами и женщинами, всѣ труды ихъ рукъ дѣлаются достояніемъ всего дома, женскій-же полъ обуваетъ и одѣваетъ всю семью, начиная съ болѣе нуждающихся въ томъ, изъ заготовленнаго дома-же матеріала и сотканнаго имъ сукна. Однако, не всегда старшій лѣтами можетъ бодрствовать, сохранить память и силы ума и нести исчисленные выше обязанности, и, тогда, возрастъ, по неволѣ, долженъ уступить уму и свѣжей силѣ. Тогда, въ подобномъ случаѣ, отецъ передавалъ бразды правленія по дому сыну, брату, или другому члену семьи, соответствующему возлагаемымъ на него обязанностямъ, оставляя за собою, навсегда, лишь право выполнять требованія мѣстныхъ обычныхъ установленій и законовъ.

Вообще же нужно замѣтить здѣсь, что въ Сванетіи родители не имѣли того неограниченнаго и неотразимаго права надъ

*) Объ этомъ обычаѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

младшими своими, какъ это замѣчается у другихъ горскихъ народовъ Кавказа. Конечно, противъ этого могутъ замѣтить, что сванеты безопасно умерщвляли поворожденныхъ дѣвочекъ, но можно позволить себѣ возразить, что это дикое обыкновение, имѣло мѣсто въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, что оно принадлежитъ области прошедшаго и имѣло поводами основанія, которыя, и въ цивилизованныхъ странахъ, часто берутся за мотивы къ совершенію преступленія. А если знать, какому тяжкому наказанію подвергали здѣсь матерей за умерщвленіе своего ребенка-дѣвочки, то всѣ согласятся, что это преступленіе не только не было въ обычаяхъ, но что самые обычаи преслѣдовали дѣтоубицу чуть ли не строже, чѣмъ гдѣ либо. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а пока обратимся опять къ семейному очагу сванетца. Здѣсь отецъ не имѣлъ права, ни убить, ни продать своего ребенка, назначать же его, распечь и сдѣлать ему выговоръ,—могъ онъ, не отдавая въ томъ ни кому отчета. Родители могутъ отдавать малолѣтнихъ дочерей своихъ за мужъ, не спрашивая ихъ о согласіи, а у взрослыхъ—всегда спрашиваютъ объ этомъ, хотя желаніе родителей и будетъ верхъ.

Бывали случаи, что дочери выходили за мужъ помимо воли родителей, къ огорченію послѣднихъ, но все же, подъ конецъ, прощали имъ своеволие и выдавали слѣдующее имъ изъ дома. Для сыновей родители подыскиваютъ невѣсту, а если за нею обнаружится какой либо порокъ, недостатокъ, то тогда не принуждаютъ ихъ жениться на ней. Сыновья всегда находятся при отцѣ, дочери—при матери. Родители предпочитаютъ сыновей дочерямъ, такъ какъ сванеты, безъ потомковъ мужескаго пола, считаютъ себя вымершими, а достояніе свое—выморочнымъ!

IV. ИМУЩЕСТВЕННЫЯ ПРАВА СВАНЕТОВЪ.

1. Права собственности на недвижимыя имѣнія.

Пахатныя поля, покосы, лѣсъ, пастбища составляетъ собственность наслѣдника. По этому, собственникъ въ правѣ свободно продать принадлежащее ему имѣніе, по цѣнѣ имъ самымъ назначенной, а преимущественное право покупки принадлежало члену общины. Если въ послѣдней не оказывалось желающихъ купить имѣніе, тогда таковое предлагалось продавцемъ ближайшимъ своимъ родственникамъ, а за отказомъ и послѣднихъ — постороннимъ. Домъ и усадьба, во всякомъ случаѣ, обязательно должны были быть проданы одному изъ членовъ общины. Если ему не позволяли средства, тогда община собирала недостающее. Въ случаѣ когда не оказывалось не въ общинѣ желающихъ купить продаваемые домъ и усадьбу, тогда это право предоставлялось зятьямъ продавца, хотя и изъ другого села, но живущимъ въ томъ-же селеніи, гдѣ и продавецъ. Купленное имѣніе обращалось въ вѣчную и потомственную собственность покупателя. Для купли-продажи не требовались свидѣтели, ни, тѣмъ болѣе, письменные документы и не бывало случая нарушенія сдѣлки. Покупщикъ обязанъ зарѣзать быка и угостить продавца съ семействомъ. Кромѣ того платить ему по одному „леквиши“ (что либо стоимостью въ рубль) каждый годъ, на 2-й или 3-й день новаго года, до третьяго поколѣнія, т. е. продавцу, потомъ сыновьямъ и внукамъ. Въ Сванетіи не существовало земской давности. Имѣніе, коимъ завладѣлъ кто либо какимъ нибудь необычнымъ законнымъ путемъ, возвращалось собственнику, хотя-бы послѣ завладѣнія протекло цѣлое столѣтіе. Пахатныя поля въ Сванетіи не состоятъ во владѣніи селеній и обществъ. Но существуютъ, принадлежащія обществу, общинѣ и селенію пастбищныя горы, покосы въ горахъ и лѣсныя дачи. Въ нихъ, каждый членъ названныхъ обществъ, можетъ свободно и безприпятственно пользоваться и извлекать выгоды для своихъ надобностей.

2. Р а з д ѣ л ь.

Въ Сванетіи раздѣлы въ имущество совершаются, преимущественно, домашнимъ порядкомъ. При разногласіи, во время раздѣла, въ немъ принимаютъ участіе отдѣленные родичи и зятья.

Братья, когда их двое, по ровну дѣлятъ между собою движимое и недвижимое имущество, кромѣ однодневной пахати, которую получаетъ старшій, сверхъ своей доли, — за старшинство. Когда же братьевъ болѣе, положимъ ихъ четверо, то изъ нихъ, настаивающій на раздѣлѣ, намѣчаетъ однодневное паханье за старшинство (для старшаго брата сверхъ слѣдуемой ему доли), остальное за тѣмъ имѣніе и имущество онъ дѣлитъ на четыре части, при чемъ право выбора доли предоставляется прежде всего младшему брату, выбирающему всегда ту часть, въ которой находится домъ съ усадьбою, потомъ — второму за нимъ, дѣлившему имущество. Но какъ на его долю остается посредственная за выборами часть, то обычное право надбавляло ему, еще полудневное паханье, или, по стоимости онаго, лѣсъ, или покосъ и проч. Въ случаѣ возникновенія между братьями несогласія, при дѣлежѣ, община принимаетъ въ этомъ участіе и дѣлитъ братьямъ имѣніе и имущество, по равной части, отдѣливъ предварительно опредѣленную за старшинство долю въ пользу старшаго брата. Если между братьями есть холостой, то ему, сверхъ слѣдуемой при дѣлежѣ части, выдается изъ общаго имущества „нагданури и „наквлаши“ „*ნაუღანური*“ и „*ნაკვლასი*“, въ размѣрѣ, какой каждому изъ женатыхъ братьевъ выплачено при женитьбѣ. Дѣти могутъ отдѣлиться отъ отца и онъ при раздѣлѣ, получаетъ изъ всего одну часть которая, послѣ его смерти, дѣлится сыновьями, между собою поровну. Отецъ не въ правѣ лишить сына слѣдуемой ему доли изъ имѣнія. Дѣти не въ правѣ отдѣлиться отъ матери, но если представится рѣдкій случай раздѣла между ними, тогда мать получаетъ отъ нихъ пожизненное содержаніе, а по смерти ея они должны выполнить все обычныя обряды и обязанности по усопшей. При раздѣлѣ, дочери и сестры не получаютъ никакой доли, но все обязанности, по содержанію, выдать ихъ за мужъ и проч. лежатъ на обязанностяхъ всехъ наслѣдниковъ.

3. Н а с л ѣ д с т в о .

Въ Сванетіи прямыми наслѣдниками считались сыновья. Имущество, умершаго безъ дѣтей мужскаго пола достается брату, племянникамъ, дядѣ, двоюроднымъ племянникамъ, общинѣ родовой и селенію, въ этомъ-же послѣдовательномъ порядкѣ. Если послѣ умершаго остались однѣ дочери, тогда помянутые выше наслѣдники даже община и селеніе обязаны пещись объ нихъ

(какъ о не замужнихъ, такъ и о замужнихъ) и нести всѣ обычныя обязанности въ отношеніи ихъ. Завѣщанія не практиковались въ Сванетіи.

V. ПОМИНКИ У СВАНЕТОВЪ.

1. „Лагванъ“, или „кончхаръ“.

ლაგვანი ანუ კონჩხარი.

По твердому убѣжденію сванетовъ, считается непремѣнною обязанностию выполнить въ поминовение усопшихъ обычныя обряды „лагванъ“, или „кончхаръ“ и „бацхъ“, или „кунегвешъ“ (კუნეგვეშ) — *дѣло души*, чтобы покойники удостоились на томъ свѣтѣ блаженства. Выполненіе обряда „лагванъ“ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Нужно замѣтить, что обрядъ этотъ требуетъ огромныхъ, почти непосильныхъ расходовъ и потому и заблаговременнаго подготовленія къ тому. „Лагванъ“ или въ переводѣ — поминки по усопшемъ, или по усопшей (*не менѣе однако трехлѣтняго возраста*) справляются всегда осенью. Для этого, съ ранней весны угоняютъ на пастбищныя горы отъ двухъ до двѣнадцати быковъ, чтобы они, на свободѣ, откормились на убой. Состоятельные, кромѣ того, откармливаютъ, для той-же цѣли, на дому, въ теченіи года, отъ 2-хъ до 8 свиней и столько-же барановъ и козловъ. При этомъ готовится, исподволь, муки и арака, такое количество, чтобы хватило на угощеніе жителей цѣлаго селенія, къ которому принадлежалъ умершій.

Въ прежнія времена состоятельные здѣсь люди, всегда и на всякій случай, имѣли запасы муки, равно для куренія арака — ячмень, рожь, а при недостаткѣ помянутыхъ продуктовъ, вымолочивали, для сказанной цѣли, весь урожай того года, хотя бы на это потребовалась вся годовая пропорція, предназначенная для семьи. Кромѣ того шили двѣ пары новаго платья, на покойника, къ поминкамъ. Настала осень — время справленія „лагвани“. Вершины горъ уже покрылись снѣгомъ; откормленные быки пригнаны съ пастбищъ; они разжирѣли, почти одичали, къ нимъ доступу нѣтъ. Борова тоже разжирѣли до того, что заднія ноги ихъ уже не дѣйствуютъ отъ тяжести туловища! Бараны и козы прыгаютъ, точно туры, какъ говорится, — „съ жиру бѣсятся“. За то они и откармливались въ *дарбази*.*) Водка также выкурена. Остается испечь хлѣбы и къ этому приступаютъ, за двѣ не-

*) „Дарбази“ — второй этажъ дома, гдѣ хранится у сванетовъ сѣно.

дѣли, до назначеннаго для справленія „лагвани“, дня, приглашая въ помощь извѣстныхъ въ дѣлѣ печенія женщинъ. Онѣ выпекаютъ отъ одного до четырехъ „себисквери“*) на cadaго члена общества, безъ различія пола и возраста. Въ Ушгульскомъ обществѣ принято печь, для этого случая, по одному „себисквери“ на cadaго и хлѣбъ бываетъ такой величины, что троимъ взрослымъ довольно на одинъ разъ. Въ Латаальскомъ-же обществѣ и въ Дадіановской Сванетіи пекутъ по два „себисквери“ на cadaго, и одинъ изъ такихъ хлѣбовъ совершенно достаточенъ взрослому парню.

„Себисквери“ пекутся изъ чистой пшеничной муки, а гдѣ преобладаетъ ячмень, то—и съ примѣсью муки изъ него. Приготовившись такимъ образомъ, домохозяинъ приглашаетъ къ себѣ, за день до „лагвани“, поминокъ, своихъ ближайшихъ родственниковъ, родичей и зятей на помощь, въ видѣ распорядителей. Изъ нихъ самаго старѣйшаго назначаетъ поваромъ и поручаетъ ему* предназначенный на убой скоть; нѣкоторыхъ изъ нихъ назначаетъ кравчіями, а остальнымъ поручаетъ распоряжаться задачей въ свое время хлѣба приглашеннымъ на поминки.

Послѣ всего этого, по просьбѣ домохозяина, приходитъ „папа“ (нынѣ священникъ), для освященія соли. Тогда-же пригоняютъ предназначенный на убой скоть, кромѣ борововъ. Папѣ передаются по двѣ малыхъ восковыхъ свѣчи на каждую скотину и кусокъ каменной соли. Папа зажигаетъ свѣчи и приставляетъ ихъ, по двѣ, къ рогамъ скотины; самъ тоже держитъ одну зажженную свѣчу, творитъ молитву и по окончаніи ея, даетъ подведенной скотинѣ лизнуть соли. За тѣмъ онъ поджигаетъ свѣчкой, слегка, у скотины шерсть на лбу, между лопатками и на филейной части. Окончивъ это, папа уходитъ. Вслѣдъ за этимъ, распорядители съ большими усиліями связываютъ, по одиночѣ, скотину и закалываютъ её въ нижнемъ, жиломъ этажѣ дома, обращеннаго на этотъ разъ въ бойню! Скоть весь зарѣзанъ, очищенъ, боровы ошпарены и туши ихъ изрѣзаны на куски и уложены въ мѣдные котлы, огромнѣйшей величины. Повара, всю ночь на пролѣтъ варятъ мясо и распредѣляютъ его на столько порцій („лигафъ“ „ლიგაფი“, „лимаатъ“—„ლიმაათი“), сколько дворовъ считается въ обществѣ; внутренности-же скота можетъ из-

*) „Себисквери“—въ буквальномъ переводѣ—просфора..

расходовать домохозяйинь, по своему произволу. Къ утру все закончено, комната подметана и убрана и вечеромъ должна быть совершена панихида. Насталъ и вечеръ. Папа совершаетъ панихиду, къ каковому времени приходятъ къ домохозяйину его родичи, родственники, ближайшіе и дальные и приносятъ „лехде“ *помощь* въ 30 маленькихъ хлѣбовъ отъ каждаго двора, что и издерживается за ужиномъ, при угощеніи помянутыхъ посѣтителей и „папы“.

На другое утро, въ день совершенія обряда „лагваны“—въ день поминокъ по усопшемъ, всѣ жители общества, отъ мала до велика, нарядившись въ праздничныя платья, спѣшать въ домъ усопшаго и, придя туда, выжидаютъ во дворѣ, до окончанія обѣдни прихода „папы“ (или священника). Пришелъ и „папа“; его вводятъ въ *дарбазъ*, гдѣ на одной сторонѣ лежатъ, на доскахъ, груды отвареннаго мяса, на другой сторонѣ—печеные хлѣбы, далѣе водка: въ кувшинахъ, бардахъ и проч., посрединѣ комнаты стоитъ что-то на подобіе кресла и на немъ разложено новое платье—рубаха, кальсоны, чохъ, архалухъ, шаравары, ноговицы, лапти, шапка и доспѣхи боевые—кинжалъ, ружье, пистолеть и шапка. А если поминки бывають по усопшей, то принадлежноти женскаго костюма. Все это уложено въ такомъ порядкѣ, что изъ дали кажется, будто лежитъ, покойникъ, и сванеты убѣждены, что тогда въ этомъ платьѣ завернута душа усопшаго! Близъ платья стоитъ круглый столъ, наполненный лучшими кушаньями и фруктами, обставленными множествомъ восковыхъ свѣчей. Папа служитъ панихиду и по окончаніи обряда, забираетъ себѣ лежащее тутъ платье. Тогда народъ входитъ по очереди въ дарбазы съ корзинами и получаетъ на каждаго члена своей семьи: по четыре хлѣба (а гдѣ установлено по одному хлѣбу,—то одинъ) и опредѣленные порціи мяса и водки. Все это берется ими къ себѣ, по уходѣ домой. Когда окончится эта задача, народу, кромѣ того, выдаютъ по одному хлѣбу на душу и по куску мяса для обѣда, тутъ-же на мѣстѣ, при чемъ водка подается имъ въ деревянныхъ ковшахъ и чашкахъ; въ концѣ-же обѣда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ выставляютъ корыта, наполненные водкою и желающіе пьютъ ее до безобразія и многие изъ нихъ возвращаются во свояси, лишь вечеромъ. Выше исчисленные расходы могутъ нести только люди зажиточные. Бѣдные ограничиваются двумя быками съ соотвѣтственнымъ этой жив-

ности аракомъ. Хлѣба-же требуется отъ нихъ, такое-же количество какъ и отъ состоятельныхъ.

Какъ-бы то не было, а выполнение обряда „лагвани“ обязательно для каждаго сванета и безъ этихъ поминокъ душа покойнаго не можетъ блаженствовать и будетъ въ претензіи на домашнихъ, а такое неудовольствіе души умершаго можетъ навлечь на домъ большія бѣдствія. Бездѣтно умершимъ сванетамъ справляютъ „лагвани“ родственники его, а у кого не окажется родственниковъ, тому—селеніе, которому онъ принадлежитъ. Безъ выполнения обряда „Лагвани“, не быть сванету въ рай! Нужно замѣтить при этомъ, что большая часть зажиточныхъ сванетовъ справляетъ, еще при жизни своей, *на себя* обрядъ „лагвани“, потому что,—по мнѣнію сванета—онъ этимъ поступкомъ избавляетъ своихъ наслѣдниковъ отъ хлопотъ и лишнихъ расходовъ и наконецъ онъ заготавливаетъ, для даннаго случая, любимыя имъ кушанья, по своему вкусу, и на томъ свѣтѣ все это обрѣтетъ уже въ готовности. И въ данномъ случаѣ, обрядъ «лагвани» выполняется для живого тѣмъ-же самымъ порядкомъ, какъ и во время поминокъ усопшихъ, съ тою лишь разницею, что въ кресло, на которомъ должно лежать вновь сшитое платье для покойника, садится то самое лице, которое справляетъ на себя „лагвани“, облекшись въ новое платье и вооруженный. При этомъ, онъ сажаетъ около себя жену съ дѣтьми (если онъ у него есть) и родственниковъ; въ одной рукѣ держитъ зажженную восковую свѣчку, а другою потчуетъ ихъ кушаньями со стола, стоящаго передъ нимъ, при чемъ молить Спасителя не лишитъ его на томъ свѣтѣ тѣхъ-же яствъ.

2. „Липааналь“.

(Поминовение душъ усопшихъ).

Ежегодно, въ сочельникъ, 5 января, сванеты выполняютъ „липааналь“—обрядъ поминовения душъ усопшихъ, называемое ими „адгомъ“—*воскресеніе, вставаніе*. Дѣло въ томъ, что сванеты убѣждены, что въ этотъ день души усопшихъ *встанутъ* изъ могилъ и возвращаются въ дома своихъ родственниковъ. Сванеты въ этотъ день очищаютъ всю домашнюю утварь, обмываютъ щелокомъ и водой всю посуду: чашки, тарелки, котлы, обѣденные столы и проч.; вечеромъ обметають и комнату. Цѣлый день постятся, не обѣдая, а за ужиномъ ѣдятъ только пшеничную кашу

— „тчантн“ (ἄβου). До ужина, вокруг „керіа“ *) ставить столы, а за ними—скамейки; на столахъ кладутъ хлѣбы и постыныя кушанья, ставятъ аракъ и налипливаютъ нѣсколько штукъ тонкихъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей, домашняго издѣлія. Вся семья становится поодаль отъ столовъ, а старшій въ домѣ—впередѣ семьи, безъ шапки, обращенный лицомъ къ освященнымъ столамъ, и перещитываетъ, поименно, всѣхъ своихъ усопшихъ, произнося отпущеніе имъ грѣховъ. При этомъ онъ проситъ души усопшихъ, принести ему въ домъ „хорошую ногу“, *) счастье, и до будущаго года, такого-же дня, не причинять въ домѣ убили смертью, взамѣнъ чего, всѣ домочадцы постараются прибавлять ежегодно, къ поминкамъ, всего.

По окончаніи этой мольбы, онъ становится на колѣни и вся семья за нимъ, произнося молитву объ отпущеніи всѣхъ грѣховъ душамъ ихъ усопшихъ. На другой день, каждый дворъ рѣжить какую нибудь скотину, такъ какъ скоромный столъ долженъ быть освященъ, ради усопшихъ душъ, ежедневно, за обѣдомъ иужиномъ, до перваго, слѣдующаго, за крещеніемъ, понедѣльника. Если же крещеніе совпало съ понедѣльникомъ, то все же до слѣдующаго за тѣмъ понедѣльникомъ, именуемаго „лигвджинаалъ“—*возвращеніемъ души*. Это угощеніе душъ усопшихъ продолжается, во все это время, тѣмъ же порядкомъ и съ тѣми же мольбой и молитвами. По прошествіи установленнаго на поминовеніе душъ времени, т. е. въ понедѣльникъ, вся семья въ домѣ встаетъ до разсвѣта. Женщины принимаются за печеніе пшеничныхъ хлѣбовъ, разныхъ формъ и величинъ, и имѣющихъ разныя назначенія. Такъ, онѣ пекутъ хлѣбъ „кичхилдъ“—*малая лѣстница*, который имѣетъ въ длину одну пядень и въ ширину три вершка; на немъ, до печенія, надавливаютъ круглою палкою знаки, называя ихъ ступенями лѣстницы. Хлѣбъ этотъ предназначенъ для *хромыхъ покойниковъ*, которые, по понятію народа, нуждаются въ этой лѣстницѣ, для прихода на „этотъ свѣтъ“ и для обратнаго ихъ возвращенія. Другой, выпекаемый тогда же хлѣбъ называется „мухурчунилъ“. Онъ бываетъ толщиною въ три вершка,

*) Мѣсто среди хаты, гдѣ постоянно разводится огонь и гдѣ пекутъ хлѣбы.

*) Идиотизмъ этотъ можно перевести такъ; чтобы за пришельцемъ *слѣдовало* счастье, или по аналогіи, въ томъ родѣ, когда получая что нибудь, говорятъ: „съ вашей легкой руки“ и т. п.

въ окружности имѣеть четыре вершка, а двѣ противоположныя стороны—одинаковой ширины; внутрь хлѣба закладывается сыръ; верхъ хлѣба открытъ. Словомъ, это, что-то въ родѣ ватрушки и „на томъ свѣтъ“ служитъ усопшимъ дѣтямъ пьедесталомъ, чтобъ съ возвышенія удобнѣе глядѣть на Спасителя. Третій хлѣбъ „тчабилъ“ (тчабилъ) — тонкій и круглый, начиненъ сыромъ и сверху намазанъ тоже сыромъ; вокругъ надавленъ налкою. Какое было назначеніе этого хлѣба, уже не помнитъ народъ. Послѣ окончанія этого печенія и приготовления обыденныхъ вообще хлѣбовъ, и, сваривъ мясо, ставятъ все, по обыкновенію, на обѣденные столы, вмѣстѣ съ водкою и къ столамъ прилѣпляютъ восковыя свѣчи. Независимо этого устанавливають особо „шичкъ“ (шичкъ)—о трехъ ножкахъ круглый столъ, на которомъ ставятъ *три* восковыя свѣчки и избранныя кушанья съ аракомъ. Вся семья становится поодаль отъ столовъ, а старшій въ домѣ передъ ними—у столовъ. Въ домѣ строжайшее молчаніе. Всѣ убѣждены, что за столами сидятъ, въ это время, души, умершихъ ихъ родственниковъ. Тогда, старшій въ домѣ обращается къ невидимымъ душамъ и говорить въ полголоса: „не тороплю васъ *) и не удерживаю; будьте предтечей добра, возвращайтесь съ добромъ; оставляя насъ, благословите, а вѣчно поминая васъ мы будемъ молить Христа, дать вамъ мѣсто за своею трапезою“... По окончаніи этихъ словъ, онъ приближается къ круглому столу, за которымъ стоитъ скамейка и становится на колѣни; его примѣру слѣдуютъ остальные. За тѣмъ они всѣ встаютъ и возвращаются на прежнія мѣста. Тутъ старшій поминаетъ поименно умершихъ ближайшихъ родственниковъ, посылая имъ отпущеніе грѣховъ и благословеніе. Послѣ этого вторично становятся всѣ на колѣни, и возвратившись на мѣсто, старшій поминаетъ уже умершихъ *далнихъ* родственниковъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ. Послѣ же колѣнопреклоненія въ третій разъ, старшій беретъ круглый столъ съ подобострастіемъ, и ставитъ среди комнаты и проситъ души усопшихъ „возратиться на свои мѣста, на тотъ свѣтъ, ходатайствовать у Христа, не наказать смертью членовъ дома его и что онъ, проситель, прибавитъ, въ будущемъ, подлежащее освященію, ради ихъ поминовѣнія“. За тѣмъ онъ тихими шагами, несетъ тотъ столъ на дворъ, причемъ одинъ изъ домашнихъ идетъ передъ нимъ съ зажженною лу-

*) Уходить.

чиною. Такимъ образомъ души *возвращаются* на свои мѣста. Св-яны у убѣждены, что души усопшихъ гостять у нихъ до послѣд-
няго понедѣльника и во все это время имъ *рассказываютъ сказки*.

3. „Бацхъ“, „бецхъ кунегвешъ.“

„ბაჲხ“, „ბეჲხ კუნეგვეშ“ (სულის სიჲჲ).

„Бацхъ“, „бецхъ кунегвешъ“—*душеспасительное дѣло*, обрядъ во многомъ сходствующій съ обрядомъ „лагвани“. Разница между ними та, что справлять „бацхъ“ необязательно для всѣхъ, но это есть обычное для зажиточныхъ людей, устраиваемое ими добровольное приглашеніе сосѣдей, для угощенія ихъ, въ видѣ похвального душеспасительнаго дѣла. Количество скота, предназна-
ченнаго при этомъ на убой, не опредѣлено и, во всякомъ случаѣ оно, менѣе, по числу, чѣмъ при обрядѣ „лагвани“. Хлѣбы, выпекаемые при этомъ случаѣ („кабабъ“), менѣе по величинѣ, чѣмъ „себисквери“ и выдаются только мужскому полу, возраста отъ 12 до 15 лѣтняго, по два хлѣба на каждого. Приглашенными бывають родственники и сосѣди по 2—4 человека отъ
каждаго двора. Родственники приглашаются на ужинъ, а сельчане—къ обѣду, при чѣмъ, послѣднимъ, кромѣ вышеупомянутыхъ хлѣбовъ, выдаютъ небольшую порцію говядины и потчуютъ ихъ аракомъ. За обѣдомъ веселятся, поютъ пѣсни, а потомъ составляютъ и хороводныя пляски, чего во время обряда „лагвани“, ни въ какомъ случаѣ не допускается. Въ день назначенный для „бацхи“, домохозяйка (но, ни въ какомъ случаѣ, не домохозяйинъ) приглашала, въ прежнія времена, „папа“ для соборованія масломъ, при чемъ приглашала на ужинъ ближайшихъ родственниковъ. А какъ происходило освященіе елей, мы расскажемъ далѣе.

VI. ЕЛЕОСВЯЩЕНІЕ.

Елеосвященіе или соборованіе масломъ происходило въ тотъ же день, когда кончался обрядъ „бацхъ“. Соборовались масломъ преимущественно пожилыя женщины. Для этого онѣ приглашали „папъ“, которые, прежде всего считали нужнымъ получить за потребу скотину, или мясо, стоимости въ 6 рублей, безъ чего они и шагу не дѣлали... Мало того, оцѣнка скота за потребу производилась самими папами и по поводу этой платы долго шли переговоры, между ними и посылаемыми къ нимъ посредниками, которые, все же, вырывали у нихъ согласіе, на уменьшеніе перво-

начальныхъ требованій. Наконецъ являлись и папы; народъ усаживался на длинныхъ скамьяхъ; передъ ними ставили на столахъ кушанья. Тогда старшій папа (грамотѣй) призывалъ къ себѣ младшихъ папъ (диджантъ), облачался въ фелонь *) и бралъ въ руки требникъ. Одинъ изъ папъ раскалывалъ камышевый патронъ на семь спиць, обматывъ концы ихъ ватою, напityвалъ заранѣе заготовленнымъ деревяннымъ масломъ и втыкалъ въ столы. Тогда домохозяйка **) подходила къ старшему папѣ, становилась на колѣна, обнявъ руками правое колѣно папы. Тотъ прикрывалъ ее фелономъ и читалъ молитвы или по книгѣ, или наизусть. Другіе папы, сидя тоже произносили молитвы, кто во что было гораздъ и эта путаница въ славословіи продолжалась около 12 минутъ. За тѣмъ, брали одну спицу со стола, обмакивали въ масло и сжигали. Этимъ кончался первый актъ импровизированнаго соборованія масломъ!.. Послѣ такого труда, папы прикладывались къ араку и закусывали... „устали дескать“!.. Слѣдующіе шесть актовъ повторялись, съ тѣми же церемоніями и антрактами съ закусываніемъ, а домохозяйка все время стояла на колѣнахъ, перечисляя про себя грѣхи свои и прося Иисуса Христа перенести грѣхи ея на папу... Съ сожженіемъ послѣдней спицы, соборованіе кончалось и папы, вмѣстѣ съ гостями садились ужинать, ѣли, пили и пьяные возвращались во свояси.

Сванеты увѣрены, что женщина, соборовавшаяся масломъ, если не согрѣшила вновь, попадетъ прямо въ рай. Тайнство это равнялось силѣ индульгенціи римскаго папы. Вѣрно одно, что женщины, послѣ соборованія масломъ, удерживались отъ искушеній: ѣсть скоромное, сеориться, злословить другихъ и проч.

Молодые сванетки, какъ и мужчины, не имѣютъ желанія собороваться масломъ.

VII. КРОВОМЩЕНІЕ.

1. Причины кровомщенія.

За всякое преступленіе, проступокъ и личное оскорбленіе, въ Сванетіи отплачивалось тою-же монетою. Кровомщеніе въ Сванетіи было развито въ такой-же почти степени, какъ и у многихъ другихъ горскихъ народовъ Кавказа и не смотря на то, послѣдовала-ли смерть отъ неосторожности, случайно, или по другимъ причинамъ и какого-бы пола или возраста не была

*) Лохмотья, что-то подобіе ризы.

**) Мужчины никогда не соборуются масломъ.

жертва. Ближніе убитого имѣли право преслѣдовать и убить виновнаго члена его семьи, или общины. Мстить они въ правѣ были до скончанія вѣка, но мстительность ихъ ограничивалась тѣмъ, что не въ правѣ были убивать женщинъ и малолѣтнихъ мальчиковъ враждебной имъ стороны. При такомъ положеніи дѣла, убійцѣ и членамъ его семьи, или общины, оставалось только быть осторожными, не сталкиваться съ представителями враждебной имъ стороны, до окончательнаго ихъ примиренія. Убійца могъ предложить сторонѣ убитаго примириться съ нимъ и принять цѣну за кровь (წარა ლევედ); согласиться-же съ этимъ, зависѣло отъ воли ихъ. Принимающаго вознагражденіе за кровь, народъ называлъ („უზაბუზვება“) — „съдающимъ не съдобное“, т. е. — *кровь ближняго*, и это считалось постыднымъ, ибо обычай требовалъ мщенія, смерти—за смерть! Права сторонъ уравниваются, когда они потерпѣли въ одинаковой степени, такъ напримѣръ, были убиты по одному человѣку у каждой изъ нихъ. Тогда общины ограничивались лишь принятіемъ *присяги преданности*, для упроченія между ними мира. Каждый сторонній, не принадлежащій къ враждебнымъ между собою общинамъ, могъ ввести въ свой домъ и приютить, на время, убійцу или другаго виновнаго, преслѣдуемаго врагомъ—и тотъ былъ въ обезопасности, неприкосновенъ, лишь-бы успѣлъ вбѣжать въ тотъ домъ и коснуться очага, или „натча“ (ბეჭა) цѣпи, для вѣшанья, котловъ. Преслѣдуемый врагомъ спасался и былъ также неприкосновенъ, если онъ успѣвалъ прибѣжать въ церковь или ограду церковную.

2. Цѣны за кровь въ Вольной Сванетіи.

Вознагражденіе потерпѣвшихъ за *кровь* убитаго опредѣлялось разнo. Въ *Ушгульскомъ обществѣ*, напримѣръ въ слѣдующемъ размѣрѣ: шесть „налджоми“ (ნაღჯომი) опредѣленной мѣры пахатной земли, которая по почвѣ должна была быть самая лучшая, цѣнная и лежать близъ села. Подобныя условія достоинства и расположенія земли прибавлялись во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ вознагражденіе потерпѣвшему за кровь отводилась пахатная земля. Если же у виновнаго не было такого же качества родовыхъ земель, то онъ, взаменъ, долженъ былъ дать домъ и усадьбу (идушихъ въ три *налджоми*) и токъ съ комваткою *) при гумнѣ,

*) Такал-же комната на току въ Дадіановской Сванетіи называется „картавъ“, а въ Княжеской—„цалмагъ“.

называемую „мачъ“¹⁾, идущихъ въ двѣ наджومي, а шестой наджومي можно было замѣнить движимостью, по оцѣнкѣ. Кромѣ того, виновный долженъ былъ выдать свое лучшее ружье, и каждому члену дома убитаго, по одной коровѣ въ подарокъ. По совершеши-же мировой—угостить всю семью потерпѣвшаго и тѣхъ *морзаровъ* и *лунхуловъ*, которые принимали участіе въ рѣшеніи дѣла.—Въ *Кальскомъ обществѣ* опредѣлялось тоже самое, съ тою лишь разницею, что здѣсь, подлежавшіе отдачѣ потерпѣвшимъ „керіа“ и „натча“,²⁾ должны были быть обширнѣе. Въ *Инарскомъ* обществѣ полагалось: три наджومي пахатной земли, двѣ наджومي покоса, и на одна наджومي—движимость. Остальное, какъ въ Ушгульскомъ и Кальскомъ обществахъ. Въ *Мулахскомъ* и *Местійскомъ* обществахъ полагалось: три наджومي пахатной земли и три наджومي покоса; остальное, какъ въ предыдущихъ обществахъ. Въ *Ленджерскомъ* и *Латальскомъ* обществахъ полагалось: 24 наджومي³⁾ пахатной земли; остальное,—какъ въ предыдущихъ обществахъ. Въ *Княжеской Сванетіи*. Въ обществахъ: *Бечовскомъ*, *Парскомъ* и *Чубухевскомъ*, или *Лахамульскомъ*, вознагражденіе за кровь полагалось—24 „цхвадиши“⁴⁾ пахатной и покосной земли, а въ *Эцарскомъ*—12 „цхвадиши“⁵⁾ пахатной и покосной земли. Въ этихъ обществахъ, кромѣ того полагалось: подарками и угощеніемъ на 200 руб. Хотя пространство земель „наджومي“ и „цхвадиши“, по размѣру, одинаковы между собою и разнятся лишь въ цѣнѣ, но въ общемъ даютъ почти одинаковый итогъ. Такъ стоимость одной Ушгульской „наджومي“ равняется четыремъ „наджومي“ ленджер-латальской и четыремъ „цхвадиши“ пари-чубухевской, т. е. шести быкамъ, а какъ за право полагалось шесть „наджومي“, или 24 „цхвадиши“, равняющейся 36 быкамъ (стоимости въ 25

¹⁾ Каждая наджومي цѣнится въ шесть быковъ, а быкъ—25 руб.

²⁾ Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ вознагражденіе за кровь отводился покосъ,—таковой, по общему правилу, долженъ былъ равняться стоимости пахатной земли.

³⁾ Тутъ каждая „наджومي“ цѣнится въ одного быка (25 руб.) и въ одну корову (10 руб.), хотя, по размѣру, четыре здѣшнія наджومي и равняются одной Ушгульскаго общества.

⁴⁾ „Наджома“ этихъ обществъ, равняется, по цѣнѣ и пространству, съ Ленджер-Латальскимъ.

⁵⁾ „Цхвадиши“ здѣшній равняются съ ушгульскимъ, кальскимъ и инарскимъ „наджومي“ по размѣру, а цѣнятся въ десять „пуреші“ (սրբիշի), а каждый „пуреші“—въ 10 рублей.

руб. каждый, кромѣ Эцеракаго), то и составить 900 руб. Прибавивъ къ этому другіе расходы, на сумму 200 руб., получится итогъ въ 1100 р., плата потерпѣвшему за кровь.

3. Цѣна крови въ Дадіановской Сванетіи.

Въ здѣшнихъ обществахъ—*Лешхетскомъ*, *Чолурскомъ* и *Лентелскомъ* опредѣленъ былъ размѣръ вознагражденія, слѣдовавшаго за кровь, въ 400 рублей, что и выплачивалось движимостью: оружіемъ (ружье, пашка и проч.), серебряными вещами (цѣпочка, чаша, *азарнеша*), *) мѣдною посудою **) и рогатымъ скотомъ. При неимѣніи движимости, отдавались въ ту же сумму патныя поля, по оцѣнкѣ. За менѣ важныя преступленія, проступки и оскорбленія, какъ, наприм., за увѣче руки, ноги, глаза, носа, уха и проч., взыскивалось полкрови: въ Ингурскомъ ущельи—три „налджомі“, а въ Цхенисцкальскомъ—200 руб. За легкія пораненія—отъ 20-ти до 30-ти „ацсиши“. За легкое оскорбленіе дѣйствіемъ, т. е. за пощечину—одно „ацсиши“. За оскорбленіе дѣйствіемъ: ударъ палкою, камнемъ и т. п.—отъ 2-хъ до 3-хъ „ацсиши“. ***). За оскорбленіе на словахъ—отъ 4-хъ до 30-ти „ацсиши“. За клевету—отъ 3-хъ до 24-хъ „ацсиши“. За кражу—взысканіе уворованнаго, въ двойномъ размѣрѣ, въ пользу потерпѣвшаго и штрафъ—въ пользу общества. Размѣръ этого штрафа опредѣлялся обществомъ по своему усмотрѣнію. За кражу со взломомъ (вскрытіемъ-ли дверей, запертыхъ запоромъ, или задвигкою или окна или, наконецъ, пробоемъ стѣны),—требовалось возвращеніе уворованнаго и взыскивалось съ виновнаго 12 „ацсишъ“. Тоже взысканіе опредѣлялось, когда вора заставали на мѣстѣ преступленія. Обычай не давалъ однако потерпѣвшему права убивать, или ранить ворующаго, хотя-бы онъ и засталъ его на мѣстѣ преступленія; въ противномъ случаѣ, онъ какъ убійца, или виновный въ пораненіи, подвергался взысканію платы за коровъ въ пользу раненаго или наслѣдниковъ убитаго, за выключеніемъ

*) *Азарнеша*—сосудъ для питья вина, формы разливательной ложки.

**) Напримѣръ, огромные мѣдные котлы, въ которыхъ гонятъ водку, что-то сходное съ кубомъ.

***). Замѣчательно, что подраздѣляя такъ степени оскорбленія кодексъ сванетскій выработалъ и особые термины, по мѣрѣ вины. Напримѣръ, термины: „кадардъ пуквидъ“ (კადარდ პუკვიდ)—*сухой, безкровное* оскорбленіе, „мужирдъ“—ударъ *мокрымъ, кровавымъ* (пораненіе).

лишь, изъ платы за кровь, вознагражденія по 12-ти „ацсиши“, *) слѣдовавшаго ему, какъ пострадавшему отъ кражи со взломомъ. Взломать домъ сванета, значить унижить его, а обокрасть—лично оскорбить и унижить его и потому онъ считаетъ своею нравственною потребностью имѣть свое жилище неприкосновеннымъ, неопозореннымъ. Въ Дадіановской Сванетіи, въ Цхенисцкальскомъ ущельи, за осѣчку, какъ за покушеніе на убійство, положено взыскивать съ виновнаго цѣну полукрови, между тѣмъ какъ за сдѣланный безъ всякихъ послѣдствій выстрѣлъ и за угрозу, ничего не взыскивается!

Не влекутъ за собою никакого взысканія тѣже самыя дѣянія въ Сванетіи по Ингурскому ущелью. За срываніе съ головы женщины покрывала (лишгме) и за обрѣзку у нея косъ взыскивается 24 ацсиши. За потраву нивъ и покосовъ хозяева въ правѣ убить мелкую скотину, если застигнуть ее на мѣстѣ, на крупную-же скотину не имѣютъ этого права. Взысканія за этотъ ущербъ—очень рѣдки, но за порубку лѣса—ответственны.

---

*) „Ацсиши“—равняется 6 руб.

VIII. П Л Ъ Н Ъ.

Въ Сванетіи существовало обыкновеніе брать въ плѣнъ своего оскорбителя, когда оскорбленіе было *тяжкое* и виновный *не удовлетворялъ* оскорбленнаго добровольно, или обычнымъ судомъ. На этомъ основаніи брали въ плѣнъ только виновныхъ членовъ другихъ обществъ, или иноземцевъ; на членовъ-же своего общества не могли постирать это право. Плѣннаго, проводимаго чрезъ промежуточное (нейтральное) общество, послѣднее могло освободить и взять къ себѣ, подъ свое покровительство. Оскорбленный не только не могъ противорѣчить этому, но даже роптать на непрощенную защиту. Но если уже оскорбленный забралъ къ себѣ въ плѣнъ своего оскорбителя, то онъ не только, не билъ и не мучилъ его, но, напротивъ, ласкалъ его, кормилъ на славу и обращался съ нимъ болѣе, чѣмъ человѣчно, потому въ 1-хъ, чтобъ онъ самъ, его домъ, семья, община, селеніе и общество не заслужили всеобщій укоръ; во 2-хъ, что обращаться съ плѣннымъ дурно считалось постыднымъ для нихъ; въ 3-хъ, что онъ ожидалъ отъ ближнихъ своего оскорбителя выкупа, равнаго вознагражденію за тяжкое оскорбленіе, и въ 4-хъ, что опасался впоследствии мести со стороны плѣннаго, или его ближнихъ. По этому и чтобы въ груди у плѣннаго не нашель мѣсто зарокъ—оплатить мучителю своему свинцовою монетою,—оскорбленный оказывалъ ему особенное вниманіе, давалъ ему свободу во всѣхъ его дѣйствіяхъ... И плѣнный вполне пользовался своими льготами и привилегіями... Онъ имѣлъ право ловить въ томъ селѣ, гдѣ находился, мелкую скотину и птицу (кому-бы такая не принадлежала), безъ протеста съ чьей либо стороны рѣзать её для себя и потчивать ею окружающихъ его кого заблагоразсудится. Плѣнный расхаживалъ свободно подъ надзоромъ лишь приставленныхъ людей. Проходили дни, недѣли, пока оскорбленный не убѣждался, что ближніе плѣннаго не только не озабочены его выкупомъ, но что всѣ они и въ усь себѣ не дуютъ!.. Тогда только оскорбленный принимался за принудительныя и болѣе или менѣе строгія мѣры. Они заключались въ слѣдующемъ: на плѣннаго на дѣвали: а) или ножные желѣзные кандалы, б) или деревянную

колоду на одну ногу *) и в) или заключали въ „дилеги“—тюрьму, темную подвальную комнату, имѣющую единственный входъ и выходъ, по приставной лестницѣ, чрезъ отверстіе („лоби“) въ полу верхняго этажа съ створною лядою. Конечно мѣра эта была крайняя, но и рѣдкая.

Въ старину, говорятъ, практиковались и наручники—„маркваръ“, но объ употребленіи ихъ ни кто не помнитъ; какъ и самая конструкція ея ни кому неизвѣстна. Бывали случаи, что отпускали и безъ выкупа, но это дѣлалось въ тѣхъ видахъ, что оскорбленный желалъ отплатить тою же монетою. Когда дѣло доходило до переговоровъ о выкупѣ, то это происходило такимъ образомъ: когда до ближнихъ виновнаго доходило свѣдѣніе о плѣнѣ ихъ родственника, тогда они обращались къ своему „махви“. Этотъ отправлялся въ то общество, гдѣ находился плѣнный, считалъ необходимымъ повидаться съ оскорбленнымъ и съ махви его общества, переговаривалъ съ послѣднимъ и они, вдвоемъ, узнавали, сколько требуется для выкупа плѣннаго, и за тѣмъ обиженный, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ, отправлялся къ ближнимъ плѣннаго, для окончательнаго переговора и полученія выкупа. Но прежде чѣмъ отправиться туда, ближніе плѣннаго должны были выслать въ общество обиженнаго столько-же заложниковъ „дзаваль“, сколько лицъ шло для переговоровъ о выкупѣ. По окончаніи этого вопроса, обиженный съ сопровождавшими его людьми возвращался къ себѣ домой и, по принятіи плѣннымъ *присли преданности*, освобождалъ его вмѣстѣ съ заложниками. Нахожденіе въ плѣну считалось позоромъ высшей степени и потому, рѣдко когда, находившійся въ плѣну пропускалъ это пятно, не смывъ его. Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ убійству было и это обстоятельство. Въ силу обычая, бывшіе въ кандалахъ и колодкахъ, считаются лишенными правъ состоянія. Они лишены и права быть похороненными на освященной землѣ. Если бывший въ плѣну поссорится съ кѣмъ нибудь, то противникъ говорить ему съ укоромъ: „Плѣнный! какими же еще устами ты со мною говоришь“?. Вотъ причины, почему оскорбленный всегда обращался съ плѣннымъ деликатно, ласково и съ подобострастіемъ, какъ слуга съ господиномъ.

*) Колода замыкалась внутреннимъ самодѣльнымъ механизмомъ, ключи отъ котораго хранились у домохозяина. А какъ тоскать колоду одною ногою было тяжело, то къ ней (колодѣ) привязывалась по серединѣ веревка, которою плѣнный подгибалъ эту тяжесть и тѣмъ облегчалъ ношу.

IX. ДѢТСКІЯ ИГРЫ ВЪ ВОЛЬНОЙ СВАНЕТИ.

1-е. „Нахудшъ лисквнѣ“. Изъ дѣтей собравшихся для игры, двое выходятъ въ сторону, остальные стоятъ попарно. Одинъ изъ пары наименовываеъ себя, положимъ, солнцемъ, а другой—луной. Они подходятъ къ двумъ заранѣ отдѣлившимся и предлагаютъ имъ выборъ („лилкнѣ“) луны или солнца. Тѣ выбираютъ. Остальныя пары до послѣдней повторяютъ тоже самое, называя себя, положимъ: ружье и шашка, туръ и серна, голубь и соколъ и т. д. Такимъ образомъ образуются двѣ партіи. Но кому изъ нихъ начинать игру?—Для этого бросаютъ вверхъ плоскій камень, или выструганную палочку („лицхре“) съ намѣченнымъ на каждой сторонѣ камня или палочки знакомъ данной партіи, и чей знакъ, при паденіи, окажется сверху, та партія и начинаетъ съ назначеннаго мѣста („гардъ“) прыгать („лисквнѣ“). Начинаетъ прыгать одинъ изъ жеребьевой партіи съ рубежа „гардъ“ и дѣлаетъ *два* прыжка, не останавливаясь; за нимъ дѣлаетъ тоже самое другой изъ его-же партіи, но съ мѣста, куда допрыгнулъ первый. За вторымъ —прыгаетъ третій, въ томъ же порядкѣ и т. д. За первой партіей продѣлываетъ тоже самое вторая, и которая изъ нихъ сдѣлала болѣе разстоянія прыжками, та и дѣлалась первенствующей. Послѣ этого одинъ изъ выигравшей партіи, самый сильный, ложится на землю, лицомъ внизъ, и обхватываетъ по одной ногѣ двухъ мальчиковъ противной стороны. Въ это время подходитъ одинъ изъ выигравшей партіи и бьетъ по рукамъ, задержанныхъ за ноги мальчиковъ, осторожно, чтобъ его не схватили—и убѣгаетъ задомъ. Задержанные мальчики вырываются, чтобы дагнуть убѣгающаго, дѣлаютъ для этого всевозможныя усилія и, наконецъ, вырвавшись у утомленнаго противника,—бѣгутъ и кое какъ нагоняютъ убѣгающаго. Съ того мѣста, гдѣ нагнали убѣгающаго, проигравшіе игру должны, посадивъ на себя выигравшихъ, донести до рубежа игры—„гардъ“.

2-е. „Кили качхушъ лисквнѣ“. Играющій держитъ заостренную въ 4—5 вершковъ палочку и, разбѣжавшись, дѣлаетъ съ назначенной межи скачекъ, на одной ногѣ, поднимая другую, и, нагнувшись впередъ, втыкаетъ палочку въ землю, или снѣгъ. Дру-

іе дѣлають тоже самое и кто изъ нихъ дальше воткуль палочку, тотъ и выигралъ партію.

3-е. „Либудараль“. Дѣти дѣлятся на двѣ партіи и схвативши другъ друга за пояса, каждая партія тянетъ противную въ свою сторону. Которая изъ нихъ одолѣетъ, та и выигрываетъ.

4-е. „Кичирхаль“. Катанье съ горки на салазкахъ (чархи).

5-е. „Лимхуваналь“. Игра въ снѣжки. Дѣти раздѣлившись на двѣ партіи и вооруженные маленькими деревянными лопатками, закидываютъ другъ друга снѣгомъ. Кто одолѣетъ тотъ и молодець.

6-е. „Линурквгамаль“. Мальчики воздвигаютъ снѣжную башню (мурквгамъ) такой высоты, что они едва достаютъ ея вершину; причеъ двое, при возведеніи башни, постоянно утаптываютъ сверху снѣгъ, а остальные округляютъ и выравниваютъ форму зданія. Порою, въ этой башнѣ, выковыриваютъ комнатку.

7-е. „Лидшвалъ“. Всѣ дѣти до 12-тилѣтняго возраста имѣють деревянные палашы и сохраняють ихъ изъ года въ годъ. Въ первый понедѣльникъ послѣ крещенія, вечеромъ, всѣ дѣти изъ селенія, не выше 12-ти лѣтняго возраста, навѣсивъ свои палашы, собираются въ одинъ изъ необитаемыхъ домовъ и утромъ, вставъ пораньше, идутъ по селенію, заходятъ въ дома, бьютъ палашами по навѣшенной утвари и прочее, штурмуютъ домъ, пока, порою, ихъ не выпроваживаютъ силою, хотя народъ и чтитъ этотъ обычай.

8-е. „Линшвланаль“ (ლინშვლანალი). Дѣти ставятъ палочку, или камень и въ эту цѣль бросаютъ „муджуро“ *) по одному разу каждый. Кто больше сдѣлаетъ промаховъ тотъ ставитъ уже для цѣли свою вещь: ножикъ, шанку патронъ и т. п. Промахнувшіеся, подвергаются той-же участи и т. д. Конечно всѣ вещи, служившіе мишенью, подвергаются значительной порчѣ. Между тѣмъ, дѣтямъ эта игра служитъ хорошимъ упражненіемъ для будущей военной дѣятельности и основаніемъ для перехода къ огнестрѣльному оружію, такъ какъ привыкають къ мѣткости въ цѣли.

9-е. „Мурамудди кела“ (მურამუდი კელა). Нѣсколько мальчиковъ, взявши другъ друга за плечи, образуютъ кругъ. На плечахъ ихъ становятся другіе, тоже образовавъ кругъ и начинаютъ

*) „Муджуро“—на палку насаженная четырехугольная и острая желѣзная пика въ 6—14 вершковъ.

пѣть и ходить въ круговую. Нижніе, распѣвая, грозятъ верхнимъ, что ихъ спустятъ на землю; верхніе отвѣчаютъ пѣснями, что не боятся ихъ хитростей, каверзъ и падѣнія. Тогда хороводъ учащаетъ пѣсни и движенія и, подь конецъ,—бухъ! одни падаютъ, другіе половчѣе—становятся на ноги.

10-е. „Лхунбуцалъ“. Эта игра имѣетъ своимъ назначеніемъ скакать черезъ товарищей. Дѣти становятся на разстояніи одного аршина другъ отъ друга, нагнувшись и упершись руками объ колѣна. Одинъ изъ нихъ начинаетъ скакать черезъ всѣхъ своихъ товарищей и становится послѣднимъ. Тоже самое продѣлываетъ второй, за нимъ третій и т. д., пока дѣтямъ не наскучитъ игра.

11-е. „Лилчѣ“. Одинъ изъ играющихъ дѣтей садится на землю, поджавши подь себя ноги, а другой, положи правую руку на голову ему, охраняетъ его отъ ударовъ товарищей, вращаясь вокругъ сидящаго. При чемъ охраняющій долженъ задѣть ногою, ниже пояса подкрадывающагося къ сидящему, чтобъ ударить его. Въ случаѣ успѣха, подкрадывавшагося сажаютъ вмѣсто сидѣвшаго, а этотъ послѣдній становится въ роли охранителя сидящаго, и т. д.—до утомленія. Игра весьма распространенная.

12-е. „Лакгансгуналъ“ (Լակցանցոյնալ). Игра въ чижѣ. Эта игра извѣстна вездѣ; и приемы тѣже. Короткая палочка называется „кгансгвѣ“ (Եօհօօ), а по длиннѣе палка—„кгаръ“ (Եօհ). Отсюда и названіе игры. Счетъ для выполненія игры—до ста. Проигравшіе должны везти на себя выигравшихъ до назначеннаго мѣста.

13-е. „Литчлоки“ (Լիտչլոկ). Берутъ двѣ палки; одну (чурочку) бросаютъ поперекъ, а другую палку, взявъ въ лѣвую руку и верхній конецъ ея придавивъ указательнымъ пальцемъ правой руки, крутятся разъ или нѣсколько разъ и за тѣмъ стараются зацѣпить первую палочку, чтобы оттолкнуть ее впередъ; при успѣхѣ, играющій бросаетъ впередъ палку, которую держалъ въ рукѣ и гдѣ остановится она, туда относятъ и чурочку. Игру продолжаетъ тотъ-же играющій съ того мѣста, пока не сдѣлаетъ промаха. За нимъ продолжаетъ играть второй изъ его партіи, за тѣмъ—третій и т. д., съ мѣста, куда добросили палку. Послѣ первой партіи играетъ вторая и которая изъ нихъ дальше добросила палку, та и считается побѣдительницею и она ѣздитъ верхомъ на проигравшихъ партію.

14-е. „Лиджарбзуналъ“. Ставятъ два плоскихъ камня, одинъ

противъ другого, на такомъ между ними разстоянїи, чтобъ каждый играющій могъ добросить довольно объемистый камень до этой цѣли (до плоскаго камня). Игравшіе дѣлятся на двѣ равныя партїи и бросаютъ камни въ противоположную цѣль. Партїя, сдѣлавшая болѣе ударовъ въ цѣль, считается побѣдительницею и ее должна возить на себѣ противная партїя.

15-е. „Либуроталь“—игра въ мячъ. Она одинакова съ подобными-же играми въ другихъ мѣстахъ.

16-е. „Личирджикамъ“—игра въ волчки, отъ слова „чирджикъ“—волчекъ. Игра весьма распространенная въ Сванетїи и осенніе морозы способствуетъ здѣсь дѣтямъ проводить время на берегахъ рѣки.

17-е. „Паква ликеди“ (პაკვა ლიკედი). Это не игра, а скорѣе ловкость, при силѣ мускуловъ. Дѣло въ томъ, что нужно руки заложить за спину, одну ногу поднять, затѣмъ нагнуться и съ земли схватить зубами шанку.

18-е. Такое же почти гимнастическое упражненїе представляетъ намъ слѣдующее препровожденїе времени. Садитесь кто нибудь на корточки, сдвинувъ ноги плотно колѣнами и обхвативъ ихъ обѣими руками. Тогда, между сгибами колѣнъ и руками проводятъ палку, связываютъ ее съ колѣнами веревкою, или ремнемъ и связанное лицо должно скакнуть, или съумѣть пройти въ этомъ положенїи. При успѣхѣ—за нимъ похваля.

Х. ЛЕГЕНДЫ.

1. *Сотвореніе міра.* Міръ ранѣе всего былъ прикрытъ водою. Богъ—создатель міра („мудгели“—Մուճղիս—изобразитель, начертатель) находился въ то время въ скалахъ („твердыни“, „самкарай коджь“—Կարճուհի շրջո). Разъ онъ вышелъ оттуда прямо въ воду; тутъ онъ озябъ, испугался и двѣ слезы скатились у него изъ глазъ. Слезы эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила; изъ нихъ первый всегда стоитъ на правой сторонѣ у бога, а второй—на лѣвой. Богъ, понавъ въ воду, все опускался глубже и глубже: онъ тонулъ... Тогда архангелы Михаилъ и Гавріилъ стали ему подъ мышки и вытянули его вверхъ. Они, втроемъ, хотѣли какъ нибудь уничтожить воды и обнаружить сушу. Тогда они прибѣгли къ хитрости: стали втроемъ на воды и кое какъ добрались до бездны, ступивъ на песокъ. Тутъ они увидѣли слѣды кого-то. Тогда богъ повелѣлъ: „пойдемъ по слѣдамъ,—увидимъ, куда они насъ приведутъ и узнаемъ—чи эти слѣды“. Архангелы согласились съ богомъ и пошли по слѣдамъ, которые и привели ихъ подъ „синій камень“ („пржи бачъ“)! Подняли его, а оттуда выскочилъ „Самаалъ“*), схватилъ бога за горло съ цѣлю задуть его. Богу стало тяжело и началъ онъ просить архангеловъ помочь ему, но и они не могли вырвать его изъ рукъ Самаала. Не было другаго исхода, и богъ сталъ просить Самаала отпустить его, обѣщая исполнить все, о чемъ бы тотъ не попросилъ. Самаалъ отвѣтилъ, что ему не нужно ничего, но просилъ побрататься съ нимъ. Богъ согласился и Самаалъ, отпустивъ его, отправился своею дорогою, а богъ и архангелы остались тутъ. Они начали было отдѣлять воды отъ суши, но ничего не могли подѣлать. Стали строить стѣну, чтобъ отдѣлить воды отъ тверди, но каждый разъ воды набѣгали, сносили выстроенное и покрывали собою сушу.

Утомились и опечалились они: видѣли, что труды ихъ напрасны, но не знали что дѣлать. Тогда Михаилъ архангелъ сказалъ

*) „Самаалъ“—Саміель: 1. У арабовъ—злой духъ, духъ соблазнитель, обольстившій первыхъ людей. 2. У евреевъ—старшій изъ дѣволовъ.

богу:— „Пойду къ твоему брату Самаалу, авось онъ научить, при-
совѣтуеть какое нибудь средство“. Богъ согласился и архангелъ от-
правился къ Самаалу объяснить ему причину своего посѣщенія.
Самаалъ дѣйствительно научилъ Михаила, какъ поступить имъ въ
данномъ случаѣ. — „Пойди, передай моему брату, сказалъ Самаалъ
—чтобъ вы, втроемъ, начали тесать, сколько сможете, камни,
стройте изъ нихъ стѣны и снова разорайте ихъ. Повторяйте то-
же самое, пока не надоѣсть вамъ. За тѣмъ, выкуйте двѣ трубы,
приставте ихъ одну къ другой и вы, архангелы, вдвоемъ дуйте
въ нихъ, что есть мочи. Когда вы устаните, тогда пусть самъ богъ
вскрикаетъ громко, что есть мочи—и суша освободится отъ воды:
твердь отдѣлится, а воды займутъ свое мѣсто.“... Михаилъ архан-
гелъ, поблагодаривъ Самаала, возвратился къ богу и передалъ ему
обо всемъ, сказанномъ Самааломъ. Тогда они выполнили наставле-
ніе Самаала и, съ послѣднимъ крикомъ бога, земля отдѣлилась отъ
воды. Послѣ этого, богъ, въ семь дней, сотворилъ всѣхъ тварей,
въ томъ числѣ и человѣка.

Первые люди были—Ева и Адамъ. Богъ взялъ землю, ду-
нулъ и сотворилъ Еву и Адама, но они оба были слѣпы. Миха-
иль архангелъ назначилъ имъ мѣсто, гдѣ жить и, предупредивъ ихъ
не слушаться ни кого до его прихода, отправился въ путь. Ева
и Адамъ остались одни. Въ это время пришелъ къ нимъ Самаалъ
въ образѣ козла и сказалъ имъ: „чего вы тутъ стоите?... не да-
леко отъ васъ растетъ яблоня, полезайте на нее, покушайте ея
плоды и будете зрячи“. Ева послушалась, влезла на дерево, сор-
вала яблоко, откусила и передала Адаму. Оба стали зрячими, но,
увидѣвъ свою наготу, устыдились. Чрезъ нѣсколько времени при-
шелъ Михаилъ архангелъ, окликнулъ Еву и Адама, но они не мо-
гли показаться ему, чувствуя себя нагими. Архангелъ понялъ въ чемъ
было дѣло и, уходя, замѣтилъ имъ: „для васъ же было-бы лучше
пообождать“. —Послѣ этого умножились потомки Евы и Адама въ
томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Еслибъ Адамъ и
Ева не послушались Самаала, не поѣли-бы яблока, то ихъ потом-
ки были-бы счастливы: „пищу, питье, одежду, обувь—имѣли-бы
безъ труда; женщинѣ не было-бы въ тягость рожать“. —Послѣ это-
го Самаалъ отправился къ богу и, какъ у брата, просилъ выдѣ-
лить ему его долю. Богъ отказалъ Самаалу на отрѣзъ. Тогда
Самаалъ спросилъ его: „такъ зачѣмъ же принялъ меня въ свои
братъя“?... Дай же мнѣ хоть „сашицари“ (сашицари) —предметъ клят-

сы. *) А „сапицари“ былъ такой предметъ, которымъ кто обладалъ, къ тому и поступало все приносимое въ жертву Богу и все освящаемое во время поминокъ по усопшимъ. Богъ отдалъ „сапицари“ Самаалу, тотъ проглотилъ его (сапицари) и отправился въ адъ. †

Прошло много времени, родился Христось. Все живущее отъ человѣка до пресмыкающагося окружило Христа и послѣдовало за нимъ въ адъ. Тамъ встрѣтилъ его Самааль. Христось, увидя Самаала, схватилъ его за горло, сдавилъ и заставилъ выбросить изъ себя „сапицари“. Самаалу было это очень неприятно и обидно и чтобъ отомстить Христу, онъ до того затмилъ адъ, что Христось, съ своими приверженцами, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ не могли отыскать дороги, для выхода. Опечалился Христось и, обратившись къ своимъ, сталъ упрашивать: „не найдеть-ли кто выходныя двери“. Нашелся одинъ, который при входѣ въ адъ привязалъ у дверей его своего осла. † А осель всегда узнавалъ своего господина по голосу и отзывался на его зовъ. Этоть-то человѣкъ и сказалъ Христу, что онъ выведетъ его изъ ада, если получить отъ него хорошій подарокъ. Христось обѣщаль дать ему столько золота, сколько вѣситъ самъ проситель. Тогда владѣлецъ осла окликнулъ свое животное и оно отвѣтило хозяину и послѣдній на этоть ревъ направился къ дверямъ, а за нимъ послѣдовали Христось и всѣ бывшіе съ нимъ и, такимъ образомъ, выбрались изъ ада. † Тогда Христось обратился къ владѣльцу осла и предложилъ ему получить подарокъ. † Послѣдній, вынувъ изъ заназухи сердце человеческое, бросилъ на землю и сказалъ: „мнѣ не нужно обѣщаннаго золота, съ меня довольно этого металла лишь такое количество, которое прикро-бы это сердце“. †

Христось сталъ сыпать золотомъ въ безчисленномъ множествѣ, но все-же не могъ прикрыть имъ брошенное на землю сердце: сколько не надбавлялъ Христось золота, все-же сердце выкакивало по верхъ металла. † Окружавшіе Христа тоже присыпали туда-же, по горсти золота, но ничего не помогало. † Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ поднялъ горсть земли, присыпалъ имъ сердце—и оно остановилось, замерло. † По этому-то и говорить пословица: „человѣческаго сердца ни чѣмъ не насытить, кромѣ какъ „черной землей!“ **) Когда Христось выходилъ изъ ада со

*) „Сапицари“—въ буквальномъ переводѣ означаетъ: на которомъ, или именемъ котораго клянутся, присягаютъ.

**) Пословица грузинская.

всѣми тварями, между прочимъ мышь выносила одинъ пшеничный колосъ; ее настигла кошка и вырвала четверть колоса; настигла другая кошка—вырвала другую четверть; третья—тротью и когда хотѣли схватить у мышки остальную, тогда собака бросилась на кошку и придушила ее. Еслибъ кошка вынесла весь колосъ, человѣкъ имѣлъ бы въ обилии чистый хлѣбъ! За эту вину кошкѣ не нужно давать ѣсть чистаго хлѣба, а собакѣ—слѣдуетъ. Завѣтъ этотъ и по нынѣ исполняется въ Сванетіи.—

Вариантъ легенды „Сотвореніе міра“.

Богъ создалъ небо. Шелъ дождь въ теченіи шести дней и сколько капель дождя выпало съ неба, столько ангеловъ было создано и взято богомъ на небо. Послѣ неба и ангеловъ, богъ творилъ міръ и подѣ конецъ—Еву и Адама. Ихъ засадилъ богъ въ одинъ сундукъ, приказалъ имъ ни кого и ни въ чемъ не слушаться до его возвращенія, приставилъ къ нимъ волка караулить ихъ, а самъ поднялся на небо, но къ нему не подошли созданныя имъ ангелы. Неприятно было Богу подобное неповиновеніе ангеловъ и, сбросивъ ихъ на землю, обратилъ всѣхъ въ чертей. Одинъ изъ этихъ дьяволовъ залезъ въ чрево змѣи и соблазнилъ Еву и Адама. Еслибъ они не соблазнились, богъ хотѣлъ благословить ихъ такимъ образомъ, что пищу и питье, всѣхъ возможныхъ вкусовъ, люди получали-бы съ неба; женщины рожали-бы дѣтей изъ подѣ мышцъ и такъ легко, что мать могла узнать о рожденіи дитяти только, когда новорожденный началъ-бы сосать груди. Можно было-бы помочь еще горю Адама, Евы и потомковъ ихъ, еслибъ они вторично не разгнѣвили Бога. Дѣло въ томъ, что Ева сильно страдала и плакала во время родовъ. Такое положеніе ея сильно безпокоило Адама и онъ говорилъ: „кто освободитъ Еву отъ этихъ страданій, я выполню все, о чемъ-бы меня не попросить“. Тутъ появился Самааль и сказалъ Адаму: „дай мнѣ условіе“, пока „не родившійся“ не родится и „безсмертный“ не умретъ, чтобы до того твои потомки были въ моихъ рукахъ“. Адамъ далъ слово. Такимъ образомъ, поколѣніе Евы и Адама подпало подѣ власть Самаала. Узнавъ объ этомъ богъ огорчился. Созвавъ своихъ ангеловъ, держалъ съ ними совѣтъ и рѣшили вмѣстѣ: родиться Христу, какъ „не родившемуся“ и „безсмертному“. Родился Христосъ—и рушилось царство тьмы. Христосъ жилъ на землѣ двѣнадцать лѣтъ.

II. Самааль (легенда).

Богъ и архангелы Михайль и Гавріиль ходили вмѣстѣ по міру. Тогда земная кора была такъ мягка и жидка, что они вязли по колѣно, хотя и были на лыжахъ. Во время этой ходьбы, передъ ними все катился круглый камень. Тогда богъ сказалъ: „затрудняетъ онъ насъ, расколю я его“... Архангелы отсвѣтовали, говоря— „какъ бы потомъ не раскаться“, но богъ не послушалъ ихъ, толкнулъ ногою камень и расколелъ его. Изъ камня выскочилъ Самааль, схватилъ бога за горло и сталъ душить его. Тяжело стало богу и заговорилъ: „проси о чемъ хочешь, лишь только отпусти“. Тогда Самааль отвѣтилъ: „дай мнѣ или временный міръ, или вѣчное селеніе“. Богъ уступилъ ему вѣчное селеніе. Тогда Самааль отсталъ—и ушелъ. По уходѣ его, архангелы сказали богу: „мы плохо распорядились: отнынѣ, души людскія будутъ въ рукахъ у него; все освященное на поминкахъ усопшихъ, достанется Самаалу, а какъ это будетъ извѣстно людямъ, кто-же послѣ этого будетъ величать насъ и за чѣмъ?.. Давайте догонимъ его и скажемъ ему: когда у бога родится чадо, тогда уступи ему вѣчное селеніе“. Богу понравился этотъ совѣтъ. Архангелы погнались за Самааломъ и, догнавъ его, сказали: „Самааль! когда у бога родится чадо, возврати ему вѣчное селеніе“. Самааль придумался и отвѣтилъ:— „Если богъ позволить себѣ, то онъ согласенъ“. Архангелы возвратились къ богу и пошли своимъ путемъ. На дорогѣ увидѣли Маріамъ у родника; тамъ она стирала что-то. Тогда архангелъ сказалъ богу: „дунь свою душу въ пригоршницу мою, а я ее вдохну Маріамъ въ ротъ. Богъ послушался и архангелъ донесъ въ пригоршнѣ душу его къ Маріамъ и вдохнулъ въ нее душу чрезъ ротъ. Маріамъ тотъ часъ почувствовала, что зачала. Возвратясь домой, сказала объ этомъ матери. Мать распросила ее и, узнавъ въ чемъ дѣло, предупредила быть осторожной. Маріамъ родила Христа. Когда онъ подросъ и сталъ ходить въ народѣ, то хотѣли убить его, такъ-какъ иначе всѣхъ людей ожидала гибель, адъ!... Народъ желалъ смерти Христа, но не могъ исполнить этого, такъ какъ Христосъ постоянно одѣвался въ разные платья, а въ лицо его не знали.

Вызвался нѣкто, рожденный отъ связи брата съ сестрою и объявилъ, что онъ узнаеть Христа слѣдующимъ способомъ: во время общественной трапезы будетъ обнести вино и подастъ Хрис-

ту; тотъ не возметъ отъ него чашу, какъ отъ „чада грѣха“ и этимъ онъ обнаружитъ искомаго. Такъ и случилось. Тогда схватили Христа и распяли его. Гвозди для распятія были заказаны кузнецу и тотъ къ заказу добавилъ два гвоздя и потому души всѣхъ кузнецовъ погибли. Послѣ смерти Христось пришелъ къ Самаалу въ адъ и вывелъ оттуда души всѣхъ, кромѣ души *Мака* (Մակ). Самааль основаль Сванетію. Христось направлялся туда же, чтобъ развести виноградникъ, но Самааль опередилъ его и на возвратномъ пути повстрѣчался съ нимъ въ мѣстности *Ашара* — въ 10 верстахъ отъ сел. Цагери, на берегу р. Цхенись-цкали, гдѣ и по нынѣ лежитъ плоскій камень, со слѣдами ногъ чело-вѣка и катера. Слѣды эти какъ будто нарочно вырѣзаны и, по убѣжденію сванетъ, они принадлежатъ Христу и его катеру въ память бытности ихъ здѣсь, и потому сванеты, проходя мимо этого камня, всегда осѣняютъ себя знаменіемъ креста. Самааль тутъ увѣрилъ Христа, что онъ уже развелъ въ Сванетіи виноградникъ и въ доказательство показалъ ему барбарисъ. Такого краснаго винограда и мнѣ не случалось разводить, произнесъ Христось, и возвратился назадъ. Но все-же не вытерпѣлъ онъ, обратился лицомъ къ Сванетіи, дунулъ въ ту сторону и дуновение это достигло лишь до сел. Лентехи, по этому и родится здѣсь виноградъ.

Такимъ образомъ, по милости Самаала, Сванетія лишилась виноградниковъ. Когда люди посылаютъ проклятіе Самаалу, тогда онъ блаженствуетъ, когда же желаютъ ему блаженства, тогда онъ попадаетъ въ адъ—гибнетъ. Мѣстопребываніе Самаала освящено болѣе, чѣмъ престоль Христа; по этому, большая часть душъ людскихъ спѣшить, стремится къ Самаалу: имъ тамъ лучше.

III. Обрядъ бывшій у сванетовъ въ праздникъ пасхи. ▽

До послѣдняго времени, когда „папы“ потеряли уже свое вліяніе и значеніе въ народѣ, такъ какъ правительство воспретило имъ отправленіе богослуженія,—народъ выбиралъ изъ среди себя, въ день Пасхи, утромъ, двухъ лицъ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ возвѣстить о воскресеніи Христа, а другой, пройдоха, въ роли дьявола,—представлять Самаала и, войдя въ церковь, притворялъ двери и придерживалъ ихъ изо всей силы. „Папы“ и прихожане дѣлали натискъ и входили въ церковь. Представляющій Самаала, видя это, спѣшилъ проникнуть въ алтарь и

тогда, кто только настигалъ его, давалъ ему подзатыльника кулакомъ,—таково было требованіе обычая! По окончаніи же обѣдни, первый изъ избранныхъ, взойдя на крышу церкви, протяжно, но громогласно произносилъ нѣсколько разъ. Слова Творцу, слава!... Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!.. Внемлите, услышите всѣ: люди Адамовы, всѣ четыре страны свѣта, птицы небесныя, звѣри, скалы, рыбы морей, лѣса и доли, нивы и пахари-земледѣльцы, безсловесныя и словесныя!..

IV. Солнце и луна (легенда).

До появленія солнца, землю освѣщало что-то другое, которое было на землѣ же, но богъ потребовалъ это свѣтило на небо. Тогда земля осталась во тьмѣ: свѣтъ и теплота земли (искусственныя?) не были достаточны и потому тяжело стало всѣмъ живущимъ здѣсь. Спустя нѣкоторое время на небѣ показалось свѣтило, которое называется „мижъ“—солнце. И вотъ какъ это случилось. Солнце и луна—единокровныя братья, т. е. отъ одного отца и отъ разныхъ матерій. Луна—моложе солнца. Разъ богъ объявилъ ихъ матерямъ, что тотъ изъ названныхъ братьевъ, который встанетъ пораньше, будетъ свѣтиломъ дня. При этомъ было наказано матерямъ, не будить дѣтей; словомъ, не принимать въ этомъ никакого участія. Каждый изъ братьевъ домогался сдѣлаться дневнымъ свѣтиломъ. Поэтому младшій братъ, чтобъ не проспать, подостлалъ подъ себя шиповникъ и крапиву, долго бодрствовалъ, но къ утру сонъ одолѣлъ его, и онъ заснулъ какъ убитый... Между тѣмъ, старшій братъ легъ съ вечера-же, всталъ утромъ ранѣхонько и отправился освѣщать міръ... Мать его очень обрадовалась этому. Младшій-же братъ спалъ такъ долго, что мать его уже стала мѣсить тѣсто, чтобъ испечь къ обѣду хлѣбъ. Наконецъ и соня проснулся. Мать, увидя его, разсердилась и шлепнула сына по лицу рукою, намазанною тѣстомъ!... Отъ этаго на лунѣ и пятна. Солнце ночью заходитъ въ море, при чемъ сыплеть золотомъ и направляется къ востоку, а утромъ восходитъ на небо. *) При заходѣ

*) Сванетскія сказки расходятся въ этомъ пунктѣ съ легендой. Въ нихъ говорится, что солнце имѣетъ собственный мѣдный домъ на небѣ, гдѣ оно и проводитъ ночь. Само солнце представляется живымъ существомъ, имѣетъ тамъ, между прочимъ, сады. Обѣдаетъ ежедневно въ полдень, при чемъ прислуживаетъ ему волкъ. Свѣтитъ не солнце, а его платье, которое солнце снимаетъ съ себя вечеромъ и сложивши прячетъ до утра. Люди имѣли доступъ къ солнцу и оно исполняло всѣ ихъ просьбы.

солнца только куница можетъ три раза выдержать отблескъ лучей его. Если въ это время достать куній мѣхъ и опустить въ море, то весь онъ покроется золотомъ. Луна имѣетъ одну сторону черную, а другую—свѣтлую, блестящую. Первую сторону она показываетъ намъ днемъ, а вторую—ночью. Когда рождается луна—невѣдомо никому. Новолуніе замѣчаетъ, въ первый день, форель, во второй—лягушка, а въ третій—человѣкъ. Солнце и луна одарены благодатью.

5. *Градъ*. Градъ живое существо, но слѣное и обитаетъ на небѣ. Онъ охотникъ до прогулокъ и для этого любимыми мѣстами его считаются высокія горы и тучобы. Предводителемъ къ нему приставленъ дьяволъ. Когда градъ объявляетъ дьяволу о днѣ своей прогулки, къ тому времени сатана забираетъ съ ледниковъ и скалъ на небо огромные круглые и плоскіе куски льдинъ. Передъ своею прогулкою, градъ проситъ дьявола не водить его по селамъ и, въ особенности, по нивамъ, потому что не желаетъ причинить народу ущербъ, но дьяволъ, поведивъ его по горамъ и ущельямъ, направляетъ потомъ на села и нивы, увѣривъ своего патрона, что они идутъ мимо.

6. *Снѣгъ*. Были три „шдавали“ (городскія ласточки²): одна совсѣмъ бѣлая, другая—бѣлобрюшка, а третья—совсѣмъ черная. Въ тѣ страны, куда полетѣла бѣлая „шдавали“—снѣгъ лежитъ круглый годъ, или, по крайней мѣрѣ, большую часть года; куда полетѣла бѣлобрюшка, тамъ снѣгъ лежитъ только зимою, а куда залетѣла черная, тамъ совсѣмъ не бываетъ снѣга. Снѣгъ постоянно лежитъ на небѣсахъ и сколько бы не падало его, никогда онъ не истощится.

7. *Осна и коръ*. Осна и коръ—родные братья. Мать ихъ живетъ на высокой, неприступной скалѣ, надъ берегомъ моря. Жилище ихъ кто-то видѣлъ въ старину. Мать по временамъ разсылаетъ своихъ сыновей по міру. Въ древности нѣкто путешествовалъ съ семьей на кораблѣ. Море взволновалось, корабль разбило, всѣ погибли, кромѣ сказаннаго путешественника, котораго выбросило волной у подошвы скалы. Онъ съ большими усилиями поднялся по скалѣ и очутился на вершинѣ ея, гдѣ нашелъ поляну и довольно большой чистый, какъ хрусталь, родникъ. У родника стояла бѣлая какъ снѣгъ женщина въ костюмѣ Евы; груди у нея были закинута за плечи; она стирала бѣлье. Путешественникъ подкрался къ ней сзади и схватилъ слегка

зубами за соски... *); женщина вздрогнула, удивилась и спросила пришельца: „Какимъ образомъ ты попалъ сюда“—вѣдь я къ тебѣ послала моихъ сыновей,—они не были у тебя?!! Путникъ рассказалъ о случившемся съ нимъ и просилъ показать ему свое жилище. Женщина повела его къ себѣ домой. Тутъ путникъ увидѣлъ, среди дома, столбъ, на которомъ, кругомъ, были прибиты человѣческіе глаза. Это его поразило и на вопросъ—хозяйка объяснила, что сынъ его—оспа; выкалывая у больныхъ (оспой) глаза, приносить домой и прибиваетъ ихъ къ тому столбу. И сынъ мой тогда портить больному оспою глаза, когда во время болѣзни стоитъ въ домѣ пыль, или обливаютъ огонь водою.**) Въ это время возвратились и сыновья рассказчицы. Тогда мать попросила „оспу“ шадить гостя-путника и проводить его до дому. Сынъ отвѣтилъ матери, что онъ только что отъ бога, что богъ на завтра посылаетъ къ сосѣду этого путника чуму и съ послѣднею отправить и гостя во свояси.—На этой-же горѣ, кромѣ оспы и кори, имѣли пріютъ и другія болѣзни. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ земли выходили дымъ и пламя. Хозяйка подробно указала путнику жилища болѣзней, въ томъ числѣ и чумы, откуда вырывался черный дымъ. Только насморкъ не имѣлъ тамъ пристанища.***)—На другой день чума доставила путешественника домой благополучно.

8. *Тушины*. Въ Вольной Сванетіи, въ Ушгультскомъ обществѣ, есть близъ села мѣсто, носящее два названія: „Тушре намзиге“ (თუშრე ნამზიგე)—*бывшія усадьбы тушинъ* и „Тушре зугваръ“ (თუშრე ზუგვარ)—*Тушинскія горы*. Говорятъ будто, въ старину, здѣсь жили тушины и всѣ они составляли одну родовую общину. Они были недобрые, назойливые, упрямые, надобдливые, словомъ въ тягость сосѣднимъ селеніямъ. Ушгультцы замыслили измѣнить имъ и уничтожить ихъ. Узнавъ объ этомъ отъ одной родственницы, тушины испугались и ночью, со своими семьями снялись и отправились къ грузинскому кесарю****), прося у

*) По обычаю, взять женщину за сосокъ зубами, значитъ „*материти*“ е. т. е. признать ее матерью, а она будетъ называть вась *усиновленымъ*.

**) Сванеты и теперь осторожны въ этомъ случаѣ.

***) Насморкъ—„*мээзи*“— въ переводѣ—путникъ, идущій, проходящій.

****) Сванеты всегда употребляли титулъ *кесарь*, называл такъ всѣхъ царей; титулы-же даръ, государь—недавно вошли у нихъ въ употребленіе.

него земель подь поселеніе. Кесарь Грузіи, видя статныхъ тушинь, ихъ геройскій видъ, съ удовольствіемъ принялъ ихъ просьбу и поселилъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда грозилъ ему нещріятель, гдѣ и нынѣ расположены тушины. На новой родинѣ тушины размножились и сдѣлались непобѣдимыми воинами, любимцами кесаря.

9. *Царица Тамарь.* У отца Тамары было двое дѣтей: Тамарь и братъ ея. Но сынъ былъ больной и умеръ. Отецъ приказалъ вскрыть трупъ, чтобъ узнать причину болѣзни. Оказалось, что больной сдѣлался жертвою „гваскъ“ (глиста). Глисть былъ живой, старались убить его, но не сѣумѣли. Тогда нашелся одинъ человекъ, который влил глисту въ ротъ воду, настоенную на чеснокъ—и глисть околѣлъ. Разгнѣвался отецъ Тамары на пришельца—импровизированнаго лекаря, за то, что тотъ, зная о такомъ лечебномъ свойствѣ настоя, не далъ его царевичу и за это приказалъ замуравывать лекаря, вверхъ ногами, въ стѣнѣ. Скопчался отецъ Тамары, которая и осталась единственною представительною рода Баграта. Тамарь имѣла божескую благодать и считала неприличнымъ выходить за мужъ. Тогда собралась всѣ изъ ея кесарства, стали на колѣни и просили ее выйдти за мужъ, чтобъ не вымеръ родъ Баграта. Въ собраніи этомъ случился одинъ татаринъ. Тамарѣ понравился онъ и она выбрала его въ мужья. Тамара четыре раза послала мужа своего воевать, три раза онъ возвратился съ побѣдою, а въ четвертый разъ утонулъ въ морѣ. Огорчилась этимъ Тамара до того, что въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ она не показывалась солнцу. У Тамары осталась дочь Русуданъ. Она тоже не хотѣла выходить за мужъ, но ангель отсовѣтовалъ ей это, говоря, что иначе она осрамится. Русудана все-же не послушалась, но не имѣя мужа,—зачала. Она встревожилась, хотѣла вытравить плодъ, но ангель удержалъ ее отъ этого, изъ опасенія, что родъ Баграта прекратится. Тогда Русуданъ отправилась въ лѣсъ и, тамъ родивъ ребенка, возвратилась домой. Ангель приставилъ къ ребенку въ кормилицы—ланъ. Ланъ вскормила дитя и завела его въ Сванетію. Что случилось за тѣмъ съ ребенкомъ—легенда объ этомъ умалчиваетъ.

10. *Жившва и Вежана* (легенда). Когда-то, въ старину, въ одно изъ селъ Сванетіи повадился волкъ и сталъ таскать и пожирать дѣтей. Тогда именно жилъ въ томъ селѣ нѣкто

Живжива, имѣвшій единственнаго сына Вежана. Чтобы оградить отъ нападенія волка, Живжива посадилъ своего сына Вежану въ плетеную, на подобіе виннаго кувшина, корзину*), а самъ спрятался по-отдалъ отъ корзины, выжидая хищнаго звѣря. Волкъ не заставилъ себя ждать: появился и прыгнулъ въ корзину за добычею. Живжива бросился туда-же съ кинжаломъ въ рукѣ за хищникомъ, и убилъ на повалъ волка, но въ тороняхъ, разгоряченный, задѣлъ и сына за животъ. Ребенокъ скончался. Селчане Живжавы, сильно опечаленные этимъ несчастнымъ событіемъ, предложили ему: „Просить у нихъ, чего-бы онъ ни пожелалъ“. Желаніе Живживы было скромное: онъ просилъ односельцевъ справлять ежегодно, среди великаго поста, поминки по сынѣ его, причемъ печь по одному хлѣбу „паиръ“ въ память его. Народъ исполняетъ это завѣщаніе и по нынѣ.

11. Къ востоку отъ с. Ушгули, на возвышенной мѣстности, построена церковь во имя Богородицы, называемая жителями сел. Геби церковью „Ушгульской Божьей матери“. Близъ церкви есть небольшая горка, именуемая народомъ „савіарэ лаштхвалъ“ — „кладбище осетинъ“. По преданію, сюда пришли осетины для разграбленія церкви, но Богородица лишила ихъ зрѣнія, а народъ узнавъ о намѣреніи осетинъ, убили ихъ и тутъ же предали землѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ церкви висѣло шесть фесокъ, принадлежавшихъ тѣмъ осетинамъ, но куда онѣ дѣлись — неизвѣстно.

12. Здѣсь-же народъ *вынотрошилъ*, вынесенными изъ церкви пиками, двухъ братьевъ Ратинъ, за святотатство образа, изъ этой-же церкви.

13. Въ 2—3 верстахъ отъ с. Ушгули, при дорогѣ, возвышается гора. Она, по преданію, возникла изъ кучи, раззореннаго народомъ, въ старину, жилища одного дерзкаго честолюбца, желавшаго обложить ихъ данью—сѣномъ и дровами.

14. Въ Ценскомъ ущельи, на такъ называемомъ наскомъ покосѣ, растеть чинаровое дерево, въ которое вросъ образъ во имя Архангеловъ. Вотъ какъ это случилось. Тутъ жилъ въ XIV столѣтіи народъ. Разъ жители этого ущелья ссорились съ сосѣдями—съ асхвамцами; ссора перешла въ настоящій бой и противники истребили другъ друга. Послѣ этого паны взяли образъ во имя

*) Такой формы корзины и нынѣ употребляются въ Сванетіи для храненія въ нихъ герна и муки.

Архангеловъ и прислонили его къ молодому еще тогда чинару и образъ заросъ корой того чинара.

15. Въ Ценскомъ ущельи, въ 2-хъ верстахъ отъ „панскаго покоса“, лежитъ поляна, подъ названіемъ „нашалварэ ларэ“— „побоищный покосъ“. Здѣсь въ старину произошелъ рукопашный бой между ушгульцами и лашхетскимъ „махви“ (старѣйшина выборный)—Бежаномъ (по нѣкоторымъ—Кгансавомъ) Кишиани. Тогда были стрѣлы въ ходу. Ушгульскій „махви“ Багашъ Ратіани убилъ Бежана Кишиани и истребилъ его сподвижниковъ, отпустивъ лишь одного, чтобы доставить своимъ вѣсть о поражениі.

16. Какъ то весною дѣти жителей Ценайскаго и Засхваскаго ущелій устраивали на полянѣ „лацлавъ бабъ“—приспособленія для ловли сѣрыхъ дроздовъ. Дѣти подрались и двое изъ нихъ пали мертвыми. Вступились за нихъ товарищи и они перебили другъ друга. Тогда родные и родственники обѣихъ сторонъ стали мстить, враждовать и схватки ихъ тянулись нѣсколько лѣтъ сряду. Наконецъ враждующіе обратились за содѣйствіемъ къ сосѣдямъ: Засхвійцы пригласили осетинъ изъ Балгаріи, а ценайцы—сванетовъ. Когда же сванеты и осетины пришли и построились, чтобы сразится, тогда они сказали другъ другу: „мы-то изъ-за чего будемъ тутъ бить другъ друга? Не лучше-ли побить пригласившихъ изъсь и все ихъ достойніе забрать себѣ“? Сказано—сдѣлано. Вспомогательныя войска истребили ценайцевъ и засхвійцевъ; сваны забрали себѣ все цѣнное—образа и церковную утварь, принадлежавшія мѣстнымъ жителямъ, а скоть ихъ угнали осетины, собравъ и остальной скарбъ. Немногіе изъ пострадавшихъ спаслись бѣгствомъ и пришли подъ защиту лашхетскаго „махви“—къ Кгансову Кишиани, имѣвшему тогда 300 дворовъ подвластныхъ, человекѣку вліятельному и богатому. Онъ былъ на столько состоятеленъ, что на свой счетъ провелъ изъ горы Дадіашъ канавы, для провода воды на постройку своего дома.

17. *Амиранъ* (легенда). Въ дремучемъ лѣсу, вершины котораго касаются неба, возвышалась остроконечная скала. Около того лѣса жилъ охотникъ Дарджелани и по временамъ охотился тамъ. Разъ, Дарджелани подошелъ къ подошвѣ никообразной скалы и оттуда послышались ему голоса похожія на женскія. Охотникъ обратилъ на эти крики особое вниманіе. Взглянулъ вверхъ, но зрѣніе его не достигало вершины скалы; хотѣлъ забраться туда, но это оказалось невозможнымъ. Охотникъ возвратился

домой. Жена его была очень сердитая и капризная женщина, при томъ хромая. Мужъ заказалъ ей приготовить ему на завтра провизию на дорогу, а самъ отправился къ кузнецу заказать цѣлую суму долотъ и желѣзный молотъ. На другой день, когда все было готово, охотникъ снова отправился къ скалѣ и, прибывъ къ подошвѣ ея, сталъ забивать долота, образуя такимъ образомъ для себя ступени и подымаясь постепенно вверхъ; когда же всѣ долота были употреблены въ дѣло и высотѣ скалы насталъ конецъ, тогда Дарджеланъ взошелъ на вершину и тамъ нашелъ подобіе дверей-отверстіе. Вошелъ чрезъ нее въ пещеру и видитъ, что тамъ лежитъ Даль, богиня охоты, неимовѣрной красоты, съ золотыми косами... Даль и охотникъ, взглянувъ другъ на друга, влюбились, обнялись и нѣкоторое время были въ забытьи!.. Охотникъ остался ночевать и Даль, при всемъ желаніи, не могла побороть влечения любви!.. На другой день Даль совѣтовала охотнику вернуться домой, но тотъ не согласился и снова остался ночевать. Утромъ Даль, ужъ серьезно и строго замѣтила охотнику, чтобы онъ шелъ домой, такъ какъ жена, по обыкновенію, будетъ ждать его и если онъ теперь не возвратится, то она какъ кудесница, узнаетъ обо всемъ, пойдетъ по слѣдамъ и надѣлаетъ обоимъ бѣдъ... „Нѣтъ клянусь тобою!—отвѣтилъ охотникъ—жена моя хромая, и дома едва ползаетъ, куды ей притащится сюда“. И на эту ночь остался охотникъ у Дали...

Между тѣмъ жена Дарджелана удивлялась, что мужъ ея не возвращается. Прождала его двѣ ночи, а на третій день, забравъ на дорогу провизию, пошла по слѣдамъ мужа. Слѣды довели ее до подошвы извѣстной скалы. Тутъ она взобралась на вершину ея, вошла въ пещеру и тамъ застала спящихъ вмѣстѣ мужа и Даль... Она разыскала золотые ножницы Дали, обрѣзала у ней косы и возвратилась домой, взявъ съ собою и ножницы, и косу. На утро, когда проснулись Дарджеланъ и Даль, послѣдняя почувствовала легкость головы, повела по ней руками и... ужась!—нѣтъ уже косы!.. Снахватилась посмотреть ножницы—и ихъ нѣтъ!.. Опечалилась Даль и, обратившись къ охотнику, говорить: „Да падутъ мои грѣхи на тебя!.. Вѣдь я говорила тебѣ, что жена твоя поступитъ скверно... Теперь не стоитъ мнѣ жить! Возьми мой ножикъ, варѣжь мнѣ животъ, такъ какъ я зачала отъ тебя,—и если младенецъ окажется мальчикомъ, назови его Амيرانомъ, а если дѣвочкой,—какъ хочешь назови... Ребенокъ мой будетъ герой!..

Еслибъ онъ могъ оставаться во чревѣ до поры, то вышель-бы—хоть ратоборствовать съ самымъ богомъ, а теперь, конечно, будетъ слабѣе... Но ты все же исполни мою послѣднюю волю. Когда добудешь изъ моего чрева младенца, сохрани его въ теченіи трехъ мѣсяцевъ въ требухѣ нетельной коровы, а три мѣсяца держи въ трибухѣ бычка, чтобы восполнить то, что не достало дитятѣ въ утробѣ матери. За тѣмъ уложи его въ люльку, отнеси и поставь у родника Іамана. Тамъ пройдетъ его крестный и послѣ того, какъ онъ выкреститъ ребенка, выскажетъ крестнику все, что ему нужно“...

Охотникъ, опечаленный такимъ предложеніемъ, отказался было исполнить его, но настоянія Дали вынудили Дарджелана подчиниться волѣ ея... Тутъ онъ, дрожащими руками совершилъ кесарево сѣченіе и изъ утробы Дали добылъ похожаго на солнце мальчика. Дарджаланъ, выполнивъ буквально волю богини, уложилъ мальчика въ люльку и, поставивъ ее у родника Іамана, возвратился домой. Прохожіе завидя люльку и въ ней мальчика, спрашивали его:—кто его родные и крестный?—на эти вопросы мальчикъ отвѣчалъ, что родныхъ не знаетъ, а крестный его—господинъ ангель... Проходить ангель и на подобный-же троекратный вопросъ получаетъ отъ мальчика тотъ-же отвѣтъ. Тогда ангель объявилъ мальчику о себѣ, выкрестилъ ребенка, назвавъ его Амيرانомъ и далъ ему острый ножъ—„хангари“, закававъ спрятать его въ ноговицахъ, пока не представится особенной въ немъ надобности. За тѣмъ ангель благословилъ Амирана, сказавъ ему, что на землѣ никто его не одолѣетъ—и ушелъ, оставивъ крестника. Къ роднику подошли водовозы Іаман а и стали осмѣивать лежащаго въ люлкѣ Амирана. Послѣдній оскорбился насмѣшками водовозовъ, слѣзъ съ люльки, схватилъ обидчиковъ, стукнулъ головы ихъ одну о другую и поломалъ у нихъ посуду. Водовозы вернувшись домой, рассказали Іаману о приключившемся съ ними у родника. Іаманъ поспѣшилъ къ роднику и, увидя тамъ въ люлкѣ мальчика, обрадовался ему, говоря что онъ будетъ братомъ сыновьямъ его: Усибу и Бадри. Іаманъ возвратился съ люлкою домой. Увидя это, жена тоже обрадовалась, говоря, что мальчикъ пригодится качать люльки Усиба и Бадри.

На другой день жена Іамана отправилась доить коровъ, уложивъ въ люльки Усиба и Бадри и усадивъ между ними Амирана качать ихъ, наставивъ его при этомъ быть усерднымъ, чтобъ

не досталось ему за плохое выполнение поручения. Когда ушла жена Иамана, окорбленный Амиранъ нашелъ въ люлькѣ Усиба шило и кольнулъ имъ сперва Усиба, потомъ Бадри; дѣти заплакались... Мать, услыжавъ плачь дѣтей, разгнѣвалась и крикнула Амирану: „да лишусь я всего, если я не нагою на тебя мрачный день, если будешь плохо качать люльки!.. Съ моими дѣтьми такъ поступить не посмѣетъ и сынъ Дали—Амиранъ“!.. На эту угрозу Амиранъ проговорилъ про себя: „Эхъ! Теперь-то я не тотъ, хотя и сынъ Дали—Амиранъ“!.. Жена Иамана, подслушавъ эти слова, бросила доить коровъ и, прибѣжавъ къ Амирану обрадованная, стала цѣловать его, выкунала въ молоко и завернула въ тонкую матерію „кхантха“. Съ этого дня, жена Иамана также ухаживала за Амирановъ, какъ за своими родными дѣтьми. Иаманъ и жена его не знали конца своимъ радостямъ, что Богъ послалъ ихъ дѣтямъ такого брата, какъ Амиранъ. Дѣти подросли. Вотъ они уже юноши—герои; встрѣтятъ-ли кого идущаго на востокъ, или западъ, борятся съ нимъ, ратоборствуютъ и всѣхъ одолеваяютъ, а побѣжденные говорятъ имъ: „нечего надъ нами показывать свою силу и ловкость, а если вы и впрямь герои, такъ узнайте, что случилось съ глазомъ Иамана“. А нужно сказать, что Иаманъ былъ лишень одного глаза. Молодые люди обратились съ вопросомъ къ матери. Та все отиѣкивалась и послѣ двукратныхъ вопросовъ отвѣтила, что ничего особеннаго не случилось съ глазомъ Иамана, а что онъ лишился его отъ оспы. Тогда Амиранъ, Усибъ и Бадри, не довольствуясь этимъ отвѣтомъ и не будучи убѣждены имъ, вздумали пуститься на хитрость и потому упростили мать испечь имъ ватрушки и когда та вставила хлѣбцы въ жаръ, Амиранъ и Усибъ вынули два хлѣба и приставили къ грудямъ матери, требуя, чтобъ она правдиво рассказала о случаѣ съ глазомъ Иамана, иначе принекутъ ей груди!.. Тогда жена Иамана, вынужденная такою настойчивостью дѣтей, рассказала имъ слѣдующее: „Съ Иаманомъ враждовалъ дивъ и даже наложилъ на него дань. Когда родились у насъ Усибъ и Бадри, явился тотъ дивъ и потребовалъ себѣ одного изъ дѣтей, или, въ противномъ случаѣ,—отдачи праваго глаза Иамана. Иаманъ рѣшился выколоть и отдать диву свой правый глазъ! Дѣти и Амиранъ, узнавъ объ этомъ, стали приготовляться идти воевать съ дивомъ и потому упростили Иамана достать имъ всѣмъ желѣзные луки и стрѣлы. Иаманъ исполнилъ желаніе дѣтей. Стали пробовать луки

но у Амирана, какъ сильнаго, не выдержалъ натянутый лукъ—переломился. Тогда Амиранъ досталъ 9 окъ (27 ф.) желѣза, отнесъ къ кузнецу и заказалъ ему лукъ. На другой день молодые люди отправились сражаться съ дивомъ. Шли, шли и гдѣ-то вдали, на полянѣ, подошли къ одному диву, у котораго былъ прекрасный яблочный садъ, а подъ яблоками—стадо овецъ. Дивъ, завидя молодыхъ людей, закричалъ имъ: „если вы и впрямь герои, то собьете съ моихъ деревьевъ, хоть одно яблоко, а другое—забросите за дерево“. Усибъ и Бадри очень старались, но не могли сбить ни одного яблока. Амиранъ же, натянувъ лукъ, сбиль стрѣлой всѣ яблоки одной стороны и забросилъ ихъ, чрезъ деревья—съ другой стороны. Дивъ вторично обратился къ нимъ: „если вы и впрямь герои, то заставте встать хоть одну овцу изъ моего стада, а другую уложите“. Усибъ и Бадри не могли выполнить это предложеніе, а Амиранъ сперва приднялъ все стадо, а потомъ такъ сильно треснулъ имъ объ землю, что чуть не уничтожилъ всѣхъ овецъ. Тогда дивъ загребъ одною рукою все стадо и вмѣстѣ съ Амираномъ загналъ домой, затворивъ имъ двери, а Усиба и Бадри оставилъ на дворѣ. Къ ужину дивъ сварилъ себѣ четырехъ овецъ, мясо поѣдалъ, а кости забрасывалъ за спину, въ уголь, гдѣ была привязана имъ сестра его желѣзными цѣпями. Покончивъ съ ужиномъ, дивъ сказала: „на сегодня довольно этого, а завтра закушу Амираномъ“—и легъ спать.

Когда заснулъ дивъ, Амиранъ подошелъ къ привязанной сестрѣ и сталъ просить научить, какимъ образомъ убить-бы дива. На это та отвѣтила: „брата моего ни что не убьетъ, кромѣ его же сабли, а она лежитъ у него и мокнетъ въ деревянномъ маслѣ. Оттуда вытянуть саблю ты одинъ не сможешь и потому совѣтую притащить находящейся въ домѣ плетеный изъ ремней канатъ, одинъ конецъ его привязать къ саблѣ, а другой подать мнѣ и тогда вдвоемъ сможемъ вытянуть саблю. Когда же сабля будетъ у тебя въ рукахъ, ты не замахвайся, а приложи только къ шеѣ дива и сама сабля сдѣлаетъ свое дѣло. При этомъ требую и прошу тебя дать мнѣ поручителемъ Христа *), что когда убьешь брата, освободишь и меня, не причинивъ мнѣ ни какаго вреда“... Амиранъ далъ сестрѣ дива клятву въ поручительство Христа.

*) Въ Святетіи „дать поручителемъ Христа“, считается выше всякаго честнаго слова и оно исполняется свято.

Потомъ притащилъ канатъ и когда стали вытягивать саблю она издала такой звукъ, что дивъ проснулся было, но снова заснулъ. Тогда Амиранъ положилъ саблю на шею дива лезвиемъ внизъ и сабля стала рѣзать его шею и когда перерѣзала ее до половины, дивъ сталъ барахтаться, но уже бесполезно. Погончилъ съ нимъ, Амиранъ убилъ и сестру дива и тѣмъ нарушилъ данную имъ святую клятву. Послѣ этого все достояніе дива досталось молодымъ людямъ и они забравъ, сколько въ состояніи были нести, ушли. По дорогѣ они вошли въ пихтовый лѣсъ; здѣсь увидели скалу, а на скалѣ дива, который прядъ руно; веретеномъ служилъ ему пихтовый брусъ, а лубкомъ—мельничный жерновъ. У этого-то дива и находился глазъ Іамана. Дивъ, увидѣвъ Амираана и его товарищей, крикнулъ: „откуда взялись эти три мухи? Убирайтесь назадъ, иначе я васъ съѣмъ съ костями“!.. На эту угрозу отвѣтилъ Амиранъ. „Ахъ ты дрянъ! Сперва попробуй скушать насъ, а потомъ и хвастай“!.. Дивъ разгнѣвался, пересталъ прядъ и сошелъ внизъ сразиться съ пришельцами. Долго они ратоборствовали, пуская стрѣлы въ ходъ. Амиранъ пускаетъ въ дива стрѣлы одну за себя и по одной—за Усиба и Бадри... Наконецъ обѣ стороны поутомились. Тогда дивъ *) приблизился къ Амирану, розинулъ ротъ, проглотилъ его, оставивъ на мѣстѣ Усиба и Бадри, а самъ вошелъ къ себѣ домой, при чемъ Бадри, нагнавъ дива, срѣзала у него хвостъ. Дивъ войдя къ себѣ, сталъ корчиться отъ боли въ животѣ, взывая жалобно къ матери: „о, мать моя!.. Болитъ животъ“!.. и подскочивъ къ столу, терся объ него животомъ, но лишennyй хвоста, не можетъ удержатся и падаетъ. Мать, видя мученія сына, спрашиваетъ его: не повстрѣчалъ-ли онъ кого въ тотъ день. Сынъ отвѣчаетъ, что видѣлъ трехъ мухъ и что одну изъ нихъ уже проглотилъ. Тогда мать дива завопила: „горе твоей матери, если ты какъ нибудь проглотилъ сына Дали—Амираана“!.. Въ это время Бадри и Усибъ стояли у окна и, услыжавъ слова матери дива, крикнули Амирану: „Амиранъ! У колѣна твоего острый ножъ „хангари“ и знай, что ты заснулъ въ плохомъ мѣстѣ,—въ большой утробѣ крокодила; достань ножъ и коли дива въ бока“!

Амиранъ услыжавъ это, подумалъ: „такой крайности мнѣ навѣрное болѣе не представится“,—досталъ изъ наговицъ ножъ

*) По варианту—крокодилъ, чудовище.

и давай колоть имъ въ бока диву! Дивъ заревѣлъ благимъ матомъ и взмолился, говоря: „не убивай лишь, я тебя выкину, хочешь чрезъ горло, хочешь—съ противоположной стороны“!.. Амиранъ отвѣтилъ ему въ сердцахъ: „дрянь ты! На что мнѣ и жизнь, послѣ предлагаемыхъ тобою услугъ“!.. Тогда дивъ сказалъ Амирану: „въ такомъ случаѣ, вырѣжь у меня два ребра и выходи оттуда на волю“. Амиранъ вырѣзалъ у дива весь бокъ и вышелъ оттуда, но оказалось, что у него не хватаетъ одного глаза. Тогда онъ снова пригрозилъ диву и тотъ предложилъ ему средство исцѣленія: вырѣзать у него кусокъ печени и кусочекъ изъ легкихъ, мазнуть ими глазную ямочку—и появится глазъ, поллучше прежняго!.. Амиранъ послушался дива, вырѣзалъ у него большіе куски печени и легкихъ—и исцѣлился. Послѣ этого дивъ попросилъ Амирана задѣлать ему бокъ, вставивъ опять ребра, но Амиранъ вмѣсто того задѣлалъ ему бокъ плетенкой. Если-бъ Амиранъ не поступилъ такимъ образомъ, то мѣръ погибъ-бы, такъ какъ затменіе солнца происходитъ отъ того, что солнце бываетъ поглощаемо дивомъ (дракономъ, чудовищемъ), но солнце, прожигая плетенку, снова появляется на небѣ и свѣтитъ. Послѣ всего этого, Амиранъ потребовалъ отъ дива глазъ Іамана. Дива покорило это требованіе, но не посмѣлъ отказать Амирану и указалъ ему на столбъ, въ домѣ, въ которомъ хранилась шкатулка, въ ней—другая, а въ послѣдней—глазъ Іамана. Амиранъ добылъ его, и оставивъ дива, возвратился съ товарищами домой. Іаману вставили глазъ и молодые люди придались отдыху и спокойствію до поры, до времени. Проходили дни. Амирану захотѣлось снова показать свою удалъ. Онъ просилъ Іамана удержать своихъ сыновей, Усиба и Бадри, дома, такъ какъ они, вмѣсто помощи, мѣшаютъ ему въ критическіе моменты. Узнавъ объ этомъ молодые люди опечалились и упросили Амирана взять и ихъ съ собою. Амиранъ уступилъ. Тогда они втроемъ отправились въ путь и послѣ продолжительной ходьбы встрѣтили на одной полянѣ трехъ дивъ, которые сказали путникамъ: „молодцы вы будете, если кто изъ васъ добудетъ дочь Кеклуца (красавца) кесаря, Кету Натбіани... На ней хотѣли жениться многіе герои, но никто не успѣлъ въ этомъ“. Амиранъ, заинтересованный этимъ, спросилъ дивъ: „а гдѣ живетъ тотъ кесарь и гдѣ онъ содержитъ свою дочь“. Дивы указали ему страну кесаря Кеклуца (красавца), добавивъ, что онъ дочь свою Кету, содержитъ въ башнѣ, которая виситъ на небѣ на желѣз-

ной цѣни. Молодежь оставила дивъ и направилась къ царству красавца кесаря. Подошли къ морю; оно было слишкомъ большое и нельзя было перейти чрезъ него. Къ счастью, тутъ-же нашли диву-женщину и Амиранъ спросилъ ее—не знаетъ-ли она другой дороги къ царству Реклуца кесаря. Дива отвѣчала, что другаго пути нѣтъ къ кесарю, но что, если они примутъ ее въ товарки, она проведетъ ихъ чрезъ море. Амиранъ согласился и далъ въ томъ клятву за порукою Христа. Тогда дива срѣзала одну изъ своихъ косъ и уложила черезъ море, какъ шестъ. По этому импровизированному мосту прошли сперва Усибъ и Бадри, за ними Амиранъ, а напоследокъ стала переходить дива, но когда она достигла середины моря, Амиранъ взмахнулъ ножомъ „хангари“, перерѣзалъ косу, служившую имъ мостомъ, и утопилъ диву, чѣмъ вторично нарушилъ клятву, злоупотребивъ поручительствомъ Христа. Пошли далѣе. На одной полянѣ настигли арбу, запряженную девятью парами буйволовъ; везли хоронить лежащаго въ арбѣ гиганта покойника Андрероба. Множество народу подмогало запряженной скотинѣ, такъ какъ гигантъ былъ такъ великъ, что едва умѣщался на арбѣ и одна нога его, свалившаяся на землю, не могла быть поднята сопровождавшими Андрероба и проводила глубокую борозду какъ плугомъ! Амиранъ приподнял свалившуюся ногу Андрероба концемъ лука и уложилъ на арбу. Андрероба удивилъ подвигъ Амираана и онъ спросилъ: „кто изъ смертныхъ оказался такимъ силачемъ, что смогъ уложить мою ногу обратно на арбу“?

Народъ указалъ на Амираана. Тогда Андреробъ протянулъ ему руку, но Амиранъ, испугавшись пожатія руки такимъ силачемъ, подаль ему, вмѣсто руки, плиту. Андреробъ пожалъ плиту и выжалъ изъ нея сокъ! Андреробъ вторично протянулъ Амирану руку и взялъ съ него клятву за поручительствомъ Христа, побрататься съ сыномъ его и не вредить ни чѣмъ послѣднему. Амиранъ поклялся. Андрероба повезли, а сынъ его отправился съ Амираномъ. Шли долго, утомленный Амиранъ заснулъ. За это время сынъ Андрероба поймалъ двухъ оленей*) и тутъ повѣсилъ ихъ на вѣтвь дерева. Амиранъ проснулся и узнавъ о поимкѣ оленей и о молодечествѣ сына Андрероба, подумалъ: „коли онъ въ эти лѣта такъ ловокъ и отваженъ, то, когда возмужаетъ,—одо-

*) По варианту: двухъ борзыхъ божьихъ.

лѣть и меня"... и, не долго думая, тутъ-же убить бѣднаго юношу, и тѣмъ въ третій разъ нарушилъ клятву! Убитаго оставили на мѣстѣ, а Амиранъ съ товарищами отправились къ кесарю Кеклуцѣ. Послѣ продолжительнаго странствованія, путники подошли къ височей башнѣ, въ которой жила дочь кесаря—Кету. Тутъ Амиранъ сказалъ Усибу: „Прыгни! Авось достанешь цѣпь и перерѣжь её саблею“. Усибъ попробовалъ исполнить предложеніе, но не имѣлъ успѣха. Бадри постигла та-же участь. Тогда Амиранъ прыгнулъ высоко, до цѣпи, перезалъ её съ размаху ножемъ „хангари“—и башня упала на землю. Молодые люди вошли въ башню. Амиранъ и Кету съ перваго-же взгляда влюбились другъ въ друга до безумія; узнавъ объ этомъ, Кеклуца созвалъ своихъ подданныхъ и тремя рядами войскъ обложилъ башню, какъ цѣпью. Увидя это Амиранъ, встревожился и предложилъ Усибу выдти и сразиться съ войскомъ кесаря. Усибъ послушался, вырѣзалъ первый рядъ войска и подошелъ къ Кеклуцу, но тотъ дунулъ и Усибъ задохся. Бадри слѣлалъ тоже самое, со вторымъ рядомъ войскъ, и его постигла участь брата.

Опечалился Амиранъ и уже готовился выдти сражаться, но Кету сказала ему: „отецъ мой прикрытъ тяжелымъ шлемомъ, придерживаемымъ сзади золотою жилкою. Когда подойдешь къ отцу, постарайся перезать золотую жилку. Тогда шишакъ, вслѣдствіе тяжести, оснуется впередъ и обнаружится шея, беззащитная для твоего удара!... Иначе,—не имѣть тебѣ успѣха“... Чудовищный совѣтъ дочери противъ отца былъ выполненъ Амираномъ буквально, хотя и онъ, по истребленіи имъ третьяго ряда войскъ, не выдержалъ дуновения Кеклуца и на секунду палъ было на колѣни.

По окончаніи сраженія, Амиранъ вошелъ въ башню къ Кету и печально сталъ высказывать досаду о томъ, что онъ потерялъ товарищей Усиба и Бадри и не придумаетъ, какъ показаться старикамъ—родителямъ навшихъ юношей. Прежде чѣмъ дать какой либо совѣтъ, Кету спросила Амирана: можетъ-ли онъ опознать товарищей среди множества убитыхъ воиновъ?—Амиранъ отвѣтилъ утвердительно, пояснивъ, что у Усиба посреди лопатокъ знакъ солнца, а у Бадри—знакъ луны. Тогда Амиранъ и Кету стали искать Усиба и Бадри между трунами навшихъ воиновъ и кое-какъ отыскали ихъ. Тутъ Кету взяла свое полотенце, мазнула имъ Усиба, потомъ Бадри и они, оба ожили. Обрадо-

вался Амиранъ, что ему досталась въ жены Кету и что онъ благополучно возвращается съ товарищами домой. Молодые люди забрали все добро Кеклуца съ собою и вернулись къ обрадованному Таману, которому Амиранъ искренно и серьезно высказалъ, что онъ болѣе не будетъ брать съ собою Усиба и Бадря, такъ какъ они слабо ему содѣйствуютъ. Въ послѣдующихъ своихъ походахъ Амиранъ всегда бывалъ безъ товарищей и довелъ свои опустошительные побѣды до того, что на сушѣ остались только три дива, три кабана и три дуба!.. Но какъ Амиранъ совершилъ многое, негодное богу и три раза нарушилъ данныя имъ клятвы, то за эти грѣхи и богъ наказалъ его, привязавъ къ желѣзному колу, желѣзною цѣпью! Съ нимъ вмѣстѣ привязалъ и собаку, по кличкѣ — Курша за то, что послѣдняя изловила и истребила множество любимыхъ богомъ туровъ. Въ продолженіи цѣлаго года, Амиранъ и Курша до того вытягиваютъ цѣпью колы, что вотъ, вотъ, наступитъ конецъ ихъ мученью, но въ это именно время прилетаетъ, по волѣ божьей, птичка и садится на колы. Разгнѣванный Амиранъ замахивается на нее желѣзнымъ прутомъ, птичка уснѣваетъ слетѣть а пруть, попадая въ колы, всаживаетъ его опять до надлежащей глубины! И эта исторія повторяется ежегодно! Курша—щенокъ орла ягнятника. По повѣрью сванетовъ, у орловъ-ягнятниковъ въ числѣ птенцовъ вылупляются, каждый разъ, по одному щенку. Но орлы, подымая ихъ высоко, сбрасываютъ на землю, чтобъ щенки не достались живыми людямъ, и не вскормили-бы ихъ. Курша—изъ числа такихъ щенковъ и притомъ съ крыльями орла на плечахъ. Онъ найденъ былъ охотникомъ, вскормленъ и оказался такимъ быстрымъ, что въ два прыжка достигалъ тура, а третій прыжокъ считалъ лишнимъ и даже оскорбительнымъ для себя. А какъ собака эта истребила множество туровъ, то, въ наказанье, богъ и привязалъ ее около Амираана. Въ Сванетин существуетъ песня, сложенная о Куршѣ. Въ ней выражена скорбь того охотника, который вскормилъ ее и, по потерѣ любимицы, сталъ оплакивать ее.

Вотъ и самая пѣсня:

Курша мая, Курша!

Курша моя погасла, погасла,

Ночью, въ полночь..

Охъ, мѣ! Коли осмѣлялись унижать тебя, унижать!

И кунецъ забралъ тебя и везеть.

Коли осмѣлялись унижать тебя, унижать!

И лѣшій украдь тебя, украдь!
 Курши мордочка, уши, мордочка, уши,
 Растуть золотья, растуть;
 Курши глаза, глаза!
 Похожа ты была на луну, на луну!
 Лай Курши, лай,
 Уподобляея вѣдь грохоту неба!
 Курши лапы, лапы,
 Были величины, величины гумна;
 Прижокъ Курши, прыжокъ,—
 Обширное поле, поле.
 Пища Курши, нища.—
 Кебабъ изъ хлѣба, кебабъ! *)
 Охъ, мнѣ! Коли осмѣлились унизить тебя, унизить,—
 Преподнести тебѣ ячменное мелево, мелево!
 Напитокъ Курши, напитокъ,—
 Вино некторъ, некторъ.
 Охъ, мнѣ! Коли осмѣлились, осмѣлились,—
 Дать тебѣ воду мутную, мутную!
 Постель Курши, постель,—
 Одѣяло—перина, перина.
 Охъ, мнѣ! Коли осмѣлились, осмѣлились,—
 Дать тебѣ труху отъ соломы, соломы!
 Курша мая, Курша!
 Вверхъ ты—левъ, левъ!
 Внизъ ты—курочка, куропатка!
 На сушѣ—боець, боець!
 На море—карабль, карабль!
 Курша моя Курша!
 Куршу оплакивалъ я, оплакивалъ!
 По Куршѣ я былъ въ траурѣ, въ траурѣ,
 Цѣлый годъ, цѣлый годъ.

18. Ростомъ герой (легенда).

Въ царствѣ кесаря Кекеваза жилъ въ степи Караія герой Ростомъ. Онъ всю свою жизнь провелъ въ борьбѣ съ дивами, хищными звѣрями и кабанамн. У Ростомъ было два брата: Гиви и Гургень и племянникъ—Бежанъ**), сынъ Гиви. Кекевазъ кесарь оказывалъ Ростому большое уваженіе и почетъ. Да и было за что: не будь Ростомъ, все владѣніе Кекеваза побрали бы дивы и звѣри, такъ какъ они появлялись по временамъ и рыскали

*) Кебабъ—рубленое жареное мясо, въ родѣ зразъ.

**) Нѣкоторые варианты и Бежана считаютъ братомъ Ростомъ.

по царству, таская отъ жителей, изъ люлекъ грудныхъ дѣтей. При такомъ безвыходномъ положеніи, Кекевазъ по обыкновенію обращался съ просьбою къ Ростому о помощи и тотъ, съ одного конца царства до другаго, освобождалъ край отъ нашествія звѣрей и чудовищъ, истребляя ихъ. Но всему бываетъ конецъ. Кекевазъ, не безъ внутренней тревоги замѣтилъ, что Ростомъ клонитъ лѣта къ старости и потому нашель нужнымъ собрать своихъ подданныхъ и предложить всѣмъ постараться какъ нибудъ женить Ростомъ, чтобъ онъ не умеръ бездѣтнымъ, чтобы сынъ его замѣстилъ отца. Но этому встрѣтилось то важное препятствіе, что герои, подобные Ростому, всегда чуждались женщинъ. Къ счастью Кекеваза, на совѣтъ его, въ собраніи, оказалась въ числѣ подданныхъ одна дѣвица, которая похвлялась передъ всѣми, что очаруетъ Ростомъ, соблазнить его! Кекевазъ обѣщаль этой дѣвушкѣ большую награду, если она выполнитъ свое обѣщаніе... Народъ разошелся по домамъ. Смѣлая и незастѣнчивая дѣвушка пригласила къ себѣ на ужинъ Ростомъ и, угостивъ его роскошно, упростила остаться ночевать у ней, не смотря на неоднократные отказы героя-рыцаря. Уложивъ Ростомъ, дѣвушка приготовила и постелила еще двѣ постели; когда-же Ростомъ, сталъ засыпать, она, въ роли жены Пентефрія, подкралась и прилегла къ герою въ постель!... Ростомъ оскорбился дерзкимъ поступкомъ и крикнулъ соблазнительницѣ: „Какъ ты осмѣлилась, грѣшная женщина, подойти ко мнѣ?... Вѣдь тебѣ извѣстно, что подобные мнѣ не прикасаются женщинамъ, такъ какъ Богомъ данъ намъ талантъ—быть героями, а не волокитами и любезниками женщинъ“... Съ этими словами Ростомъ перешель на другую постель. Тутъ повторилась та-же смѣлая и дерзкая выходка соблазнительницы. Тогда Ростомъ перешель на третью постель, куда не замедлила снова появиться безстыдница!... Ростомъ привскочилъ и собирався было уже возвратиться домой, но дѣвушка схватила его и сказала: „Я не знала, что ты, такой прославленный герой, не способенъ любить, не подозрѣвала, что ты не мужчина... Знай я это—не пригласила-бы тебя къ себѣ“.—„Тьфу, ты, проклятая Богомъ!“—произнесъ Ростомъ въ сердцахъ, добавивъ: „женщина—всегда сатана“.

Совѣстно стало Ростому и стыдно отъ высказанныхъ ему дѣвушкою словъ—и онъ отдался любви!. На другой день, Ростомъ, раненько всталъ съ постели и сказалъ своей соблазнительницѣ: „Ты забеременишь. Если родишь сына, назови его Зура-

бомъ. Когда же онъ подростеть и захочеть ратоборствовать, чтобы сдѣлаться героемъ,—подвяжи ему къ шеѣ „шарной“ (значекъ изъ бусъ), положи ему въ карманъ архалуха яшму, а къ сѣдлу пристегни шлемъ, на случай, авось гдѣ встрѣчусь, съ нимъ, чтобы я могъ тогда, по этимъ знакамъ спознать сына. Между тѣмъ, ты, пока не представится особенная крайность, не объявляй ему о томъ, что онъ мой сынъ. Если-же родится у тебя дочь, тогда назови ее какъ хочешь—она твоя—и воспитай ее какъ пожелаешь“. Сказавъ это, Ростомъ ушелъ къ себѣ домой. Спусти извѣстное время, слова героя сбылись: дѣвушка зачала и родила сына, назвавъ его Зурабомъ. Мальчикъ уродился такимъ красавцемъ, что похожъ былъ на звѣзду небесную! Быстро онъ сталъ подростать: днемъ—на пядень въ вышину, а ночью—на ладонь, или четыре перста и скоро возмужал! Зурабъ сталъ охотиться на поляхъ, ратоборствовать со всѣми проходящими, не шадилъ даже дѣтей самаго кесаря Кекеваза. Разъ послѣдніе стали укорять его: „Если ты молодчина, герой, лучше поищи своего отца: ни кому вѣдь не извѣстно гдѣ онъ и какія звѣри и кабаны заѣли его“... Выслушавъ этотъ укоръ, Зурабъ печальный вернулся домой и спросилъ свою мать: „кто былъ его отецъ и куда онъ дѣлся“?

Мать долго не говорила сыну объ отцѣ, но когда Зурабъ настойчиво сталъ выпытывать объ этомъ, она описала ему Ростому, и его славные подвиги. Зурабъ, выслушавъ мать, выковалъ себѣ желѣзные лукъ и стрѣлы, и отправился верхомъ къ мѣстности Караіа. При этомъ мать надѣлила его: „шарной“, яшмой и шлемомъ, какъ и было сказано ей Ростомомъ. На дорогѣ Зурабу повстрѣчался „каджи“—лѣшій, во образѣ женщины и закричалъ ему: „славный былъ-бы ты герой, еслибъ у тебя не было на шеѣ и въ карманѣ женскаго украшенія, а на сѣдлѣ—„шлема“. Зурабъ продолжалъ путь, не обращая вниманія на слова „каджи“, но послѣдній переодѣвшись, опередилъ его и повторилъ прежнія слова. Тогда Зурабъ плюнулъ въ лѣшаго, сказавъ: „Отвяжись и уходи исчадіе, „каджи“, проклятый Богомъ“—и поѣхалъ далѣе. Каджи въ третій разъ опередилъ Зураба, переодѣвшись иначе и повторилъ прежнія слова. Тутъ Зурабъ въ сердцахъ сорвалъ въ своей шеѣ шарна и положилъ въ карманъ, а шлемъ спряталъ подъ сѣдло. Наконецъ Зурабъ пріѣхалъ въ Караіа—въ охотничіе мѣста Ростому, гдѣ съ утра до вечера, обойдѣлся изъ конца въ конецъ, набить столько звѣрей, что изъ кос-

тей ихъ воздвигъ себѣ шалашъ, прикрывъ его дранью. Ростомъ, узнавъ объ этомъ струхнулъ, подумавъ про себя: „совершать такіе подвиги и мнѣ рѣдко случалось“. На другое утро Ростомъ пришелъ пораньше къ Зурабу и сталъ осматривать его съ ногъ до головы, но не найдя при немъ извѣстныхъ ему знаковъ— „шарна и шлема“—вызвалъ Зураба на единоборство. Зурабъ не уклонился отъ вызова; они схватились и поднялась пыль столбомъ! Потанулъ Ростомъ Зураба и съ размаха всадилъ его въ землю *по колыно!* Зурабъ потанулъ Ростомъ и съ размаха всадилъ его въ землю *по поясъ!* Тогда Ростомъ сказалъ Зурабу: „обыкновеніе ратоборцевъ—бороться троекратно; сегодня отпусти меня, а завтра и послѣзавтра давай снова бороться и если одолѣешь—поступи со мною, какъ пожелаешь“. Зурабъ освободилъ Ростомъ. На другой день они снова стали бороться—и Зурабъ поборолъ. Ростомъ крайне опечалился. Ни одинъ дивъ не одолѣвалъ его ниразу, а тутъ выискался простой смертный, мальчуганъ, и превзошелъ его въ силѣ и ловкости при ратоборствѣ!.. Самолюбіе Ростомъ было сильно уколото. Тогда онъ рѣшилъ въ душѣ, во что-бы то ни стало, убить Зураба и въ этихъ видахъ отправился къ кузнецу, заказалъ ему двѣ пики, которыя, заложивъ себѣ въ ноговицы, сталъ на третій день бороться съ Зурабомъ.

Зурабъ поборолъ Ростомъ. Тогда послѣдній вонзилъ Зурабу пикку въ животь; послѣдній воскликнулъ: „Ахъ ты злодей! Смерть моя не сойдетъ тебѣ даромъ: отецъ мой Ростомъ всюду розыщетъ тебя,—въ скалахъ-ли спрячешься, обратившись въ тура, въ морѣ-ли—въ образѣ форели, въ землѣ-ли—превратившись въ мышенка“. Ростомъ былъ оглушенъ этими словами, этою для него новостью и у него промелькнула мысль—не убилъ-ли онъ своего сына. Но не довѣряя этому нежелательному и непрощенному предположенію, спросилъ Зураба строго и почти въ укоръ: „Мальчуганъ! исчадіе проститутки! Кто твой отецъ?“... — „Хвалить Ростомъ—героя, онъ и есть мой отецъ“, отвѣтилъ Зурабъ.— „Въ такомъ случаѣ: гдѣ твои шарна, яшма и шлемъ?“ Зурабъ показалъ всѣ эти знаки Ростому, объяснивъ и причину, почему онъ ихъ скрывалъ. Ростомъ, какъ громомъ пораженный, бросился было ухаживать за сыномъ, чтобы спасти его, но Зурабъ, не смотря ни на какія заботы отца, лишился чувствъ. Тогда Ростомъ, взявъ его на руки, сталъ на колѣна и обратился къ Бо-

гу съ такую мольбой: „Господи! я убилъ своего сына! Я сяду въ яму на 12 лѣтъ, не увижу и луча солнечнаго, оживи (воскреси) лишь моего сына!“—И Ростомъ подтвердилъ слова дѣломъ: взявъ на руки тѣло сына, спустился въ яму, вырытую имъ, глубиною въ 12 маховыхъ сажений, и безъ пищи и питья проводилъ дни въ молитвахъ.

Въ это-же время Ростомъ вызвалъ къ себѣ діакона изъ придворныхъ Кекеваза и просилъ чрезъ него у кесаря, для Зураба, воды „безсмертія“ (живой—и мертвой воды). Кекевазъ не могъ отказать въ просьбѣ Ростому, налилъ въ чашу живительную влагу, но боясь, чтобъ тотъ съ сыномъ не отняли у него царства, наставилъ діакона, что когда тотъ придетъ къ Ростому, то остунится съ умысломъ, задѣвъ ногу объ ногу, и прольетъ дѣлительную жидкость. *) Діаконъ такъ и поступилъ. Ростомъ понялъ эту хитрость и сказалъ діакону: „Если я удостоюсь выйти изъ этой ямы, то отплатю и тебѣ, и Кекевазу!... Вѣдь не будь меня, добавилъ онъ Кекеваза сто разъ забли-бы дивы и звѣри!“..

Съ тѣхъ поръ, Ростомъ живетъ въ ямѣ вотъ уже 10 лѣтъ и обросъ бородой, достигающей до самыхъ ногъ. Зурабъ лежитъ у него на колѣнахъ и все это время старикъ умоляетъ Бога воскресить ему сына, но видно молитва его не услышана Богомъ.

Сидя въ ямѣ, Ростомъ скрутилъ волосинки изъ своей бороды, навязалъ ихъ на руки Зураба и подъ звуки этихъ оригинальныхъ струнъ плачетъ и въ трогательномъ воплѣ высказываетъ про печальный случай, какъ онъ убилъ сына!..

За эти десять лѣтъ въ царствѣ Кекеваза до того размножились дивы, звѣри и кабаны, что они стали врваться въ дома жителей и таскать дѣтей изъ люлекъ. Опечалился и задумался Кекевазъ, не знаетъ какъ помочь горю. Правда, при немъ состоятъ братья Ростомъ—Гива и Гургенъ—немогущій уродина. Гиви-же хотя и уменъ, и хорошъ, да не герой—онъ состоитъ только совѣтникомъ при кесарѣ. Правда у Гиви есть сынъ Бежанъ, но тотъ пока молодъ и потому трудно рассчитывать, чтобъ онъ могъ выказать необходимое геройство въ борьбѣ со зломъ. Однако другаго исхода не было. Тогда Кекевазъ упросилъ Гиви

*) Странно! Кекевазъ опасался, чтобы Ростомъ не умеръ бездѣтнымъ и домогался женить его, чтобы сынъ героя замѣнилъ отца, а тутъ тотъ-же Кекевазъ не желаетъ оживить Зураба изъ опасенія, что тотъ съ отцемъ отнимутъ у него царство!

послать своего сына для истребленія дивъ и звѣрей. Гиви послушался кесаря и, позвавъ брата своего Гургена, попросилъ его соупотствовать Бежану и указывать лишь ему дороги, такъ какъ онъ, Гургенъ, другаго содѣйствія не можетъ оказать племяннику, а послѣдній впервые выступаетъ въ походъ. Гургена покорило предложеніе брата, но отказать ему въ просьбѣ онъ не смѣлъ. Бежанъ заготовилъ себѣ лукъ и стрѣлы, взвалилъ на спину Гургена провизію и отправился съ нимъ въ путь. Вышли на поля и Бежанъ видитъ безчисленное множество кабановъ. Гургенъ со страху влезъ на дерево, а Бежанъ принялся очищать необозримое пространство отъ непрошенныхъ гостей. Когда же онъ окончательно истребилъ бывшихъ тутъ кабановъ, тогда Гургенъ сошелъ съ дерева помогать племяннику выдергивать клыки у убитыхъ звѣрей. А клыковъ набралось—дай Богъ умѣстить лишь на ста арбахъ. Тутъ Бежанъ собрался было возвратиться домой, но Гургенъ обратился къ нему и говоритъ: „Видно, ты не уступишь дядѣ своему Ростому въ удалствѣ; изъ тебя образуется великій герой. Но если ты хочешь превзойти въ этомъ всѣхъ, я дамъ тебѣ слѣдующій совѣтъ: достань себѣ въ жены дочь эранскаго кесаря Афросуана—Маруджану, *невиданную солнцемъ*“. Гургенъ, давая этимъ совѣтъ, имѣлъ въ виду подвести Бежана, такъ какъ туранцы и эранцы заклятые враги между собою, и въ борьбѣ навѣрное убьютъ Бежана, а Гургенъ присвоитъ себѣ славу истребленія кабановъ!

Бежанъ, ничего не подозревая, сказалъ дядѣ, чтобъ тотъ доставилъ кабаньи клыки Кекевазу и рассказалъ-бы ему о совершенномъ имъ подвигѣ, а самъ отправился въ путь, по направленію къ царству эранскому. Гургенъ обрадовался этому предложенію, отвезъ сто аробъ клыковъ Кекевазу, приписавъ себѣ подвигъ истребленія кабановъ, а на вопросъ о Бежанѣ онъ отвѣтилъ, что тотъ, завидѣвъ стадо кабановъ бѣжалъ, но одинъ изъ стада догналъ его и заporоль на смерть. Кекевазъ опечалился раннею гибелью Бежана и, удивляясь молодечеству Гургена, обратилъ на него вниманіе и сталъ держать его при себѣ въ почетѣ. Между тѣмъ Бежанъ шелъ, шелъ и достигъ, наконецъ, царства Афросуана. Тутъ въ одной башнѣ и жила дочь этого кесаря, Маруджана. Бежанъ подошелъ къ башнѣ, оттуда выглянула красавица, взоры ихъ встрѣтились и въ сердцахъ молодыхъ людей вспыхнуло пламя любви... Маруджана, увлеченная первою

любовью, упростила свою служанку пригласить къ ней, какъ нибудь вечеромъ, молодаго путешественника. Бежанъ весь день ходилъ кругомъ той башни, а вечеромъ былъ введенъ къ Маруджанѣ служанкою ея. Маруджана и Бежанъ бросились въ объятія другъ друга и, казалось, потерявъ рассудокъ, забыли весь свѣтъ, упоенные первыми жгучими поцѣлуями!. На другой день Афросуанъ узнаетъ объ этомъ дерзкомъ свиданіи Бежана съ его дочерью и окружаетъ башню своимъ войскомъ. Бежанъ выходитъ изъ башни, сражается съ осаждающими и истребляетъ ихъ на половину.

Визиря совѣтуютъ кесарю оставить Бежана въ покоѣ и дозволить ему обвиняться съ Маруджаною, а за тѣмъ какою нибудь хитростью умертвить его.

Афросуанъ поступилъ по совѣту своихъ визирей; Бежанъ и Маруджана радуются; сыграна блестящая свадьба и когда заснули молодые, Бежана заковали въ желѣзо, но онъ проспавшись разрываетъ ихъ какъ слабые веревочки!

Кесарь и свита его удивились силѣ Бежана и, долго раздумывая, пришли къ заключенію: вывѣдать отъ самаго Бежана то, какими путами возможно удержать его скованнымъ. Для этого они подговорили одну служанку, на вопросы которой отвѣтилъ Бежанъ, что его можетъ удержать связаннымъ только волосная тетива отъ его лука. Служанка сообщила этотъ секретъ Афросуану, и спящему Бежану связали руки назадъ его же тетивой. Бежанъ просыпается, видитъ стоящаго тутъ-же Афросуана со свитою, обрадованныхъ безысходнымъ его положеніемъ и издѣвающихся надъ нимъ. Тогда онъ говоритъ имъ:

Желалъ-бы свободы рукъ,
А въ рукахъ—кистень,
Ворваться-бъ въ станъ эрэнцевъ
Мнѣ, осмѣяному туранцу.

Бежану отвѣчаетъ Афросуанъ:

—Взгляните на глупца—невѣжду,
Онъ въ моихъ рукахъ, а все-же хвастуетъ, грозить.

Афросуанъ желаетъ смерти Бежана, но одинъ изъ его визирей, по имени Шевлохъ, будучи родомъ туранецъ, звалъ Ростомъ и его братьевъ и потому совѣтуетъ кесарю не убивать

героя Бежана, а посадить его въ яму, обдзавъ свою дочь Маруджану добывать, какъ она сумѣетъ, хлѣбъ и кормить имъ плѣннаго. Афросуанъ послушался совѣтника, приказалъ вырыть въ городѣ Нарти яму и, посадивъ въ нее Бежана, прикрыть его камнемъ...

Прошло довольно времени, дивы снова размножились въ владѣніяхъ Кекеваза. Тогда послѣдній потребовавъ къ себѣ извѣстнаго намъ діакона, приказалъ ему отправиться къ Ростому и какъ нибудь ухитриться вытянуть его изъ ямы. Діаконъ пришелъ къ ямѣ, въ которой сидѣлъ Ростомъ и, ставъ на прикрывающей ту яму камень, началъ топтаться и стучать ногами, крикнувъ грубо Ростому: „Эй, ты, старина! Вылѣзай отсюда поскорѣй, а то насъ заѣли дивы и звѣри“. Ростомъ, оскорбившись грубыми словами діакона, въ сердцахъ отбросилъ въ сторону лежащаго у него на колѣнахъ еще съ небольшими признаками жизни Зураба, а тотъ окончательно отдалъ Богу душу! Ростомъ вылѣзъ изъ ямы и приказалъ діакону достать ему бритву, чтобъ обриться и привести осла навьюченнаго свинцомъ.

Когда діаконъ исполнилъ волю Ростомъ, тотъ выбрился и приказалъ діакону лечь подъ осломъ. Тотъ волею неволею исполнилъ и это странное требованіе старика. Тогда Ростомъ поднялъ свою саблю вверхъ и сказалъ: „если я правъ въ отношеніи діакона, то да разрубитъ сабля моя, пополамъ и осла съ вьюкомъ, и діакона, если-жъ я не правъ, да не будетъ этого!“ И онъ размахнувшись разрубилъ ихъ и землю въ глубь на 12 маховыхъ сажень!

„Вотъ тебѣ за то, произнесъ Ростомъ, обращаясь къ разрубленному діакону, что по твоей милости я вторично убилъ моего Зураба!“.

За тѣмъ Ростомъ отправился къ кесарю Кекевазу. Кекевазъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ обоими сыновьями своими. Ростомъ схватилъ послѣднихъ и при отцѣ размозжилъ имъ головы, стукнувъ одну объ другую!— „Это сдѣлано для того, произнесъ Ростомъ, обратившись злобно, къ Кекевазу чтобъ и ты почувствовалъ всю прелесть потери сына!“... У Ростомъ была фамильная рѣдкость—книга, подъ названіемъ „Часословъ минуты“. Когда заглядывали въ эту книгу, то видѣли въ ней всю вселенную, и все, что происходитъ на всей землѣ. Ростомъ заглянулъ въ „Часословъ“ и увидѣлъ своего племянника Бежана, сидящаго въ ямѣ близъ города Нарти. Опечалился онъ и рѣшилъ про себя освободить его. Для

этой цѣли онъ досталъ 6 катеровъ, навьючилъ ихъ 12-ю героями, усаженными въ мѣшки, и отправился въ городъ Нарты. Здѣсь, повстрѣчавъ его жена Бежана, передала своему мужу, что она видѣла путника похожаго на него. Тогда Бежанъ предложилъ своей женѣ выпросить у путника, отъ его имени, какой нибудь знакъ. Когда Ростомъ убѣждается со словъ посланной, что она жена Бежана, тогда онъ посылаетъ племяннику кольцо съ большого пальца своего, письмо и одну курицу.

Бежанъ узнаетъ изъ полученнаго имъ письма, что дядя его Ростомъ обѣщается придти къ нему вечеромъ, съ 12 героями, для освобожденія его. Для того, что-бы указать яму, въ которой сидѣлъ Бежанъ, жена его, по просьбѣ Ростомъ, разводитъ сигнальные окна вокругъ ямы. Въ назначенное время приходитъ Ростомъ къ ямѣ съ 12 героями и тѣ слятся приподнять камень, которымъ прикрыта яма, но безуспѣшно. Тогда Ростомъ схватываетъ тотъ камень одною рукою, бросаетъ его въ башню Афросуана; полетъ камня былъ такъ силенъ, что срываетъ верхушку башни, попадаетъ объ скалу и, отскочивъ назадъ, рикошетомъ разоряетъ центръ города Нарты!... Между тѣмъ Ростомъ освобождаетъ Бежана и они отправляются домой. Афросуанъ, узнавъ объ этомъ, преслѣдуетъ беглецовъ войскомъ и нагнавъ ихъ, взываетъ къ нимъ: „сдайтесь! иначе—истреблю васъ!“ Но Ростомъ не изъ трусливыхъ. Онъ предлагаетъ своимъ спутникамъ продолжать путь, а самъ, выдернувъ огромную ель, точно палочку, повелъ по ней рукою отъ верхушки и, облудивъ вѣтви, бросилъ ею въ Афросуана, ѣхавшаго верхомъ; ель проскочила подъ сѣдока и врѣзалась въ землю, захвативъ и закрѣпивъ полы платья Афросуана. Тогда бросились войска его вытягивать забитое въ землю платье кесаря, а тѣмъ временемъ Ростомъ съ своими спутниками ушли далеко.

Афросуанъ кое-какъ высвободился и вернулся домой съ неудачнаго похода. А наши герои продолжали походъ, при чемъ Бежанъ высказалъ Ростому желаніе убить дядю Гургена за то, что по милости его онъ попалъ къ эрэнцамъ, но Ростомъ отсоветовалъ и не позволилъ ему убить брата своего. Наконецъ путники пришли къ кесарю Кекевазу, увидѣли Гивы и Гургена, уже состарѣвшимися и, окончателно распростившись съ ними, возвратились въ степи Караія, гдѣ и расположились жить на всегда. Ростомъ тоже сильно состарился и не выходилъ изъ шалаша ни днемъ,

ни ночью. О дряхлости его узнали дивы и одинъ изъ нихъ пришелъ къ нему и вызвалъ его на единоборство. Ростому досадно стало, что дивъ осмѣлился подступить къ его шалашу, да еще и вызываетъ на борьбу, но уклониться отъ вызова, — еще постыднѣе.. Поэтому онъ схватился съ дивомъ и — о, срамъ! — побѣжденъ имъ! Тогда онъ попросилъ дива еще разъ помѣриться въ силѣ на завтра и если будетъ побѣжденъ, то поступить съ нимъ, какъ угодно будетъ его противнику. Дивъ соглашается на это предложеніе. Между тѣмъ вечеромъ, когда Бежанъ по обыкновенію возвратился съ охоты, Ростомъ рассказалъ ему о событіи съ дивомъ и просилъ его не ходить на завтра въ поле, а побороться за него съ дивомъ. Бежанъ согласился и на другой день, переодѣвшись въ платье дяди, выступилъ на борьбу съ дивомъ — и побѣдилъ его. Тогда дивъ пристально заглянувъ въ лицо Бежана, говорить ему: „Кажись ты не Ростомъ?“ Но Бежанъ отвѣтилъ, что родъ ихъ таковъ: сегодня они старики, а на завтра молодѣютъ, что вчера онъ былъ дряхлый, а нынче — какъ видить — молодъ. Дивъ, на то и дивъ: повѣрилъ этой сказкѣ — и ушелъ. Съ тѣхъ поръ Ростомъ уже не ратоборствуетъ и безотлучно живетъ съ племянникомъ своимъ Бежаномъ.

XI. ОБЫЧАИ, СУЕВѢРІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ.

Наканунѣ Рождества, послѣ ужина, въ каждомъ домѣ одѣваютъ мальчика въ костюмъ дѣвочки и сажаютъ его за „керіа“ (очагъ), ставятъ передъ нимъ горшокъ съ молокомъ и даютъ ему покушать сыру. Обычай этотъ называется у сванетовъ „туну гошгинъ-лисгвре“—„сидѣніе за горшкомъ“. Какое значеніе имѣлъ этотъ обычай въ старину,—неизвѣстно уже народу, да и теперь повторяютъ его лишь по старой памяти.

Въ посуду, въ которой на Крещеніе освящаетъ воду священникъ (а прежде „папы“), кладутъ грецкій орѣхъ съ привязаннымъ къ нему ниткою шиломъ. Весною, когда начинаютъ пахать, берутъ этотъ орѣхъ съ шиломъ и ночью закапываютъ въ борозду пашни; на другой день шило уносится домой, а орѣхъ остается въ пашнѣ. По народному понятію, это средство спасаетъ ниву отъ полевыхъ мышей, вредныхъ насѣкомыхъ и т. п.

Въ день Крещенія на освященной водѣ мѣсятъ тѣсто и изъ него пекутъ семь маленькихъ крендельковъ, называемыхъ „киркадолъ“. Нанизавъ ихъ на веревочку, вѣшаютъ въ боинѣ. Въ великомъ посту, въ каждое воскресенье утромъ, старшій въ домѣ снимаетъ по одному кренделю, и, сбрасывая троекратно внизъ на прикрытый чѣмъ нибудь илоскій камень очага, произноситъ: „амувъ амъ мегедели арта-квата линчалъ“—*да падетъ такъ великій постъ*. Раздѣливъ крендель на кусочки, по числу членовъ въ семьѣ, сѣдаютъ его, держа кусочекъ *киркадола* въ левой рукѣ, и поднося ко рту, чрезъ голову,—съ правой стороны!.. Все это повторяется и тоже самое продѣлывается съ остальными пятью кренделями; седьмой-же крендель привязывается къ той корзинѣ, въ которой вывозятъ пшеницу для посѣва, и во время сѣянія хлѣба смѣшиваютъ съ посѣвнымъ зерномъ въ измельчанномъ видѣ въ знакъ очищенія и освященія сѣмянъ.

Въ день-же Крещенія на освященной водѣ мѣсятъ золу и сохраняютъ ее во весь годъ, употребляя это мѣсиво (называемое у нихъ „ивурданъ“—*Иорданъ*) въ тѣхъ-же случаяхъ, когда мы употребляемъ освященную воду для окропленія комнатъ и т. п.

უძღების კვირის წინა პარასკევს (Удзгебის კვირასე ცინა პარასკევს). Въ Великую Пятницу, одинъ изъ мальчиковъ въ домѣ вставъ утромъ рано и, обходя три раза вокругъ дома, кричитъ громко и протяжно: „аринъ-каринъ“! *) да будетъ волкъ съ разинутой пастью къ сторонѣ стада осетинскихъ, а годовой урожай—къ сторонѣ Ушгули; **) плевелы и „цхамы“ (сорная трава)—въ другихъ странахъ“... Когда мальчикъ возвратится въ хату, одна изъ женщинъ начинаетъ сметать съ потолка комнаты сажу и, собравъ ее, собираетъ также, по числу членовъ семьи, по соломенкѣ отъ ячменя, относить все это въ назначенное селеніемъ мѣсто, гдѣ, зажегши ту солому и посыпавъ сверху сметѣнною въ домѣ сажею, произноситъ: „да сгорятъ, какъ это, недуги нашего дома, очага“.

უძღების კვირის შაბათს (Удзгебის კვირისე შაბათს). Въ Великую Субботу въ каждомъ домѣ имѣютъ обыкновеніе выводить на стѣнахъ загоновъ изъ мучнаго клейстера изображенія быковъ, коровъ, овецъ, козъ, лошадей и проч. По понятію сванетовъ это способствуетъ къ размноженію скота.

Въ этотъ-же день заготавливаютъ одинъ хлѣбъ, начиненный сыромъ, предварительно выдавивъ на хлѣбѣ выдолбленною палочкою множество круглыхъ ямочекъ.

Хлѣбъ этотъ рѣжется въ четвергъ, на масляницѣ, на куски, по числу членовъ семьи въ домѣ и, по понятію народа, каждому изъ нихъ прибудетъ въ томъ году столько скота, сколько ямочекъ оказалось на доставшемся ему кускѣ хлѣба.

Въ воскресенье, предъ масляницей, послѣ ужина, одинъ изъ семьи беретъ лопатку быка, или другаго домашняго животнаго и кожуцу свиную и, выйдя на-дворъ, кричитъ: „О, волкъ! Это прислалъ тебѣ Бель; до этого-же времени будущаго года да будетъ это у тебя, а тамъ—пришлемъ лопатку отъ быка... Плевелы и мышій горошекъ—къ Местіи (пусть уродится въ Местіи), плохой годъ (урожая)—къ Латали; охъ! и ахъ! къ ихъ подросткамъ; хорошій урожай—къ намъ... О, волкъ, волкъ! это прислалъ тебѣ Бель“. Тутъ онъ начинаетъ бранить женскій полъ и бросаетъ лопатку. Послѣ этихъ словъ не смѣютъ уже ѣсть мяс-

*) Непереводимая и неимѣющая смысла слова.

**) Ушгули—селеніе и общество подъ этимъ названіемъ.

ное. Значить настала мясопусть. Въ мясопусть, послѣ ужина, мужчины сванеты, умывшись, берутъ, каждый, по ножикъ и, вложивъ въ жаръ очага, приговариваютъ: „Алмазь, алмазь, алмазь! Ножикъ мой—алмазь, кинжалъ мой—алмазь, шашка моя—алмазь, ружье мое—алмазь, пистолеть мой—алмазь, топорикъ мой—алмазь, коса моя—алмазь. Женщины исполняютъ обрядъ „алмазь“ въ сыропусть и вмѣсто ножа держать въ рукѣ иголку и приговариваютъ: „моя иголка—алмазь, мои ножницы—алмазь, мой серпъ—алмазь и проч. Въ четвергъ на масляной недѣли сванеты, собравшись утромъ рано, строятъ въ селѣ снѣжную башню, заложивъ внутри, перпендикулярно, столбъ. Это будетъ пріятно Богородицѣ и подастъ хорошій урожай.

Бѣзѣвѣ (Сакмисаба). Утромъ, въ день Св. Ѳеодора, каждый дворъ печеть у себя изъ пшеничнаго тѣста изображенія домашнихъ и дикахъ животныхъ и птицъ. *) Печенія эти называются ими „бацки“ и приготавлиются мужчинами (такъ какъ, дескать, тутъ требуется нѣкоторое искусство), по числу мальчиковъ въ домѣ, не свыше 12 лѣтняго возраста. Если у домохозяина нѣтъ дѣтей мужескаго пола, то онъ, во всякомъ случаѣ, приготавливаетъ три штуки „бацки“. Одинъ изъ нихъ долженъ изображать домашнее животное, другой—дикое, а третій—птицу. По изготовленіи „бацки“, собираются мальчики сосѣднихъ домовъ на плоской крышѣ (одного изъ домовъ) „дарбази“ **), принеся съ собою „бацки“ и потомъ, войдя въ *дарбази*, молятся Св. Георгію, прося даровать имъ вообще радости, веселую жизнь, что-бы быть имъ невредимыми и въ будущемъ году въ день Св. Ѳеодора. По окончаніи молитвы, дѣти, сложивъ въ одно мѣсто „бацки“, устраиваютъ тутъ-же, на средней перекладинѣ веревочныя качели (лигитцаль) *лигитцаль* и, накачавшись, съѣдаютъ *бацки* и *расходятся по домамъ*. Среди великаго поста, въ среду, въ каждомъ домѣ пекутъ по одному большому хлѣбу („панръ“), который хватить на четырехъ взрослыхъ. Хлѣбъ этотъ рѣжется къ ужину на столько частей сколько у домохозяина имѣется уастковъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ полей. Когда старшій въ домѣ начинаетъ рѣзать хлѣбъ, тогда онъ держитъ ножикъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой—камень, которымъ ломаютъ на куски каменную соль. Этимъ

*) Быка, коровы, козы, голубя, горлинки, тура, серны, лошади и проч.

***) *Дарбази*—комната второго этажа, гдѣ хранится сѣно.

именно камнемъ онъ бьетъ по ножу и приговариваетъ: „да разрѣжится также *болото*, или *трясина* въ пахатномъ моемъ участкѣ, что подь горой, или у двухъ березъ, или на берегу рѣчки, или въ моемъ покосѣ, тамъ то... (поименовывая каждый участокъ). Хлѣбъ этотъ освящается въ память „*Живвижа* и *Вежана*“, въ исполненіе завѣщанія легендарнаго односельца своего Виввижа, убившаго, по ошибкѣ, вмѣсто волка, единственнаго сына своего Вежана.

Въ Вербное Воскресенье, вечеромъ, дѣвушки подростки cadaго села собираются въ необитаемый домъ и поютъ въ родѣ гимна „лиглови“— „Кириелео“ (Кири элейсонъ). „Христось! отпусти грѣхи усопшему моему (наименовываешь своего отца, или мать, брата и т. д. умершихъ) и подаждь долгую жизнь и пресупіянiе во всѣхъ дѣлахъ моему родственнику (такому-то), или члену дома (такого-то), и каждая дѣвушка, по очереди, поминаетъ своихъ усопшихъ и живыхъ, тѣмъ-же порядкомъ, а подруги вторить имъ. Посторонніе, пожелавшіе, чтобъ дѣвушки упомянули въ „лиглови“ и ихъ родственниковъ (живыхъ или усопшихъ), должны дать пѣвуньямъ грѣцкiй орѣхъ, или кусочекъ соли, чтобъ Спаситель могъ внять ихъ молитву. Такія-же пѣнья повторяются дѣвицами на страстной недѣлѣ, за исключеніемъ среды и пятницы, такъ какъ „въ эти дни негодится пѣть.“

Въ Вербное Воскресенье, вечеромъ, каждый домохозяинъ приноситъ изъ лѣсу вязанку колючки и втыкаетъ по вѣткѣ въ каждое окно и отверстіе, подь каждою дверью, чтобъ нечистая сила не вошла въ домъ.

Съ этого-же вечера начинается выполненіе обычая „лирокиналъ“ *изманія*. *) Старшій въ домѣ беретъ въ руки топорикъ, остальные мужчины и дѣти—головни и выбѣгають, произнося проклятiя: „Тфу! Да обгорятъ у васъ крылья, нечистыя силы! Вы узнаваемы, и отличимъ васъ, какъ черныхъ овецъ отъ бѣлыхъ; память объ васъ да будетъ за двѣнадцатую горами; вы заклеены печатью Св. Георгiя; вы насѣчены стальнымъ оружіемъ; хватайте зубами каменную плиту, а съ нами крестная сила! Да лишитесь вы всякой пищи, кромѣ песку и каменной плиты!“... Тутъ старшій ударяетъ объ камень обухомъ топора и произносить: „да сдѣлается такимъ-же камнемъ ваше подрастающее поколѣніе“!..

*) Нечестныхъ силъ.

Остальные тоже бьютъ объ камень головнями, повторяя тѣ-же слова. Этотъ обрядъ изгнанія нечистой силы повторяется каждымъ домою, утромъ и вечеромъ, по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ, на страстной недѣлѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сванетіи, вѣроятно по этому, называютъ страстную недѣлю — „недѣлю чертей“ („horіали нагзи“ — ჰორიალი ნაგზი.).

Въ среду, на страстной недѣлѣ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, одна изъ женщинъ въ домѣ беретъ кусокъ сала и мажетъ имъ у каждаго изъ домашнихъ: лобъ, шею, грудь и ладони, приговаривая: „Дай Богъ вамъ дожить до многихъ свѣтлыхъ Воскресеній Христовыхъ!“

На той-же недѣлѣ и та-же женщина, вставъ въ четвергъ, спозаранку, начинаетъ прясть изъ чернаго руна нитки и когда всѣ остальные домашніе проснутся и встанутъ, тогда она привязываетъ каждому изъ семьи мужескаго пола тѣ нитки у кисти руки, а женскому полу—къ ногѣ, не имѣя права говорить при этомъ. Такія-же нитки привязываетъ она къ домашней утвари. По окончаніи этого процесса, она въ правѣ говорить. Нитки остаются до Пасхи. По окончаніи же обѣдни, каждое лицо снимаетъ съ себя привязанные къ нему въ четвергъ нитки и, брасая ихъ въ огонь, произноситъ: да спорятъ такимъ-же образомъ всѣ мои недуги“. Нѣкоторыя лица, слово: „недуги“, замѣняютъ словомъ: „великій постъ“.

На страстной, въ субботу вечеромъ, дѣвнцы собираются въ какой нибудь необитаемый домъ и выжидаютъ заутрени. Утромъ отправляются къ церкви, садятся по одалъ отъ нея, поджавши подъ себя ноги, не смѣя шевельнуться и встать,—распѣваютъ извѣстные намъ гимны „лиглови“, пока не отойдетъ обѣдня. По окончаніи обѣдни, одинъ изъ „пацъ“, взойдя на крышу церкви, возвѣщаетъ нѣсколько разъ, громогласно и протяжно о Воскресеніи Христа.

Въ четвергъ на страстной недѣлѣ, утромъ рано, встаетъ одна изъ домашнихъ, прядетъ молча изъ черной шерсти нитки „тамнаръ“ (თამნარ) и привязываетъ ихъ каждому члену семьи на правой рукѣ и ногѣ, а также быку—къ рогамъ, къ столбу очага, къ ружью и сундуку. За тѣмъ приноситъ со двора бѣлый камень и разломавъ его, запекаетъ въ хлѣбы, изъ коихъ одинъ хлѣбъ

опускаетъ она въ закваску, другой—прячетъ въ хлѣбный сундукъ, третій—въ обыкновенный сундукъ. Все это дѣлается въ тѣхъ видахъ, что-бы въ домѣ во всемъ было обиліе.

Есть дни въ году, когда обычай воспрещаетъ звать извнѣ находящееся въ домѣ лицо. Вотъ эти дни: 1, въ праздникъ во имя св. Георгія; 2, день въ началѣ паханья; 3, въ новый годъ; 4, въ день отправления въ путь, и 5, въ началѣ молотьбы.

Пастухъ, въ началѣ весны, когда въ первые ведетъ скотину на пастбище, бросаетъ на поле кусочекъ желѣза и говоритъ: „пока я тебя не разыщу, до того пусть и звѣрь не набредетъ на мою скотину“.

Отправляющемуся въ дорогу кладутъ подъ ноги горящую головню и онъ, перешагнувъ черезъ нее, поворачивается отъ правой руки къ лѣвой и, перекрестившись, проситъ Бога о дарованіи ему счастливаго пути.

Тоже самое продѣлывается и съ тѣми, которые отправляются на охоту, или въ церковь, для принесенія тамъ жертвы. Полагаютъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ ограждаются отъ нечистой силы путешественникъ и охотникъ, а въ послѣднемъ—приносящій жертву очищается отъ всякія скверны.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ сванеты приносятъ домой землю изъ кучекъ, набросанныхъ кротами. Этою землею посыпаютъ, по немногу, амбары, сундуки, ларцы, домашнюю утварь и проч. Значенія этого обыкновенія никто не объясняетъ.

Сырѣ отъ удоя въ день понедѣльника можетъ ѣсть только женскій полъ, мужчинамъ нельзя ѣсть, иначе коровы будутъ мало давать молока.

Если грудного ребенка несутъ ночью куда нибудь, то лобъ его намазываютъ углемъ, или сажей, чтобъ отогнать отъ него нечистую силу. Для той-же цѣли кладутъ въ люлькѣ, съ ребенкомъ, какую нибудь желѣзную вещь, или просто кусочекъ желѣза.

Въ праздникъ св. Федора, какъ мужчины, такъ и женскій полъ стригутъ у себя по немногу волосъ, Въ тотъ-же день стригутъ нестриженныхъ овецъ, или, по крайней мѣрѣ, брѣютъ съ нихъ понемногу руна.

Въ воскресенье не годится бриться. Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ расчесывать волосы, не годится и шить, иначе „скотину подавить звѣрь“.

Когда скотина заблудится, или какъ нибудь останется въ полѣ, тогда дома привязываютъ веревкою треножный стулъ, надѣясь, что этимъ средствомъ „у хищнаго звѣря ротъ завяжется“.

Во вторникъ и въ четвергъ, передъ заходомъ солнца, женщины перестаютъ работать, иначе „домашняя скотина, дескать, уменьшится“.

Не годится прясть коноплю съ 20 декабря по 7-е января.

До 9-го марта, на пахатныхъ поляхъ, не насыпаютъ на снѣгъ землю *), „чтобъ предотвратить на весь мартъ дурную погоду“.

Сванеты придаютъ большое значеніе вліянію луны. Они считаютъ счастливыми нѣкоторые фазы и знаютъ наизусть числа дней (фазъ) луны (3, 6, 7, 10, 16 и 20) благоприятныхъ для путешествія, для поднятія и переноски амбара, винной посуды, домашней утвари и проч. Для выступленія въ путь, самымъ счастливымъ днемъ считается понедѣльникъ, въ особенности, если съ этимъ днемъ совпадаетъ 7-й день луны.

Покровителемъ свиней народъ считаетъ „лапатра“. Въ праздникъ „менсаріоба“, который бываетъ въ субботу предъ наступленіемъ недѣли о Фарисей и Мытарѣ, въ каждомъ домѣ рѣжутъ по одной свиньѣ и, вынувъ у нея языкъ, приносятъ его съ однимъ хлѣбомъ къ свиному хлѣву, гдѣ просятъ „лапатра“ увеличить ихъ стадо свиней.

Для умноженія овецъ, народъ обращается съ молитвою къ „сарекель-дець“. **)

Когда желаютъ вскрыть полный амбаръ, то для этого прежде всего исполняютъ слѣдующій обрядъ: одна изъ женщинъ, при-

*) Нужно знать, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Сванетія имѣютъ обыкновеніе засыпать снѣгъ землею, чтобы снѣгъ скорѣ растаялъ; этимъ путемъ здѣсь имѣютъ возможность скорѣ распахать поля. Средство это приводитъ всегда къ желаемому результату, если непогода не пошлетъ снова снѣга.

**) „Дець“ — небо.

готовивъ для печенія комъ тѣста, щипнетъ его съ трехъ боковыхъ сторонъ большимъ и указательнымъ пальцами, а потомъ сверху надавливаетъ большимъ, указательнымъ и среднимъ пальцами настолько, чтобы остались ихъ отпечатки на тѣстѣ. По приготовленіи такимъ образомъ хлѣба „лешгна“ (լեղնգն) „закусыванія“, всѣ въ домѣ откусываютъ отъ него, съ краевъ, по кусочку, передавая, по очереди, другъ другу, приговаривая: „Господи! сдѣлай нашъ амбаръ изобильнымъ“. При этомъ у каждаго изъ нихъ должны быть подъ ногами ножикъ и угли. Къ тому-же времени приготовленъ другой, подобный-же хлѣбъ („лешгна“), который относится, прикрытый полою платя (чтобъ небо не узрѣло,—не годится) къ постороннему лицу, считающемуся счастливецемъ и преданнымъ дому, и даютъ ему покушать хлѣба.

Передъ начатіемъ молотбы хлѣба, когда снопы уже развязаны на гумнѣ, обходятъ его три раза, имѣя при себѣ топорикъ или какую нибудь желѣзную вещь, приговаривая: „Господи! подай гумну изобиліе; кто имѣетъ къ моему току „дурной глазъ и сердце“ (кто сплавить его, посмотреть завистливо), ты исеуши его, вытравь его чадо.... и осени мое гумно знаменіемъ креста“.

Народъ убѣжденъ, что существуетъ талисманъ „махадана“, имѣющій свойство переносить, невидимо, зерна, съ одного гумна на другое. Бывали случаи, что ходили, по селенію съ образомъ и заставляли всѣхъ клясться въ томъ, что не стануть держать у себя „махадана“, обогащающаго тѣхъ, кто держитъ этотъ талисманъ и разоряющаго все селеніе.

Во время припадка падучей, къ больному пристають съ кинжалами и стрѣляютъ изъ ружей, съ цѣлью выгнать изъ больного нечистую силу, при чемъ сжигаютъ передъ его носомъ волчью шерсть. По прошествіи припадка, больному привязываютъ защитные въ лоскуткѣ кожи волчій зубъ и медвѣжьи когти („кисумбура“ — „կիսմբուր“).

Если весной впервые увидѣть, не будучи обутымъ, новорожденнаго жеребенка, перепелку или лягушку не въ водѣ, то въ лѣто будутъ болѣть ноги.

Если услышать впервые весной голосъ козленка раньше

чѣмъ увидѣть его, то торговецъ заговоритъ во время продажи-купли.

Если тоже случится по отношенію къ поросенку, то явится бурчаніе въ животѣ.

Если трысогузку увидѣть не умывшись, то глаза будутъ болѣть.

Если на бабочку взглянуть, когда она летитъ по направле-нію къ востоку, то будетъ счастье.

Если кукушку на голодный желудокъ увидѣть, то плоды трудовъ не будутъ обильны.

Если увидите впервые змію, спѣшите домой и, засматри-вая въ огонь, схватите цѣпь, на которую вѣшаютъ котлы. Хотя-бы и имѣть успѣхъ, продѣлать все это но все-же, это событіе по-рождаетъ дурное расположеніе духа.

Когда народится луна, хорошо увидѣть ее въ тотъ моментъ, когда по линіи зрѣнія стоитъ кто нибудь. За то и характеръ этой личности сообщается вамъ до другаго новолунія. Увидѣвши-же народившуюся луну, должно съѣсть небольшіе крохи хлѣба и взять въ зубы серебро и желѣзо: металлы эти означаютъ: серебро — чистоту сердца, а желѣзо — твердость, неустрашимость.

Если соя и дроздь-деряба издадутъ звуки вправо отъ пут-ника, или охотника, то это скверно: путешественника постиг-нетъ несчастіе, а охотника — неудача. Тѣхъ-же послѣдствій нуж-но ожидать, когда по дорогѣ вылѣтитъ перепелъ.

За то встрѣтить въ дорогѣ лягушку — прекрасно; лучшаго нельзя пожелать.

Хорошо для охотника, если послѣ новаго года, первую уби-тою имъ дичью будетъ трысогузка.

Когда обуваешься, надѣвай обувь сперва на правую ногу: съ лѣвой ноги начинать негодится.

Если головни шипятъ — быть непогодѣ.

Если чешется лѣвое ухо — быть непогодѣ, а когда правое быть вѣдру.

Того-же нужно ожидать, когда чешется нѣбо.

Когда чешется правая сторона бровей — не пускаться въ путь, а когда лѣвая сторона — исполнится задуманное.

Пульсаніа лѣваго плеча предвѣщаетъ ссору и вѣсть о смерти.

Когда чешется верхняя губа, то это предвѣщаетъ приобрѣте-ніе напитка.

Когда чешется кончикъ носа, то это предвѣщаетъ горе.

Пульсация въ колѣнахъ предвѣщаетъ стать на колѣна для олакиванія.

Когда чешутся ноздри, то это предвѣщаетъ радость.

Если умывается кошка и при томъ лапкою задѣваетъ за свое ухо—быть погодѣ.

Если куры барахтаются, то быть грозѣ.

Если грудной ребенокъ поведетъ ручками по головѣ—значитъ грозить смерть.

Происхожденіе грома и молніи сванеты объясняютъ двояко: или тѣмъ, что на небѣ ссорятся дивы, при чемъ сталкиваясь производятъ громъ, а стрѣляя изъ ружій—молнию, или тѣмъ, что черти, собирая котлы, гремятъ ими. Дождь, по представленію сванетовъ, леть изъ небесныхъ озеръ.

ХІІІ. ДЕМОНОЛОГІЯ.

„Сашшаръ“ *) (лѣшій). Посванетски лѣшіи называются „сашшаръ“—страшилице; они, по вѣрованію народа, появляются въ окрестностяхъ селеній за двѣ недѣли до рождественскаго поста и остаются до праздника во имя св. Варвары, т. е.—4-го декабря. Сашшары ростомъ съ 9-тилѣтняго ребенка; ихъ бываетъ много по берегамъ рѣкъ и у родниковъ. Лица у нихъ человѣческія; они одѣваются и говорятъ. Встрѣчнаго окликаваютъ всегда по имени; показываютъ только одинокому и, поймавъ его, водятъ по небу, по землѣ и, приведя, наконецъ, на то мѣсто откуда взяли, отпускаютъ взнузданнымъ. У нѣкоторыхъ они сворачиваютъ ноги пятками впередъ, но въ конецъ никогда не губятъ. Сашшары устраиваютъ хоробы, любятъ ловить форель, часто охотятся на туровъ и лакомятся ихъ мясомъ.

„Пажвъ“ (***) (скрывающійся)—домовой. Пажвъ—живое существо съ человѣческимъ лицомъ, за исключеніемъ носа; тѣло у него мягкое, будто заросшее птичьимъ пухомъ. Пажвъ припадаетъ къ спящему грудью на грудь, лицомъ къ лицу, руками къ рукамъ и т. д. Спящій тогда изнемогаетъ, почти задыхается, не въ

*) Сванетскій сашшаръ тоже самое, что въ Имеретіи „тчинка“ (ჭებჯა, ჯებჯა), въ Грузіи—„тгисъ-капи“ (თუბ-ჯეცი), „ал-каджи“ (აღ-ჯეჯი).
**) По Грузіи онъ называется „маджлажунъ“.

силахъ будучи преодолѣть пажва. Но если спящій какъ нибудь вывернется и, захвативъ домового, подведетъ его къ огню, то пажвъ „гаснетъ“—улетучивается.

„Кхаль“*). Кхаль—газообразное существо, невидимое; присутствіе его узнается по особому, свойственному ему запаху. У него ноги хрустальныя; онъ обитаетъ въ горахъ и на берегахъ рѣкъ. Если „Кхаль“ нападетъ на человѣка, то у него появляется зѣвота, разбалывается голова, начинается тошнота и вообще онъ повергается въ неловкое, дурное расположеніе духа. Средство противъ „Кхаль“—заговоръ, нашептываніе особенныхъ молитвъ.

XIV. ОХОТНИКИ И ОХОТА.

1. *Покровители охотника и его обычаи въ Сванетіи.* Страсть и способность къ охотѣ, по убѣжденію сванетовъ, передаются наследственно. Покровителями охоты, кромѣ Бога-Отца, признаются: св. Георгій, „Даль“, **) „Абсасдъ“, „Свимъ-беръ-мозгваръ“ и „Эль“. Соблаговоливъ св. Георгій, такъ дастъ охотнику удачу на сернь и туровъ, вѣтъ—такъ не дастъ. Ближайшею помощницею св. Георгія считается Даль (Коджа Даль), которая живетъ постоянно въ скалахъ горъ. Она порою показывается счастливцу охотнику и тогда успѣхъ послѣдняго несомнѣиенъ. Но охотникъ, повидавшій Даль, не долженъ объ этомъ разглашать,—иначе богиня разсердится и сброситъ его со скалы. Дали поручены св. Георгіемъ туры и серны и она обязана вести имъ счетъ какъ живымъ, такъ и убитымъ. Даль не позволитъ охотнику убить любимыхъ ею исключительно туровъ и сернь. Въ одной изъ народныхъ сванетскихъ пѣсенъ упоминается, что Даль иногда соблазняетъ охотника и раздѣляетъ съ нимъ любовь. У сванетовъ о Дали существуетъ такая легенда. Даль лежала послѣ родовъ на верхушкѣ скалы, оттуда скатился у нея ребенокъ; внизу схватилъ его волкъ и унесъ. Увидѣвъ это, охотникъ погнался за хищникомъ, застрѣлилъ его и, отбивъ дитя, принесъ къ скалѣ, на которой была Даль. Обрадовавшись ребенку, она предложила охотнику просить себѣ одно изъ двухъ—или раздѣлить съ нею

*) Въ Грузіи онъ называеься, подъ именемъ *Али*. Если достать волосъ *Али*, то онъ будетъ вѣчно служить въ качествѣ служанки, лакея и т. д.

**) „Даль“, по-сванетски, означаетъ горянка и кукла.

любовь, или право добывать определенное число туровъ и сернь ежегодно. Охотникъ остановился на послѣднемъ предложеніи. Тогда Даль спустила со скалы свою длинную косу и подняла ея ребенка. Вскорѣ охотникъ разгнѣвился Даль тѣмъ, что, не довольствуясь определеннымъ числомъ дичи, сталъ истреблять любимые богинею табуны туровъ; за это онъ былъ свергнутъ Дально со скалы, а потомки его лишены ею права на охоту.

„Абсасдъ“—тоже богъ горъ; у него правъ на туровъ и сернь меньше, чѣмъ у Дали, но за то онъ считается покровителемъ птицъ.

Что-же касается покровителей охоты „Свимъ-беръ-модзвара“ и „Эль“, то у нихъ, по вѣрованію сванетовъ, большихъ и исключительныхъ правъ на звѣрей и птицъ не имѣется.

Отъ охотника требуется, чтобы онъ избѣгалъ прелюбодѣнія и старался не попасть въ такой домъ, гдѣ находится роженица, или вообще женскій полъ въ періодѣ менструаціи. Послѣднимъ въ этотъ періодъ не дозволяется ѣсть дичь.

Кости отъ дичи должны быть собираемы охотникомъ въ своемъ домѣ, а если ихъ накопится такъ много, что негдѣ умѣстить, тогда ихъ нужно выбросить въ рѣку. Кости отъ доли дичи, подаренной охотникомъ товарищамъ или постороннимъ, въ видѣ гостинца, непременно должны быть возвращены тому-же охотнику всѣ сполна.

Къ мясу и даже къ костямъ дичи не должны быть допускаемы свиньи, овцы и куры.

Рога отъ туровъ и сернь жертвовались до сихъ поръ церкви, а теперь промысль измѣнилъ этотъ обычай: ихъ продаютъ.

Убитая дичь обыкновенно дѣлится между охотникомъ и его сотоварищами спутниками въ слѣдующемъ порядкѣ: голова, шея и шкура дичи принадлежать исключительно охотнику, убившему дичь, а остальная часть ея дѣлится на равныя части между участвовавшими въ самой охотѣ и бывшими при вещахъ охотниковъ.

Убитая дичь приносится въ деревню непременно ночью, чтобъ не сглазили охотника.

2. *Туръ и охота на нихъ.* Туръ водятся въ Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, на всемъ протяженіи его. Туръ-самецъ взрослый, по величинѣ своей, подходитъ къ двухгодовалому телку, и бываетъ въ длину 7—8 футовъ. Туръ-самецъ значительно болѣе

тура-самки и туловищемъ, и рогами. У тура, какъ и у домашней козы, хвостъ и борода короткіе, уши, сравнительно съ головой,— малы, челюсти длинныя, глаза большіе, шея толстая, короткая, грудь широкая, сильная, рога, откинутые назадъ, бываютъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина длины и толстыя, съ роговистыми складками или кольцами. Замѣчено, что величина турьихъ роговъ не вездѣ одинакова. Напримѣръ, рога туровъ въ охотничьихъ мѣстахъ Ушгульскаго общества бываютъ длинныя, а въ охотничихъ мѣстахъ Инарскаго и Гулахскаго обществъ—толстыя и короткіе. Турья копыта раздвоенны и эластичны, что даетъ имъ возможность ходить и держаться на высокихъ и почти отвѣсныхъ карнизахъ скаль. Турья шерсть короткая, частая и жесткая, цвѣта—весною соломеннаго, лѣтомъ—каштановаго, осенью—съ примѣсью чернаго и зимою—сѣроватаго. Мясо тура очень вкусное, жирное; надъ ребрами тура бываетъ жиру на четыре пальца толщины и можно добыть его съ одного тура до пуда. Туры спариваются въ ноябрѣ, а сбрасываютъ въ июнѣ, по одному и въ рѣдкихъ случаяхъ—по два телка. Туры, различнаго возраста, носятъ у сванетовъ названія различныя. Такъ, взрослый туръ-самецъ называется „квицра“, „гвашъ“, „фіанъ“ (быкъ); туръ средняго возраста,—„мувширъ“, годовалый телокъ—„потръ“. Самка тура называется „диквицра“ или „дафіуль-квицра“. Туры любятъ держаться въ самыхъ неприступныхъ для человѣка скалахъ. Они чрезвычайно быстры на ходу, ловки и находчивы. Иногда туры падаютъ (случайно) съ кручи, но они всегда уловчиваются подать на рога, и это паденіе, благодаря твердости ихъ роговъ и силѣ ихъ шеи, не причиняетъ имъ никакого вреда. Туры чрезвычайно крѣпки и выносливы: если пуля изъ винтовки не попадетъ ему въ голову, или сердце, то съ одного выстрѣла и не одолѣтъ его. Пищею турамъ служатъ молодая мурава на проталинахъ, мохъ, древесныя листья и молодые побѣги и почки кустарниковъ. Зимой туры живутъ на карнизахъ скаль и въ пещерахъ, куда, какъ увѣряютъ охотники, горныя индѣйки приносятъ, лѣтомъ и осенью, въ большомъ количествѣ, траву; этимъ запасомъ и питаются туры, а ихъ помѣтомъ—индѣйки.

Туры днемъ, обыкновенно, проводятъ время на карнизахъ скаль, лежа и жуя жвачку; на пастбу ходятъ отсюда утромъ и вечеромъ при зарѣ. Тогда они спускаются по хребтамъ горъ внизъ, скорымъ шагомъ, и быстро поѣдаютъ по пути траву, листья,

мохъ, вѣтки кустовъ. Спустившись въ ущелье, пьютъ воду и въ особенности солончаковую, гдѣ таковая встрѣчается, а напившись, возвращаются тѣмъ-же путемъ на горныя вершины. Туры вообще чрезвычайно осторожны, зорки и чуютъ человѣка по запаху. Охотники, зная эти привычки туровъ, подкарауливаютъ ихъ, или на солончакахъ, или на пути слѣдованія ихъ за кормомъ или къ водѣ, стараясь перехитрить ихъ и подкрасться къ нимъ съ противоположной стороны направленія вѣтерка. Туры ходятъ по одиночкѣ и попарно, но любятъ жить небольшими стадами отъ 10, до 100 рѣдко, головъ, вмѣстѣ. Когда стадо ихъ не менѣе 10 штукъ, тогда его непременно караулитъ одинъ изъ стада. Въ то время какъ туры покойно пасутся, рѣзвятся, караульный безпокойно мечется, перебегаетъ съ одной горы на другую, обѣгаетъ вокругъ стада, наблюдаетъ за нимъ, безпокоится, тревожится и, если завидитъ хотя тѣнь опасности, даетъ знать товарищамъ—и стадо убѣгаетъ. Поэтому охотникъ всегда и прежде всего старается подстрѣлить караульнаго тура, а за тѣмъ уже приняться за любого изъ напуганнаго и разбѣяннаго стада, которое разбѣгается въ страхѣ въ разныя стороны, заложивъ рога назадъ и дѣлая немовѣрныя и отчаянно-смѣлыя скачки съ обрывовъ и скаль на едва досягаемыя карнизы и пики другихъ оголенныхъ и зубчатыхъ вершинъ.

На туровъ охотятся круглый годъ и преимущественно осенью. Зимой охота бываетъ удачная, когда выпадаетъ большой снѣгъ. Тогда охотники берутъ съ собою сельчанъ и съ собаками отправляются на туровъ. Народъ съ собаками располагается въ ущельи, а охотники, выпугнувъ стадо изъ нещерь, гонять его къ товарищамъ. Туры въ страхѣ бѣгутъ внизъ, скачутъ, вязнутъ утомленные въ снѣгу, не будучи въ состояннн подняться опять на гору... Тутъ начинается травля ихъ, почти всегда безъ выстрѣла. Бѣдныхъ туровъ, затравленныхъ собаками, прирѣзываютъ.

Изъ турьихъ шкуръ дѣлають тулупы, стоящiе 4—6 р. Туры, въ послѣднее время, стали значительно уменьшаться въ численности; причина этому ясна: ихъ бьютъ круглый годъ, не разбирая ни молодыхъ, ни старыхъ, ни козловъ, ни козъ. Въ 1882 году было насчитано убитыхъ въ Сванетiи туровъ болѣе 200.

3. *Горная индѣйка въ Сванетiи.* Горную индѣйку называютъ въ Вольной и Дадіановской Сванетiи—„каджа-каталь“ (скалистая курица), и „мукгелъ“ (ჭუჭუ) —(крикунья), въ Княжеской Сванетiи

— „жванъ“, а въ Верхней Рачѣ—„джихвисъ индоури“—турья индѣйка. Горныя индѣйки живутъ въ недоступныхъ горахъ Кавказа, чаще въ обществѣ туровъ. Онѣ крупнѣе домашней курицы; цвѣтъ перьевъ у самца—сѣро-бѣловатый, а у самки—свѣтлопенельный; на нижней части у нихъ, вплоть до короткаго хвоста, пухъ бѣлый. Голова у этой птицы красивая, клювъ короткій, слегка сплюснутый, глаза большіе. Горныя индѣйки кудахчутъ какъ куры, но весьма громко, съ насвистомъ, лѣтаютъ быстро и на большое разстояніе, какъ-бы не смыкая крыльевъ, а бѣгаютъ такъ быстро, что не догнать ихъ и на лошади вскачь. Онѣ гнѣздятся въ скалахъ и несутъ не болѣе 10-ти яицъ въ пятнахъ, въ родѣ веснушекъ. Птенцовъ кормятъ самка и самецъ. Вдѣтъ онѣ траву, глотая рядомъ камешки, песокъ, иль. Онѣ очень сильны. Удержать пару живыхъ горныхъ индѣекъ одному человѣку—затруднительно. Онѣ кусаются. Зимой живутъ въ пещерахъ съ тѣрами и питаются ихъ пометомъ. Въ Сванетіи горныхъ индѣекъ доводятъ лѣтомъ, въ особенности молодыхъ, ловушками, но онѣ въ неволѣ ничего не ѣдятъ и не выживаютъ. Мясо ихъ бѣловатое вкусное.

XIV. ПРАЗДНИКИ И СВЯЗАННЫЕ СЪ НИМИ ОБЫЧАИ И СУЕВѢРІЯ.

1. *Новый годъ* посванетски называется „зомха“, отъ словъ „за“—годъ и „махе“—новый. Въ Дадіановской Сванетіи Новый годъ называется „канда“. Наканунѣ Новаго года, съ вечера, до ужина, въ каждомъ домѣ готовятъ короткій пучекъ стружекъ, со струженыхъ отъ палочекъ, подвѣшанныхъ за мѣсяць до того подъ потолкомъ, надъ огнемъ, для просушки ихъ. Пучекъ этотъ кладется у „керіа“—очага, а на утро въ Новый годъ этими стружками разводять впервые огонь. Наканунѣ Новаго года, съ вечера, всѣ ведутъ себя чинно, никто не обмолвится дурнымъ словомъ, ибо, по ихъ понятію, уже наступилъ Новый годъ, а въ первый день его не подобаетъ вести себя иначе. Послѣ ужина кто-либо изъ домашнихъ отправляется въ одинъ изъ необитаемыхъ домовъ селенія, куда стекаются и другіе тоже по одному человѣку отъ каждаго двора. Удалившагося такимъ образомъ человѣка называютъ „каме мучшха“ (კამე მუცხა) — *внѣшнимъ славильщикомъ*, т. е. человѣкомъ, приходящимъ извнѣ для поздравленія. Кромѣ внѣшняго славильщика въ каждомъ домѣ есть еще по двое *внутреннихъ славильщика*—„исгаа мучшха“ (ისგაე მუცხა). Они,

оставаясь въ домѣ, должны на другой день (въ Новый годъ) встать спозаранку, раньше другихъ, положить на угляхъ стружки изъ пучка, оставленнаго у очага и послѣ этого отправиться на рѣчку. Одинъ изъ нихъ несетъ съ собою „охарь“—деревянную посуду для воды*), а другой—маленькую корзинку, въ которой уложены „ушдбааль“—хлѣбы, съ запеченнымъ въ немъ сыромъ, на каждаго домочадца по одному.

По приходѣ ихъ на рѣчку, они испрашиваютъ у Бога благословить принесенные ими съ собою хлѣбы, затѣмъ наполняютъ „охарь“ водою и молятъ Бога дать счастье имъ быть для дома добрыми вѣстниками. Гостиными въ этотъ день бываютъ преимущественно родственники: замужнія дочери съ дѣтьми и мужьями, также продавшіе имъ имѣніе; каждаго посѣтителя отдариваютъ отъ 1 до 20 р. (конечно скотомъ, или вещами). Тутъ еще нужно упомянуть объ одномъ обычаѣ. На канунѣ новаго года, одинъ изъ домашнихъ вырубаетъ въ аршинъ длины березовый брусъ и, расколовъ его на части, приставляетъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дверей дома; осколки эти называются „нате“; каждый гость, приходящій на вотрой день Нового года, обязанъ взять одно „нате“ и ввести въ домъ. Эти „нате“ сперва приставляются къ стѣнѣ у очага, а затѣмъ втыкаются въ потолокъ.

2. *Канунъ Рождества и Рождество.* Канунъ Рождества сванеты называютъ „Шабъ“, а самое Рождество—„Крисдеешь“, „ᠰᠢᠷᠳᠡᠭᠡᠰᠢ“, что въ переводѣ означаетъ—Рождество Христово.

Въ этотъ праздникъ въ каждомъ селеніи одинъ или нѣсколько, заранѣе выбранныхъ по очереди жителей, обязаны угостить всѣхъ жителей села: наканунѣ рождества обѣдомъ и ужиномъ постнымъ, а въ день Рождества обѣдомъ скоромнымъ. Въ назначенное время жители селенія спозаранку отправляются гурьбой, безъ приглашенія, въ гости къ „угощателю“, на котораго пала эта дорого стоющая честь.

Первое мѣсто за столомъ занимаетъ хозяинъ, около него усаживается старѣйшій по лѣтамъ односелець, а за ними—слѣдующіе, по возрасту, сельчане. Женщины усаживаются отдѣльно, на другой сторонѣ комнаты, тоже по старшинству возраста. Передъ каждымъ рядомъ гостей ставятъ длинныя скамейки (столы); сельскіе виночерпіи, каковыхъ, избранныхъ „угощателемъ“, независимо

*) Долблякъ этотъ похожъ на ушатъ, или ведро, имѣющее сверху небольшое, круглое отверстіе; носится на спицѣ.

поваровъ, бываетъ на каждыя 20 дымовъ—по десяти, на столахъ, передъ гостями кладутъ столько хлѣбовъ, что они буквально прикрываютъ собою столы. За тѣмъ, на каждаго троиухъ гостей подается по одной большой чашкѣ варенаго сыра и столько же, въ такой же чашкѣ, неваренаго. Когда всѣ усядутся по своимъ мѣстамъ, тогда среди комнаты усаживается „тиде“—кравчій и наливаетъ въ чаши водку виночерпіямъ, которые и разносятъ сидящей за столами публикѣ, начиная съ хозяина, послѣдовательно.

Вотъ подали „угощателю“ чашу съ водкой; онъ встаетъ, благословляетъ гостей, прося Бога, что-бы Спаситель вознаградилъ и восполнилъ утрату каждаго изъ нихъ; при этомъ упрощаетъ народъ провести въ его домѣ время безъ ссоры, за что онъ будетъ благодаренъ. Послѣ хозяина встаетъ слѣдующій за нимъ старѣйшій, благословляетъ народъ и когда онъ окончитъ, опорожнивъ чашу, тогда только остальные приступаютъ къ кушаньямъ и начинается ширь... Виночерпій безостановочно разносятъ гостямъ водку и когда чаши по три раза обойдутъ народъ, тогда послѣдній на время прекращаетъ ѣду и, перекрестившись, начинаетъ пѣть „рождественскія“ пѣсни, заключающія въ себѣ: Рождество Спасителя въ Вифлеемѣ, приходъ волхвовъ на поклоненіе съ дарами и нахожденіе младенца въ „золотой люлькѣ“ (ясляхъ). За тѣмъ виночерпій продолжаютъ обносить водку, ширь идетъ горой; женщины и мужчины, особо другъ отъ друга, поютъ народныя пѣсни и пляшутъ до утомленія. Окончивъ обѣдъ народъ выходитъ на дворъ и тамъ продолжаетъ пѣсни и пляски до ужина. Ужинъ этотъ и, на другой день, закуска и обѣдъ пируются въ томъ-же помѣщеніи и тѣмъ-же порядкомъ.

Обычай этотъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ прекратился, вслѣдствіе неурожаевъ и во избѣжаніе раззорительныхъ расходовъ. Тамъ-же, гдѣ таковыя еще остались, селенія вынуждены были раздробиться на нѣсколько партій, для подобныхъ пировъ. Во всѣхъ большихъ празднествахъ въ Сванетіи соблюдается тотъ-же чинъ и порядокъ во время трапезы.

3. „*Ликераши*“ ლიკერაშის. Празднованіе „Ликераши“ начинается въ пятницу, предъ недѣлей о Фарисеѣ и Мытарѣ и продолжается пять дней, для славосланія св. Варвары. Но прежде слѣдуетъ описать легендарное преданіе о томъ, по какому случаю установленъ этотъ праздникъ. Въ Княжеской Сванетіи, въ Бечойскомъ обществѣ, въ сел. Доля, есть остатки церкви съ обрушившимся куполомъ

во имя св. Варвары. Давно, очень давно, изъ этого селенія вы-
селились, для водворенія въ Ушгульскомъ обществѣ, двое жителей:
одинъ, по фамиліи Калдани а другой—Тчелидзе. Ихъ вынудили на
этотъ тяжелый шагъ разныя стѣснившія ихъ обстоятельства. Раз-
стояніе между названными обществами—54 версты. Ушгульцы
приняли Калдани и Челидзе подъ свое покровительство и надѣ-
лили ихъ изъ общественныхъ земель пахатами, покосами и лѣс-
нымъ участкомъ, съ условіемъ, чтобъ они выкрали изъ Дольской
церкви образъ Спаса и доставили-бы въ Ушгульскую церковь, во
имя св. Варвары. Выполненіе этого условія отъ Калдани и Тче-
лидзе народъ требовалъ потому еще, чтобъ убѣдился въ предан-
ности ихъ къ Ушгульскому обществу и чтобъ этимъ поступкомъ
возникло для выходцевъ препятствіе къ обратному возвращенію
ихъ въ Доль. Калдани и Тчелидзе выполнили условіе въ со-
провожденіи шести человекъ Ушгульцевъ. Похищенный образъ
Спаса и нынѣ находится въ ушгульской церкви во имя св. Вар-
вары. Существуетъ пѣсня въ честь перенесенія этого образа въ
Ушгули, весьма поэтически сложенная, и поется народомъ во вре-
мя праздника „Ликвраши“. Она начинается такъ: „Слава тебѣ,
св. Варвара Дольская!“. Узнавъ о похищеніи образа, вся Сванетія
рѣшилась созвать народное собраніе. Цѣль сходки была уми-
лостивить св. Варвару Дольскую, какимъ нибудь приношеніемъ,
такъ какъ Святая могла прогнѣваться за похищеніе образа. Су-
дили, радил и установили ежегодно праздновать „Ликвраши“,—
славить св. Варвару. Но празднованіе должно было быть выпол-
няемо—по мнѣнію схода—тамъ, въ какомъ обществѣ и въ какомъ
селѣ пожелала-бы св. Варвара. А какъ это узнать? Народъ не
затруднился разрѣшить трудный вопросъ: собраніе рѣшило взять
изъ cadaго селенія по одной кадки („негаръ“) на гору Бечой-
скаго общества—*Мезери*, *) на склонѣ которой расположены, какъ
с. Доль, такъ и церковь во имя св. Варвары,—и съ вершины
этой горы спустить кадки; чья кадка уцѣлѣетъ, тому и праздни-
вать во славу св. Варвары. Что-же вышло?—Изъ бочекъ, прине-
сенныхъ со всей Сванетіи, отъ cadaго селенія по одной, уцѣлѣ-
ли только три: ушгульская, мужальская и дольская; осталь-
ныя разбились въ дребезги. Такимъ образомъ „Ликвраши“ и по
нынѣ празднуется въ Ушгульскомъ обществѣ, въ с. Мужали—въ
Мулахскомъ обществѣ и въ с. Доль—въ Бечойскомъ обществѣ.

*) Разстояніе отъ подошвы до вершины Мезери—версты двѣ.

Во время празднованія „Ликвращи“, одни дворы, въ данный годъ, *угощаютъ*, а другіе—*гостятъ* у нихъ, точно также, какъ во время праздника „Лампари“, но съ тою разницею, что *число гостей и угощаемыхъ* тутъ допускается неравное, какъ въ праздники „Лампари“; гости могутъ превосходить численностью и это зависитъ отъ взаимнаго, заранѣе выговореннаго между сторонами, условія. Угощеніе должно быть въ большихъ размѣрахъ, на сколько позволяютъ средства хозяина. Во время этого праздника могутъ явиться въ гости и неприглашенные, посторонніе; хозяинъ долженъ принять ихъ съ почестью, ласково, не вызывая неудовольствія и не высказывая, что онъ не знакомъ съ посѣтителемъ.

4. *Последній день масленицы.* Въ воскресенье, въ послѣдній день масленицы, жители обоого пола и всѣхъ возрастовъ собираются среди села, гдѣ зараніе воздвигнута обширная, въ видѣ башни, крѣпость изъ снѣга; охотники и охотницы до плясокъ поднимаются на снѣжную крѣпость и тамъ пляшутъ круговую. Среди хоровода, на крѣпости, водруженъ высокій столбъ и на немъ на верхушкѣ, намотана солома изъ ржи, въ формѣ человѣческой фигуры. Наплясавшись вдоволь на импровизированной крѣпости, сходятъ внизъ и разоряютъ самую крѣпость. Вслѣдъ за этимъ начинается представленіе, нѣчто въ родѣ представленій египтянъ, грековъ и римлянъ. Артисты наряжаются въ особой, ближайшей къ сходу народному саклѣ. Прежде всего выбираютъ одного, самаго малаго ростомъ человѣка, обиженнаго природою и въ другихъ отношеніяхъ, надѣваютъ на него широкіе холщевые панталоны, набивъ ихъ мякиною, дѣлаютъ ему изъ соломы горбъ, привѣшиваютъ къ животу эмблему человѣческаго произрожденія и, смазавъ сажей лицо, дѣютъ въ руки березовую метлу. Наряженный такимъ образомъ шутъ называется „сакмиса“ (сакмиса). По сюжету піесы, въ помощь къ „сакмиса“ назначаютъ нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ, наряженный въ „кээны“ (шахъ), стоитъ около „сакмиса“ съ обнаженною деревянною шашкою, въ качествѣ тѣлохранителя; двое одѣтые въ женскія платья—въ роляхъ женъ „кээны“, а остальные—въ визиря... Выходятъ для представленія и въ народѣ раздается непритворный смѣхъ, шумъ, гамъ, крики одобренія... „Сакмиса“, измѣнивъ голосъ, начинаетъ размахивать метлой, будто силится драться. Кого-бы онъ не задѣлъ метлой изъ присутствующихъ зрителей, никто не въ правѣ оскорбиться. Сакмиса въ ударѣ, онъ подбѣгаетъ, то къ одной, то къ

другой изъ присутствующихъ женщинъ и заигрываетъ съ ними, дѣлая при этомъ неприличныя тѣлодвиженія!... Между тѣмъ „кээни“ ложится среди своихъ женъ, и притворяется спящимъ. Тогда „сакмиса“ соблазняетъ женъ кээни, и тутъ, какъ „кээни“, такъ и „сакмиса“ выказываютъ искусство въ изображеніи образа безстыдства, подходящаго къ тому, что продѣлывали греки и римляне въ мистеріяхъ, дававшихся ими въ честь Вакха, Пріама, Цереры, Венеры....

5. *Лидшвидинши и литхаши*. Съ весны общины дѣлаютъ сходы, на которомъ постановляютъ не работать вовсе до уборки урожая, за исключеніемъ среды и четверга. Остальные дни недѣли пожертвованы Богу. За это Всевышній спасетъ ихъ отъ града и ниспошлетъ имъ хорошій урожай. Для прочности постановленія, тутъ-же присягаетъ народъ въ ненарушимости обѣта и выбираетъ изъ среди себя, нѣсколько человекъ, на которыхъ налагаетъ обязанность слѣдить за точнымъ выполненіемъ постановленія и въ случаѣ нарушенія къмъ либо, данной присяги, работою въ запретные дни, взыскивать съ того штрафъ помѣръ вины его. На штрафныя деньги покупается водка для жертвованія Богу. Обычай этотъ называется „лидшвидинши“ и „литхаши“ *). Независимо всего этого, сельское общество, во все время обѣта, два или три раза въ мѣсяць, покупаетъ водку и скотину на убой и приноситъ въ жертву Богу, выпрашивая хорошій урожай и умоляя пощадить ихъ отъ градобитія. Понятно что, подобная жертва, во все неудобная небу, есть только предлогъ для сванетовъ повеселиться и напиться имъ въ лишній разъ. Въ случаяхъ градобитія или проливнаго дождя сванеты говорятъ, что жертва ихъ не принята Богомъ, потому что вѣрно кто нибудь изъ нихъ работалъ въ запретные дни, или праздники или, наконецъ, есть въ селеніи роженицы.

6. *Уплиши* (праздникъ на Оуминой). „Уплиши“ празднуется во всѣхъ обществахъ Сванетіи, кромѣ Ушгуйскаго и продолжается три недѣли сряду. Во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ только празднуется „уплиши“, одинъ дворъ, въ данномъ году, „угощаетъ“, а пять—шесть дворовъ—гостятъ у него. За то въ слѣдующія за тѣмъ пять-шесть лѣтъ „угощатель“ нынѣшняго года гостить, по очереди, у бывшихъ гостей своихъ. Такъ распределены и

*) *Лидшвидинши*—понедѣльничанье; *литхаши*—вторничанье.

очередуюся и остальные жители селенія. А какъ посѣщеніе 5—6 дворовъ совѣми домохадцами въ теченіи 3-хъ недѣль было-бы тягостно для одного, то „угощатель“ заготовляетъ для гостей только мясное и водку, а хлѣбъ, или правильнѣе, муку необходимую на это время для всѣхъ, собирають у себя и приносятъ съ собою гости. Въ это-же время, въ нѣкоторыхъ обществахъ, имѣють обыкновение жертвовать мѣстной церкви быка, котораго и закалываютъ въ оградѣ той церкви и тамъ-же варятъ его въ огромныхъ котлахъ. Тогда приходятъ сюда, отъ каждаго двора мѣстнаго селенія, по одному человѣку, приносятъ для себя по хлѣбу, съ запеченнымъ въ немъ сыромъ и когда уварится говядина, освящаютъ часть мяса и гусака той скотины, при одномъ хлѣбѣ, а остальное мясо распределяють по дворамъ. Пришедшіе сюда отобѣдать, къ вечеру расходятся по домамъ.

7. *Кхулиши* или *Вулиши*. Праздникъ „кхулиши“, или „вулиши“ установленъ въ Сванетіи очень и очень давно, вслѣдствіе печальнаго событія, содержаніе котораго осталось въ народной пѣснѣ, поющейя во время этого праздника.

Вотъ въ чемъ дѣла. У истока р. Ингура двинулся ледникъ, носванетски „кхоль“ или „воль“ и массою своею запрудилъ эту рѣку. Наконецъ масса воды тронула ледъ и смыла въ своемъ теченіи большую часть прибрежныхъ селеній, затопивъ и занеся ихъ пескомъ и иломъ. Послѣ этого несчастія установили праздникъ „кхулиши“—молить Бога чтобъ ледникъ не повторился. „Кхулиши“ празднуется въ Вольной Сванетіи—въ Местійскомъ обществѣ и въ Дадіановской Сванетіи—въ Лашхетскомъ обществѣ, ежегодно, передъ Петропавловскимъ постомъ, въ субботу и воскресенье. Въ время этого праздника одинъ дворъ угощаетъ, а сосѣдъ—гостить, въ слѣдующемъ году роли мѣняются и т. д. Такимъ же образомъ очередуются всѣ жители даннаго селенія. Ежегодно во время этого праздника ниръ идетъ горой, поють, пляшуть.

Въ Дадіановской Сванетіи, къ сѣверу отъ Лашхетскаго общества, возвышается очень высокая гора, а на вершинѣ ея раскинута довольно большая поляна; по срединѣ ея построена церковь во имя св. Архангела, куда стекается народъ изъ Лашхетскаго общества, въ праздникъ „Кхулиши“, принося съ собою все съѣстное. Пообѣдавъ и повеселившись, народъ возвращается домой. Каждый дворъ приноситъ въ жертву церкви: три восковыя

свѣчи, бардакъ вина, гусакъ отъ барана и проч. Все это идетъ въ пользу махвиши (старшины) селенія, которому принадлежить та церковь.

8° „Зураласкаръ“, или „Лигуркэ“. Праздникъ „Зураласкаръ“—женскій пиръ, или „Лигуркэ“ справляется ежегодно 15-го іюля, только въ Ушгульскомъ обществѣ. Въ старину, праздникъ этотъ справлялся женщинами, а впоследствии присоединились къ нимъ и мужчины. Вечеромъ того дня пекутъ, огромный хлѣбъ, въ три пуда, съ запеченнымъ внутри сыромъ. Хлѣбъ этотъ готовятъ такимъ образомъ. Муку и сыръ собираютъ въ селеніи, отъ каждаго двора; за тѣмъ разводятъ въ домѣ, на плитахъ, огромный костеръ и когда нагрѣются плиты, сгребаютъ и выносятъ жаръ, а на плиты кладутъ раскатанное въ видѣ круга тѣсто (основу хлѣба), на которое накладываютъ размятый сыръ, въ огромномъ количествѣ; завернувъ сыръ тѣмъ же тѣстомъ, на хлѣбъ вновь нагребаютъ жаръ, который чрезъ нѣкоторое время, достаточное что-бы сыръ проварился, вновь сгребаютъ. Снявъ верхнюю, уже обгорѣлую корку хлѣба, сваренный такимъ образомъ горячій сыръ, рассылаютъ каждому двору въ селеніи по одной деревянной чашкѣ.

9. „Керіашъ“—зубооѣ. Когда въ домѣ есть тяжело больной, тогда домохозяинъ приглашаетъ всѣхъ сельчанъ къ оградѣ церковной, куда онъ пригоняетъ одного, двухъ, иногда и болѣе быковъ. Тогда онъ проситъ народъ помолиться за больного и обѣщаетъ зарѣзать осенью, пригнанный къ церкви, въ жертру, скотъ. Народъ становится на колѣни и молится ради больного, испрашивая ему здорové. Осенью, намѣченный въ жертву скотъ закалывается и жители селенія, бывшія у церкви, угощаются на славу, какъ это дѣлается во время пира „катхъ-табакъ“, не смотря на послѣдствія молитвы поселянъ—выжилъ ли больной (ради котораго они молились) или скончался. У кого нѣтъ скота, для приношенія жертвы, тотъ, при приглашеніи народа, въ исполненіе обычнаго „керіашъ“, можетъ угощать ихъ хлѣбомъ, аракомъ и постными кушаньями.

10. „Катхъ-табакъ“ (капъ-табакъ). Зажиточный сванетъ гонитъ на пастбищныя горы пару быковъ, или одного быка, или наконецъ корову и мелкій скотъ, чтобъ они на волѣ до осени, разжирѣли на убой. Осенью, по заготовленіи водки, зарѣзавъ пригнанный съ пастбищъ скотъ и напекши хлѣба, данное лице при-

глашаетъ своихъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и сосѣдей на „катхъ-табакъ“— „*чаша-хотокъ*“— своего рода приглашенный обѣдъ. Во время пира подается всего вдоволь, кутяты до вечера и за тѣмъ расходятся по домамъ. Этотъ пиръ называется также „сагирбатъ“— для Бога, хотя тутъ ничего не освящается, ни для живыхъ, ни для усопшихъ.

11. *Лей* (ᠯᠡᠢ). По срединѣ Местійскаго общества есть поляна, длиною въ одну версту, а съ краю этой поляны расположены селенія. На этой полянѣ, между прочимъ, устраивается въ воскресенье конская скачка. Тогда выносятся изъ церкви во имя св. Георгія „леги“ (ᠯᠡᠭᠢ)— *шелковое вязанье, подобіе льна, съ разинутымъ ртомъ*. Одинъ изъ всадниковъ долженъ привязать „леги“ къ концу длинной палки и проскакать съ нею поляну взадъ и впередъ, три раза. Если „леги“ вздуется отъ вѣтерка, значить по понятію народа будетъ хороший урожай, въ противномъ случаѣ скудный. Народъ до вечера гуляетъ: поютъ, пляшутъ, стрѣляютъ въ цѣль.

XV. ОДЕЖДА И ОРУЖІЕ. ХАРАКТЕРИСТИКА.

Одежда сванета: холщевая рубаша домашняго издѣлія, кафтанъ (чоха) и шаровары изъ толстаго шерстянаго домашняго изготавленія сукна, и изъ той-же матеріи ноговицы, въ родѣ гамашей, наколѣвники и башлыкъ. Шапка остроконечная, войлочная съ широкими, опущенными полями, обшитыми по швамъ тесьмой или шнуркомъ и, кромѣ того, шапка на мѣху, изъ овечьей кожи, съ суконнымъ верхомъ.

Обувь сванета—лапти двухъ родовъ: съ острымъ концомъ и провлетенными подошвами для дороги и охоты, и круглые, цѣльные— для домашняго обихода. Въ обоихъ случаяхъ въ лапти закладывается, со всѣхъ сторонъ, для теплоты, дикій осотъ (*Scirpis L. Sp.*). Сверхъ одѣжды они неразлучно носятъ на себѣ и при себѣ: ружье, кинжалъ, пистолеть. Сабли и прямые палашы не уважаются ими, потому что сванеты взаимно ихъ употребляютъ толстую и длинную палку, съ которою никогда не разлучается. Сванеты постоянно имѣютъ при себѣ: привѣшанную къ поясу пороховницу „вазна“ и для пуль „киса“. Кромѣ того у него черезъ плечо перекинута наискось натруска, у пояса—кресало и сальница, для смазки ружья, а въ карманѣ, въ чохѣ, патроны наполненные, по мѣркѣ, парохомъ и заткнутые обернутымъ ниткомъ

пулею, такъ что, въ случаѣ нужды, ему стоитъ только достать зубами пыжъ, всыпать въ ружье порохъ, прибить пулею и дѣлу конецъ. Старики носятъ только палку съ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ, а у верхней части палки кресало, со вдѣланными въ немъ искусно, отверткою и шиломъ; внутри палки—ножъ.

Женскій костюмъ состоитъ изъ длинной рубахи и штановъ, а сверху рубахи архалухъ, разрѣзной спереди, на металлическихъ пуговкахъ; поясъ суконный, голубого цвѣта, домашняго приготовления; на головѣ носятъ „лечаки“—вуаль, треугольникомъ, одинъ конецъ ея достигаетъ до стѣпа ногъ, а двумя подвязываются спереди у лба. Ноговицы до колѣнъ. Обувь у нихъ такая же какъ и мужчинъ. Болѣе состоятельныя позволяютъ себѣ шелковыя рубахи, бархатныя „катиби“—полукафтанъ и вышитыя нагрудники „чапрасти“ по сторонамъ. На шеѣ носятъ состоятельныя янтарь и лигнитъ, а бѣдныя—бусы. Мужчины брѣвотъ бороды стригутъ волосы въ кружокъ, оставляя сзади немного подлиннѣе, а женщины заплетаютъ волосы въ косы. Какъ тѣ, такъ и другія зимою носятъ шубы. Впрочемъ, въ послѣднее время, какъ покрой платья, такъ и само платье стало измѣняться, или лучше сказать замѣняться тѣмъ, что можно достать, будучи въ отлучкѣ на заработкѣ. Такимъ же образомъ и сами жители, какъ будто стали мельчать и вмѣсто прежнихъ, саженныхъ гигантовъ, теперь встрѣчаютъ людей средняго роста, хотя правда коренастыхъ и сильныхъ.

Сванеты смуглы, волосы у нихъ черныя, между ними нѣтъ блондурыхъ. Вообще они и въ особенности жители Ушгульской общины—горды, строптивы, хотя и терпѣливы до извѣстной степени, но выведенныя изъ терпѣнiя—звѣри. Не даромъ они названы „ушгули“—превратный, злосердый, а народная пѣсня величаетъ такъ:

Ушгульцы—дивы!

Ушгульцы—звѣри!

Но они, ради защиты своей свободы, нуждались и въ силѣ, подобно диву и въ поступкахъ звѣрскихъ.

Князь Рафаилъ Эрстовъ.

3110756
2005-080749